

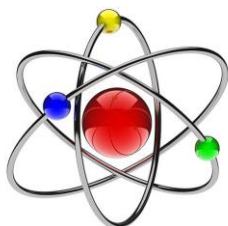
СЕТЕВОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ * <http://WWW.NOO-JOURNAL.RU> * ISSN 2311-1763

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-53538 от 04 апреля 2013 г. Роскомнадзора

SCIENCE. SOCIETY. DEFENCE
NAUKA. OBŖESTVO. OBORONA

*«Каждый должен встать
за свою страну и за свой народ
словом, письмом и делом»*

Издается с 2013 г.

Выходит 4 раза в год

NOO-JOURNAL.RU

НАУКА ОБЩЕСТВО ОБОРОНА

ISSN 2311-1763

9 772311 176774 >

МОСКВА

Том Vol. **10** № **4**
2022

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая политика

Таньшина Н. П. Польский вопрос как инструмент идеологической борьбы Запада против России

Мегем М. Е., Филев М. В., Давиденко А. А. Снести, перекодировать, интегрировать и маргинализировать: ключевые стратегии стран Балтии по отношению к советским памятникам

Объективная история

Виноградов М. В., Кретинин Г. В. Восточная Пруссия под властью национал-социалистов

Научные кадры

Капсалькова К. Р. «Если на мою книгу будет атака, – не принимайте это во внимание»: переписка М. Я. Сюзюмова и К. Д. Петряева

Армия, власть и общество

Лупанова Е. М. Молевой и плотовой сплав судостроительной древесины в период парусного военного флота в России

Спецслужбы: история и современность

Терехов С. А. Образование советских органов государственной безопасности в Крыму

Иванов В. А. Деятельность румынских спецслужб на территории Одесской области в годы Великой Отечественной войны

Историография

Стрелец М. В. Приеманье в истории Восточной Европы

Аверченко С. В. Довоенный период развития Эксплуатационно-технической службы отечественных ВВС: зарубежная историография

Работы молодых ученых

Синицын М. В. К вопросу об использовании методик менеджмента, кибернетики и военно-исторической науки при изучении органов управления

Курганский А. А. Юзеф Пилсудский о возрождении польского государства

Кулаков И. А. Массовое убийство воспитанников Симферопольского дома-интерната в г. Ейск в 1942 году как факт геноцида советского народа

CONTENTS

HISTORICAL POLICY

Tanshina N. P. The Polish question as an instrument of the West's Ideological Struggle against Russia

Megem M. E., Filev M. V., Davidenko A. A. Demolish, recode, integrate and marginalise: Key strategies for the Baltic States in relation to Soviet monuments

OBJECTIVE HISTORY

Vinogradov M. V., Kretinin G. V. East Prussia under the control of national socialists

SCIENTIFIC PERSONNEL

Kapsalykova K. R. "If there is a fierce attack on my book, don't take it into account": correspondence between M. Ja. Sjuzjumov and K. D. Petryaev

ARMY, GOVERNMENT, SOCIETY

Lupanova Ye. M. Raft and individual floating of shipbuilding wood in the period of sailing navy in Russia

SPECIAL SERVICES: HISTORY AND MODERNITY

Terekhov S. A. Formation of Soviet state security bodies in Crimea

Ivanov V. A. Activities of Romanian special services on the territory of Odessa region during the Great Patriotic War

HISTORIOGRAPHY

Strelets M. V. Prinemanie in the History of Eastern Europe

Averchenko S. V. Pre-war period of development of the Operational and technical service of the Russian Air Force: foreign historiography

WORKS OF YOUNG SCIENTISTS

Sinitsyn M. V. To the question of the using some methods of management, cybernetics and military history in studies of command structures

Kurganskii A. A. Józef Piłsudski about the Polish state's rebirth

Kulakov I. A. The mass murder of pupils of the Simferopol boarding school in the city of Yeysk in 1942 as a fact of the genocide of the Soviet people

УДК: 94(438).07

DOI: 10.24412/2311-1763-2022-4-25-25

Поступила в редакцию: 02.09.2022 г.

Submitted: September 2, 2022

Опубликована: 20.09.2022 г.

Published online: September 20, 2022

Для цитирования: Таньшина Н. П. Польский вопрос как инструмент идеологической борьбы Запада против России // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, №4(33). С. 25-25. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-25-25>.

For citation: Tanshina N. P. The Polish question as an instrument of the West's Ideological Struggle against Russia. – *Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2022;10(4):25-25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-25-25>.

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда содействия сохранению и развитию историко-культурных и духовно-нравственных основ Русской цивилизации «Светославъ» (Договор № 3/2022).

Acknowledgements: The article was written with the financial support of the Foundation for the Preservation and Development of the Historical, Cultural, Spiritual and Moral Foundations of Russian Civilization Svetoslav (Agreement No. 3/2022).

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2022 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2022 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Оригинальная статья

Польский вопрос как инструмент идеологической борьбы Запада против России

Наталья Петровна Таньшина ^{1, 2} ✉

¹ Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-592X>, e-mail: nata.tanshina@mail.ru

² Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-592X>, e-mail: nata.tanshina@mail.ru

Аннотация:

Статья посвящена анализу польского вопроса во взаимоотношениях между Россией и Западом. В рамках статьи польский вопрос рассматривается как инструмент идеологической борьбы Запада против России. В статье прослеживаются основные этапы русско-польских отношений и делается вывод о том, что начиная с Ливонской войны именно польские авторы стали главными трансляторами негативных мифов о России как варварской, деспотичной и экспансионистской державе. В статье анализируется роль польского фактора в формировании негативного имиджа России на Западе в ходе разделов Речи Посполитой, во время Французской революции и Наполеоновских войн, когда появляется первая версия фальшивого «Завещания Петра Великого», созданная польским генералом М. Соколыницким. Анализируется взгляд на Россию сквозь призму польских восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. и делается вывод о том, что европейское полонофильство имело своей обратной стороной ненависть к России. Также делается вывод о том, что подавление Россией польского восстания 1830–1831 гг. содействовало закреплению ее имиджа не просто экспансионистской державы, но государства, несовместимого с идеей свободы. Также отмечается, что несмотря на то, что после восстания 1863–1864 гг. в Польше были проведены реформы, для все новых и новых поколений патриотично настроенных поляков главным врагом оставалась Россия. В рамках статьи анализируются взгляды на Россию ведущих европейских политиков и общественных деятелей, формировавшихся под влиянием польской проблемы. В статье также анализируются расовые концепции неполноценности русских, у истоков которых стояли польские авторы, прежде всего, Ф. Духинский, идеи которого оказали большое влияние на развитие европейской антирусской мысли.

Ключевые слова:

Россия, Польша, русофобия, польский вопрос, образ России на Западе

ВВЕДЕНИЕ

Взаимоотношения между Россией и Польшей на разных этапах исторического развития были не просто сложными, а зачастую драматичными, отмеченными конфликтами, польскими интервенциями, разделами Польши, восстаниями. Это было связано как с политическими, или, говоря современным языком, геополитическими противоречиями, так и с не менее важным религиозным фактором, поскольку истоки противостояния между Россией и Западом корнями уходят в раскол церквей и стремление склонить Россию к принятию унии.

Начиная с XIV века Польша стала проводить активную наступательную политику на русских землях. При этом, как справедливо отмечает отечественный исследователь О. Б. Неменский, как территориально самая близкая к России католическая страна, Польша исторически была основным источником информации о русских для Западной Европы. В XV—XVI вв. польские историки создали концепцию, согласно которой Русь издавна, еще с походов на Киев в XI веке Болеслава I Храброго и Болеслава II Смелого по праву и на веки вечные принадлежит Польше [12, с. 32–33]. В результате Польша уже к середине XVI века «располагала полноценной идеологией покорения Руси и уничтожения "схизмы", то есть восточного христианства» [12, с. 33].

ОТ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ ДО РАЗДЕЛОВ ПОЛЬШИ

В годы Ливонской войны (1558–1583) именно польские публицисты стали восприниматься как главные специалисты по России. Они стали главными трансляторами негативных мифов о России как варварской, деспотичной и экспансионистской державе.

Как отмечает отечественный историк А. И. Филюшкин, в ходе Ливонской войны, которую автор именуется первым противостоянием России и Европы [23] идея об имманентной враждебности «азиатской» России цивилизованной Европе стала одной из главных апорий европейской исторической памяти. Именно польская шляхта сыграла ключевую роль в формировании мифа об азиатской и варварской Московии, антагонисте христианского мира, впоследствии подхваченного в других странах [22, с. 21]. Развитие печатного дела позволяло издавать большими тиражами многочисленные сочинения о Московии, которые распространялись по

всей Европе. По утверждению О.Б. Неменского, массовое появление брошюр «разоблачительного» характера о русском народе и его обычаях, Московском государстве и его правителях превратило Московию в сознании Запада в «анти-Европу, страшную и очень опасную страну, соединяющую в себе все известные пороки человеческого рода» [12, с. 34].

Это были небольшие, написанные простым стилем, преимущественно на немецком и польском языках, тексты, предшественники современной периодической печати. Образцом для них служили антитурецкие памфлеты, в большом количестве издававшиеся на протяжении XVI века. Как отмечает бельгийский исследователь Стефан Мунд, не случайно и те и другие печатались в одних типографиях [24, с. 563]. И не случайно к русским применялись уничижительные характеристики, относимые к туркам, такие как «кровавые псы», «вековечные жестокие враги», а русские изображались на гравюрах в турецком убранстве [6, с. 125].

Ватикан был обеспокоен, что победа в Ливонской войне могла привести к господству Московии в Прибалтике и даже за ее пределами. В дальнейшем Ватикан предполагал, что польско-литовские короли должны создать наружный крепостной вал Европы, который должен «остановить у своего подножия всех москвитов и татар» [13, с. 110]. Долго подготавливавшаяся Брестская церковная уния 1597 г. ликвидировала легальное православие на Западной Руси, а уже в начале XVII века поляки появились в Московском Кремле. И покорение Москвы сразу же шло под лозунгом утверждения униатства» [12, с. 33].

Для Европы польский вопрос был козырной картой в борьбе с Россией и одним из главных аргументов для ее обвинений в экспансионизме и стремлении подчинить своей власти весь мир. Особенно эти обвинения усилились после разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795). Несмотря на то, что в них принимали участие Россия, Пруссия и Австрия, именно Россия стала главным объектом обвинений в экспансионизме и стремлении поработить несчастную Польшу.

Не случайно, именно перу польского автора, генерала Михаила Сокольника, принадлежит первоначальный текст так называемого «Завещания Петра Великого». Еще американский исследователь Раймонд Макнелли в 1958 г., а в 1967 г. французская исследовательница Симона Блан пришли к обоснованному выводу, что автором первоначального текста документа был именно Сокольник, в 1797 г. написавший документ «Общий обзор России» и предложивший его Директории. Это был страстный призыв к Франции, забывшей о своей традиционной политике союзницы и защитницы Польши, и не ведающей, что Польше и всей Европе угрожает опасность в лице России [25, с. 268]. В конце текста содержался «план Петра», добытый, по словам автора, в русских архивах, захваченных в 1794 г. в Варшаве [25, с. 271]. Правительством Директории тогда этот документ не был востребован, поскольку задачи были иными.

Однако о нем вспомнил Наполеон Бонапарт, ставший сначала первым консулом, а в 1804 г. императором и сам стремившийся к мировому господству, не мифическому, а реальному. В 1811 году генерал Сокольник был вызван в Париж, принимал активное участие в секретных приготовлениях к войне с Россией. Именно Наполеон, просмотрев и отредактировав текст «Мнения о России» Сокольника, приказал включить его в книгу Ш.-Л. Лезюра «Об успехах русской державы от ее истоков до начала XIX века» [30] (1), которая должна была выйти как раз накануне начала Русской кампании. Однако работа была опубликована только в октябре 1812 г. Как бы то ни было, Р. Макнелли называл эту работу одной из самых влиятельных в истории русофобии [33, с. 173].

В конце главы, посвященной Петру I, было приведено резюме «плана Петра I» [30, с. 117–179]. Как отмечала С. Блан, резюме книги Лезюра лишь незначительно отличается от текста М. Сокольника [30, с. 268]. Это не оставляет никаких сомнений, что перед нами один и тот же «документ», отличавшийся лишь незначительной редакторской правкой и очень небольшими изменениями.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В XIX ВЕКЕ:

МЕЖДУ ВЕНСКИМ КОНГРЕССОМ И ПОЛЬСКИМИ ВОССТАНИЯМИ

Польский вопрос стал камнем преткновения на Венском конгрессе 1814–1815 гг., поскольку союзницы России по антинаполеоновской коалиции противились присоединению всей территории Великого герцогства Варшавского к

России. Несмотря на то, что Россия предоставила Великому Царству Польскому в составе России широкую автономию и конституцию, Европой это было воспринято исключительно как пропагандистская мера с целью усыпления бдительности для дальнейшего развития Россией ее экспансионистских планов [19, с. 15–26].

По мере отдаления от 1815 г. польская тема продолжала нагнетаться в Европе, и брожение умов часто было следствием рук самих поляков, тем более что европейское общественное мнение в либерализирующейся Европе складывалось не в пользу мощной России. В частности, в 1829 г. под влиянием польской агитации в Париже была опубликована «История польских легионов в Италии под командованием генерала Домбровского» [27] (2), написанная Леонардом Ходзько, в предисловии которой были слова о русской угрозе.

Июльская революция 1830 года стала катализатором революционного движения в Европе. 29 ноября 1830 г. началось восстание в Варшаве. События в Польше вышли за пределы внутренней российской проблемы и стали объектом пристального внимания и политических дискуссий во всей Европе [9].

Для среднестатистического француза поддержать восстание в Польше и благоприятствовать развитию демократической идеи во Франции являлось примерно одним и тем же. Но король Луи-Филипп Орлеанский был вовсе не склонен вмешиваться в события в Польше, рассматривая это как внутреннее дело России. Однако, как и в случае с Русско-турецкой войной 1828–1829 гг., политика правительства расходилась с настроениями общественного мнения. Власти, конечно, тоже были настроены полонофильски, но Луи-Филипп, желая быть признанным полноправным монархом, не имевшим намерения раздувать пожар революции и заниматься ее экспортом, отказался от оказания вооруженной помощи Польше. Поэтому министр иностранных дел О.-Ф. Себастьяни заявил о невмешательстве Франции в дела Польши.

Тем не менее общественность не прекращала оказывать серьезное давление на правительство, ответственное, по мнению французов, за сложившуюся международную ситуацию [18, с. 157–159]. Во Франции велась активная пропаганда в пользу Польши. В этом деле важную роль играли католики. Например, в католическом издании «*L'Avenir*» в декабре 1830 г. молодой граф Шарль Монталамбер (1810–1870) писал, что в польском восстании он видит борьбу угнетенных католиков против русских притеснителей-православных. Либерал Бенжамен Констан, польский историк, географ и общественный деятель Леонард Ходзько (1800–1871) произносили пламенные речи, призывая всех друзей свободы поддержать Польшу. Из Парижа, Лиона, Страсбурга в Польшу направлялись волонтеры, поляком помогали медики, деятели культуры устраивали благотворительные лотереи в пользу восставших [28, с. 161].

Временами Париж охватывал народный гнев. В марте 1831 г. в столице распространилась новость, будто русская армия вступила в Варшаву. Парижане вышли на Елисейские поля с лозунгами «Смерть русским!». Окна русского посольства были разбиты; полиция едва смогла обеспечить его защиту.

В Польшу тем временем был направлен фельдмаршал И. Ф. Паскевич. Он прибыл к войскам в ночь с 13 на 14 июня и немедленно начал готовить наступление. В начале августа Варшава была обложена русскими войсками. Главнокомандующий передал осажденным обращение Николая I, в последний раз обещавшего амнистию при условии добровольной сдачи оружия и подчинения императорской власти. Депутаты сейма отвергли предложение. 27 августа (7 сентября) 1831 г. после сорока восьми часов кровопролитных боев русские войска триумфально вступили в Варшаву.

С начала сентября 1831 г. первые полосы французских газет были посвящены событиям в Польше. Когда, наконец, 15 сентября во Франции узнали о капитуляции Варшавы, в Париже вспыхнул бунт. На улицах раздавались крики: «Да здравствует республика!»; парижане били окна министерств, пытались проникнуть в Пале-Рояль. В течение нескольких дней в столице происходили антирусские народные манифестации, для усмирения которых потребовалось вмешательство войск. Под окнами здания отеля, в котором располагалось русское посольство, раздавались крики: «Долой русских! Да здравствует Польша! Мсть!»; камнями были разбиты окна посольства [26, с. 220].

Французская общественность живо откликнулась на события в Польше. Например, известный поэт О.М. Бартеlemi писал: «Благородная сестра! Варшава! Она умерла за нас! Умерла с оружием в руках... Не услышав нашего крика сострадания <...> Не говорите больше о славе наших баррикад! Вы хотите увидеть приход русских: они придут». Аббат Ф.Р. де Ламенне в статье «Взятие Варшавы» писал: «Варшава пала! Героическая польская нация, брошенная Францией, отвергнутая Англией, пала в борьбе с варварски ордами <...> Славный народ, наш брат по вере и по оружию, когда ты сражался за свою жизнь, мы могли помочь тебе только сострадать, и сейчас, когда ты повержена, мы можем тебя только оплакивать. Народ героев, народ нашей любви, упокойся в могиле, где ты оказался из-за преступления одних и подлости других. Но еще жива надежда, и пророческий голос вещает: Ты возродишься!» [29, с. 56-63].

Подавление Россией восстания содействовало закреплению ее имиджа не просто экспансионистской державы, но государства, несовместимого с идеей свободы, что особенно активно использовали либералы и радикалы всех мастей. По словам американского историка Мартина Малиа, эти события произвели настоящую метаморфозу в восприятии России и вызвали настоящий шок в Европе. Польские патриоты были в одночасье не только подавлены, но и лишены конституции и автономии [31, с. 92]. Как отмечал исследователь, впервые система самодержавия была навязана, несомненно, европейской территории. Запад создал новый образ России как бастиона агрессивной воинствующей реакции [31, с. 93].

России начали припоминать разделы Польши и вступление русских войск в Париж, а также героическое сопротивление поляков. Слова министра иностранных дел Франции Себастьяни «Порядок царствует в Варшаве», были растиражированы оппозицией и стали подписью к популярной карикатуре Гранвиля, на которой изображен казак, попирающий трупы поляков. Как отмечает швейцарский исследователь Ги Меттан, «Николай I утратил лавры “освободителя” Греции, которые давно оспаривали другие державы, и закрепил свою репутацию азиатского деспота» [10, с. 249].

Олицетворением перемен, произошедших с Россией, стал князь Адам Чарторьский, прежде друг и министр императора Александра, теперь выступивший против Николая в качестве главы Временного правительства в Варшаве.

По словам М. Малиа, европейцы вдруг осознали, что «Польша после Франции является самой героической нацией в Европе». С ростом либерального движения в Европе, после Июльской революции Польша стала восприниматься как главный оплот всех прогрессивных ценностей того времени, и получила дополнительный ореол славы, как самая верная из союзниц великого императора. Как верно отметил исследователь, чем больше Польша казалась мученицей, тем больше Россия представлялась палачам [31, с. 93].

После подавления восстания его лидеры и, в целом, многие поляки эмигрировали и осели в разных странах, главным образом во Франции и в Великобритании [21]. Именно поляки в последующие годы поднимали мощную антирусскую волну и формировали общественное мнение о России. А ведь еще со времен Ливонской войны поляки были главными «специалистами по России» и главным источником информации, и такая информация очень западала в душу полонофильски настроенной европейской общественности [15, с. 15] (4).

Все последующие годы Польша являлась важным элементом внутривнутриполитической жизни Франции, и польский вопрос не сходил с повестки дня в парламенте. Так, на январской сессии 1834 г. известный политик тех лет Сальванди сравнил действия России в восставшей Польше с политикой Чингисхана и Тамерлана, и находил политику России еще более жестокой. Франсуа Биньон, оппозиционный политик, торжественно заявил, что «тот день, когда поляки сами скинут свои цепи, или тот день, когда другие нации освободят их от кровавого ига, давящего на них, будет днем, когда человечество восторжествует над варварством» [28, с. 169].

В то же время нельзя сказать, что общественное мнение Европы было единодушно настроено против России даже после Июльской революции и подавления восстания в Варшаве. Все зависело от системы союзов, на которую европейские лидеры опирались в рамках «европейского концерта» в каждый конкретный момент. В частности, во Франции тогда за союз с Россией выступали легитимисты, то есть сторонники свергнутой легитимной династии Бурбонов. Так, газета ультраправых «*Le Quotidienne*» выступила в поддержку России в

польском вопросе, не без оснований отмечая, что восстание в Варшаве стало следствием Июльской революции [28, с. 176].

В 1835 г. польская проблема вновь вышла на общеевропейскую повестку дня, и связано это было с речью императора Николая Павловича, произнесенной им 5 октября 1835 г. в Лазенковском дворце в Варшаве. Выступая перед депутацией польских горожан, император заявил: «Если вы будете упрямо лелеять мечту отдельной, национальной, независимой Польши и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастья. По повелению моему воздвигнута здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, я разрушу Варшаву и уж, конечно, не я отстрою ее снова» [3, с. 215]. Эта речь была крайне негативно воспринята на Западе. В отчете Третьего отделения за этот год сообщалось: «Нисколько не удивительно, что речь сия ни англичанам, ни французам не понравилась. Исказивши ее и дав ей превратный смысл, они наполнили журналы своими порицаниями, даже грубыми ругательствами» [16, с. 129–131].

Этой речью император вложил в руки своих недоброжелателей очень мощное оружие. Даже если бы характер Николая был более компромиссным, это выступление все равно стало бы основанием для новой волны пропаганды, очернявшей русских.

Известный журналист, политик, профессор Сорбонны Сен-Марк Жирарден (5) очень резко отозвался об императоре Николае, опубликовав 10 октября 1835 г. в своей газете «*Le Journal des Débats*» жесткую статью. Спустя несколько месяцев, выступая 11 января 1836 г. в парламенте, он заявил, что, «конфискуя» в свою пользу Польшу, Россия разрушила в Европе «один из защищающих ее барьеров», и дальше затянул любимую песню либералов о том, что Россия и свобода — понятия несовместимые, поэтому «свобода — это лучший барьер против России». И совершенно в духе уже сформировавшейся традиции, он страшает коллег-парламентариев «русской угрозой»: «России не понадобилось и ста лет, чтобы от Азова дойти почти до дверей Константинополя <...> Шестьдесят лет ей понадобилось для того, чтобы оказаться там, где она сейчас <...> Пройдет еще шестьдесят лет, и где она будет?» [28, с. 178].

Таких пропольских заявлений было сделано много. В частности, уже упоминавшийся граф Монталамбер до 1860-х гг. последовательно выступал против императора Николая I, а потом и Александра II в том, что касалось «Святой Польши», а от польской проблемы перешел и к русской теме. 6 января 1836 г., выступая в Палате пэров, он детально перечислил «зверства» России по отношению к польскому народу, стремясь показать, что драма поляков вполне вписывалась в общую политику России. Завоевание Польши — это только этап в реализации гигантского исторического плана: подчинения всей Европы. Поэтому поляки защищали не только свою независимость и свои интересы, но защищали «цивилизацию от варварства, долгое и благородное превосходство Запада от нового нашествия татар». При этом Монталамбер подчеркивал, что Россия повсюду находит «поклонников и почитателей», однако, что она обещает Европе? «Мрак вместо света, военный деспотизм вместо гражданских свобод, позор идолопоклоннической схизмы вместо свободных верований Запада» [28, с. 179–180].

Каждый год, когда во французском парламенте обсуждался Адрес в ответ на тронную речь короля, Монталамбер использовал эту возможность, чтобы поднять польскую проблему и возобновить свои антирусские филиппики. 17 ноября 1840 г., на волне Восточного кризиса и антирусских настроений, он заявил в Палате пэров: «Нам всем грозит все нарастающая опасность, преобладание России в Европе <...> Россия уже обвивает Европу со всех сторон: ее центральная граница находится всего лишь в 200 лье от Рейна <...> От Буковины до Котора, славянские народы Австрии исповедуют ее религию, ее ждут и ее призывают» [28, с. 181].

В Англии эти темы развивал Дэвид Уркварт (вариант написания – Уркхарт) (1805–1877), чье имя в дальнейшем стало синонимом русофоба. Конечно, русофобия Уркварта была обратной стороной его туркофилии, но и политика России в Польше была одним из главных объектов его нападок. Тем более, что документальной основой издававшегося им с ноября 1835 по 1837 г. на английском и французском языках журнала «Портфолио, или Собрание государственных документов... иллюстрирующих историю нашего времени», стали дипломатические документы, предоставленные ему польскими эмигрантами. Это была, прежде всего, секретная

переписка российских послов, якобы вывезенная в 1831 г. из канцелярии великого князя Константина Павловича в Варшаве (на самом деле, большинство документов были Урквартом сфабрикованы) [2, с. 230].

Памфлеты Уркварта имели большой международный резонанс и переводились на иностранные языки. В 1835 г. он опубликовал памфлет «Англия и Россия» [36], в котором запугивал читателя «русской угрозой», подчеркивая, что Польша стала «стала пустым местом на политической карте Европы», причем сами державы это допустили, а французское правительство, более того, не оказало Польше помощь [20, с. 129].

В то же время Польша в глазах европейцев являлась разменной картой в отстаивании своих собственных национальных интересов. Поэтому, когда в России видели союзника, польская проблема трактовалась совершенно в ином ключе. Такие метаморфозы, например, произошли с известным политиком и дипломатом, духовником Наполеона аббатом Домиником Дюфуром де Прадтом (1759–1837). С самого начала режима Реставрации он жестко критиковал политику России, регулярно актуализируя тему «русской угрозы» и запугивая французов, что Россия находится в «пятидесяти лье от Берлина и Вены» [35, с. 6]. Однако в 1836 г., в условиях кризиса франко-английского «сердечного согласия», Прадт делает ставку на союз с Россией и публикует работу «Восточный вопрос во всеобщем и частном аспектах», в которой, среди прочего, оправдывает политику России в Польше, подчеркивая, что на Венском конгрессе требования России относительно Польши были справедливыми, а Польша благодаря России получила конституцию [35, с. 122–123]. Он оправдывает даже подавление польского восстания 1830–1831 гг. и варшавскую речь императора Николая, отмечая, что любой государь на его месте поступил бы точно так же [35, с. 134]. Для политически ангажированного Прадта в этом тексте Россия — естественная защитница Польши, ее настоящий ангел-хранитель. Но следует понимать, что это чистой воды конъюнктура, но в целом негативный взгляд на Россию через польскую оптику доминировал.

В 1839 г. уже известный читателю Леонард Ходзько, участник польского восстания, публикует очередную версию фальшивого «Завещания Петра Великого». Именно его книга стала очень популярной и только за 1839—1847 гг. выдержала шесть изданий, сыграв решающую роль в популяризации в европейских странах идеи о завоевательных намерениях русских государей [5, с. 81].

В том же году маркиз де Кюстин отправился в путешествие в Россию, написав самую известную книгу о нашей стране, которую по сей день воспринимают как библию русофобов. Кюстин, будучи изгоем в парижских салонах, имел тесные связи, прежде всего, с лидерами польской эмиграции и был гостем в салоне супруги князя Адама Чарторьского. Да и в Россию Кюстин поехал, по одной из версий, хлопотать за своего любезного польского друга Игнатия Гуровского, прихватив его с собой [4, с. 28-31].

Важнейшим источником информации для Кюстина был один из самых известных поляков, проживавших тогда в Париже, поэт Адам Мицкевич (1798—1855). После подавления восстания он жил во Франции на правах политического эмигранта, а в 1840 г., благодаря настойчивому ходатайству известного историка Ж. Мишле, получил кафедру славянских языков и литературы в Коллеж де Франс. По словам Мишле, «Мицкевич начертил общий очерк жизни славян, а затем, перейдя к деталям, с восхитительной ясностью осветил нам истинный характер русского правительства. Он пошел бы и дальше, но ему не позволили. Кафедру у него отняли» [11, с. 288] (власти были недовольны проповедью славянского мессианства). Это случилось в 1844 г., а в 1849 г., на волне польской пропаганды в пяти томах было издано собрание его «лекций» «Славяне» [28, с. 168–169].

Новая вспышка антирусских настроений случилась в 1846 г., после подавления австрийскими войсками Краковского восстания, потом в ходе революций 1848–1849 гг. и особенно после подавления Россией восстания в Венгрии (по просьбе австрийского императора), однако апофеоз пришелся на годы Крымской войны (1853–1856) [12, с. 46-51].

Еще накануне войны Жюль Мишле, всем своим сердцем романтика возлюбивший Польшу и столь же страстно ненавидевший Россию, написал цикл статей «Демократические легенды Севера», в котором создал культ несчастной Польши и героических поляков, а русских расчеловечил, сведя их до состояния не просто нелюдей, а моллюсков на дне морском. Политику же России в отношении Польши он именуется лживой и иезуитской, подчеркивая, что императрица Екатерина «задумала втянуть Россию в религиозную войну, заставить русских

крестьян думать, что речь идет о защите их братьев по греческой вере, которых в Польше преследуют люди веры латинской». И эта война, продолжает Мишле, «обратилась в ужасающее варварство. Можно было наблюдать, как под игом этой атеистки, которая проповедовала крестовый поход, население целыми деревнями подвергалось пыткам или заживо сжигалось во имя веротерпимости» [11, с. 301]. Истинной же целью Екатерины, по мнению Мишле, было уничтожение Польши [11, с. 302–302].

Столь же мощная антирусская волна захлестнула Европу в ходе польского восстания 1863–1864 гг. Мишле потрудился и на этот раз, опубликовав цикл статей под названием «Мученица Польша», а не менее прославленный Виктор Гюго, и тоже в который раз, разразился инвективами в адрес России. Мишле называет Польшу «сердцем Севера». Более того, для него Польша — это сама Франция [34, с. XV].

КОНЦЕПЦИИ РАСОВОЙ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ РУССКИХ

Именно поляки стояли у истоков концепции расовой неполноценности русских. Такие идеи сначала разрабатывал польский историк и общественный деятель, участник восстания 1830–1831 гг. Иоахим Лелевель. В форме завершенной теории эти идеи были сформулированы историком и этнографом Франтишеком Хенриком Духиньским (1816–1893). После подавления восстания 1830–1831 гг. он эмигрировал во Францию, был профессором истории в Высшей польской школе в Париже. Его главная идея заключалась в том, что великорусы, или «москалы», не принадлежат к славянскому и даже к арийскому племени, а составляют отрасль племени туранского наравне с монголами и только присваивают себе имя русских, которое принадлежит, по справедливости, только малорусам и белорусам, близким к полякам по своему происхождению [1, с. 479].

Не имеющие научной основы тексты Духиньского были направлены на обоснование необходимости создания буфера между «арийской» Европой и «туранской» Москвой. На эту роль буфера предназначалась независимая Польша, включающая Украину-Русь, Беларусь, Литву, Прибалтику, Смоленск и Великий Новгород.

Идеи Духиньского были с энтузиазмом восприняты польской эмиграцией, мечтавшей о восстановлении «Великой Польши от моря до моря», а также оказали большое влияние на западноевропейскую мысль XIX века. В частности, Карл Маркс с большим интересом отнесся к концепции Духиньского и высказался в ее поддержку: «Он утверждает, что настоящие московиты, то есть жители бывшего Великого княжества Московского, большей частью монголы или финны и т. д., как и расположенные дальше к востоку части России и ее юго-восточной части <...> Я бы хотел, чтобы Духинский (так в тексте. — *Н.Т.*) оказался прав, и чтобы по крайней мере этот взгляд стал господствовать среди славян» [7, с. 106–107].

Теорию Духиньского с восторгом приняли французские интеллектуалы и политики — Э. Реньо, А. Мартен, К. Делямар и другие [17, с. 43]. Так, историк, публицист и политик Анри Мартен (1810—1883), автор «Истории Франции» в девятнадцати томах, отличавшийся крайне неприязненным отношением к России, в одном из своих главных трудов «Россия и Европа» [32] описывал русских как склонный к деспотизму варварский народ неевропейского (туранского) происхождения, несправедливо присвоивший себе историю Руси. Концепцию Духиньского он считал «превосходной», а тягу русских к подчинению объяснял следующим образом: «Такое чувство возникает у народов, находящихся на крайне низкой ступени культурного развития народов, где отдельный человек неспособен распоряжаться своей судьбой и даже не выражает такого желания...» [8, с. 382].

Несмотря на то, что после восстания 1863–1864 гг. в Польше были проведены реформы, для новых и новых поколений патриотично настроенных поляков главным врагом оставалась Россия. Уже в конце XIX столетия Юзеф Пилсудский (1867–1935) провозгласил главной целью своей жизни физическое уничтожение русского государства с последующим восстановлением на его обломках новой Польши, доминирующей в Центральной и Восточной Европе [17, с. 45]. В статье «Россия», впервые опубликованной в 1895 г., он отметил: «Русский Царь — главный враг польского рабочего класса. Царское Самодержавие — главное препятствие на нашем пути всегда и теперь...» [14, с. 514].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает современная ситуация, эти идеи не ушли в прошлое вместе с Пилсудским, а поляки по сей день воспринимаются на Западе как главные специалисты по России. И, конечно, Запад им охотно верит, ведь польские страшные мифы о России, идеи о русской «азиатчине» и «воровстве» истории русскими очень хорошо вписываются в общеевропейский нарратив о варварской, деспотичной и экспансионистской России. А поляки, безусловно, говорят о России только правду, и Запад в эту польскую правду охотно верит и использует в идеологическом и геополитическом противостоянии с Россией. Не особо думая о самих поляках. Только теперь в роли «мученицы» выступает Украина, а западная любовь к Украине является обратной стороной ненависти к России.

Примечания

1. Первая версия книги Ш.-Д. Лезюра появилась в 1807 г., вероятно, накануне заключения Тильзитского мира.
2. **Ян Генрих Домбровский** (1755–1818), польский военный, дивизионный генерал Великой армии. После отречения Наполеона вернулся в Польшу.
3. 14(26) февраля 1832 г. был объявлен «Органический статут». Польша лишалась Конституции 1815 г., был распущен сейм, ликвидирована польская армия, отменено независимое управление. Польша становилась частью России с губерниями вместо традиционных воеводств. За ними оставалось лишь право на некоторые местные вольности. В соответствии с «Органическим статутом» в состав совета вице-короля вводились представители России. В Варшаве было объявлено осадное положение. Руководители восстания и мятежные генералы были сосланы в Сибирь и лишены собственности, а их дети взяты на воспитание в русскую армию.
4. Французское правительство было серьезно озабочено пребыванием поляков на территории Франции. Еще в ноябре 1831 г. правительство Казимира Перье, стремясь удалить беспокойный польский элемент из столицы, издало циркуляр, воспрещавший полякам въезд в Париж. В результате польские эмигранты были размещены сначала двумя большими, а затем несколькими десятками небольших групп в провинциальных французских городах, где были созданы «польские депо», а в Париже остались лишь наиболее состоятельные и, как правило, умеренные элементы эмиграции.
5. **Сен-Марк Жирарден** (Марк Жирарден) (1801–1873) – французский политик, писатель, журналист, литературный критик и издатель, редактор газеты «*Le Journal des Débats*», член Французской академии.

Список литературы

1. *Духинский Ф.* Основы истории Польши, иных славянских стран и Москвы // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013.
2. *Душенко К. В.* Первые дебаты о 'русофобии' (Англия, 1836–1841) // Историческая экспертиза. 2021. № 4. С. 225–242.
3. Император Николай Первый. М.: Рус. мир, 2002.
4. *Кеннан Дж.* Маркиз де Кюстин и его Россия в 1839 году. М., 2006.
5. *Козлов В. П.* Тайны фальсификации: Пособие для преподавателей и студентов вузов. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1996.
6. *Кудрявцев О. Ф.* Неузнанная цивилизация. Заметки по поводу книги Стефана Мунда «*Orbis Russiarum*». Генезис и развитие представлений о «Русском мире» на Западе в эпоху Возрождения // Древняя Русь. 2005. № 3 (21). С. 121–126.
7. Маркс-Энгельсу, 24 июня 1865 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1963. Т. 31.
8. *Мартен А.* Россия и Европа // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013.
9. Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / [Отв. ред. С.М. Фалькович]; Институт славяноведения РАН. М.: Индрик, 2016.
10. *Меттан Г.* Запад – Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2017.
11. *Мишле Ж.* Демократические легенды Севера // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013.
12. *Неменский О.* Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 1 (13).
13. *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
14. *Пилсудский Ю.* Россия // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 514–529.
15. *Ратч В.Ф.* Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831–1863. Вильна: Тип. Р.М. Ромма, 1866.
16. Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827—1869. Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Русский фонд культуры, 2006.

17. Русский вопрос и линия русофобии в истории политики и политической мысли Европы XIX века // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013.
18. *Таньшина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М.: Прометей, 2005.
19. *Таньшина Н. П.* Польский вопрос по запискам императора Николая I и графа Ш.-А. Поццо ди Борго // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 15–26.
20. *Уркхарт Д.* Англия и Россия // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013.
21. *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30-60-х годов XIX века. М., СПб.: Нестор-История, 2017.
22. *Филюшкин А.* Как Россия стала для Европы Азией? // Изобретение империи: Языки и практики. М., 2011. С. 10–48.
23. *Филюшкин А. И.* Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного. М.: НЛО, 2018.
24. *Филюшкин А.* Stéphane Mund, ORBIS RUSSIARUM: Genèse et development de la representation du monde "russe" en Occident à la Renaissance (Genève: Librairie Droz S.A., 2003) // Ab Imperio. 2004. № 1. С. 559–567.
25. *Blanc S.* Histoire d'une phobie : le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Vol. IX. № 3–4. P. 265-293.
26. *Capefigue J.-B.* Le gouvernement de juillet, les partis et les hommes politiques. 1830 à 1835. T. 2. Bruxelles : L. Hauman et Cie. P., 1836. P. 220.
27. *Chodzko L.* L' Histoire des legions polonaises en Italie sous le commandement du general Dombrovski. T. 1–2. Paris, Genève: Publié par J. Barbezat, 1829.
28. *Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). Paris: Librairie Marcel Didier, 1967.
29. *Dumas A.* (père). Mémoires. T. 4—6. Paris: Alexandre Cadot Éd., 1854.
30. *Lesur Ch.-L.* Des progrès de la puissance russe: depuis son origine jusqu'au commencement du XIXe siècle. Paris: Chez Fantin, Libraire, 1812. Первая версия книги появилась в 1807 году, вероятно, накануне Тильзита.
31. *Malia M.* Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 1999.
32. *Martin H.* La Russie et l'Europe. Paris: Furne, Jouvet & Co, 1866.
33. *McNally R.* The Origins of Russophobia in France 1812-1830 // American Slavic East and European Review. 1958. (17) April. P. 173-189.
34. *Michelet J.* La Pologne martyr. Russie. Danube. Paris: E. Dentu Libraire-Éditeur, 1863.
35. *Pradt D.-G.-F. de.* Système permanent de l'Europe à l'égard de la Russie. Paris: Pichon et Didier, 1828.
36. [Urquhart D.] England & Russia: being a fifth edition of England, France, Russia & Turkey, revised and enlarged. London: J. Ridgway & Sons, 1835.

Информация об авторе

Таньшина Наталия Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Таньшина Наталия Петровна, e-mail: nata.tanshina@mail.ru

HISTORICAL POLICY

Original Paper

The Polish question as an instrument of the West's Ideological Struggle against Russia

Natalia P. Tanshina ^{1, 2} ✉

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-592X>, e-mail: nata.tanshina@mail.ru

² Moscow pedagogical state University, Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-592X>, e-mail: nata.tanshina@mail.ru

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the Polish question in relations between Russia and the West. Within the framework of the article, the Polish question is considered as an instrument of the ideological struggle of the West against Russia. The article traces the main stages of Russian-Polish relations and concludes that since the Livonian War, Polish authors have become the main translators of negative myths about Russia as a barbaric, despotic and expansionist power. The article analyzes the role of the Polish factor in the formation of a negative image of Russia in the West during the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth, during the French Revolution and the Napoleonic Wars, when the first version of the fake "Testament of Peter the Great" created by Polish General M. Sokolnitsky appears. The article analyzes the view of Russia through the prism of the Polish uprisings of 1830-1831 and 1863-1864 and concludes that European Polonophilism had a downside — hatred of Russia. It is also concluded that Russia's suppression of the Polish uprising of 1830-1831 helped strengthen its image not just as an expansionist power, but also as a state incompatible with the idea of freedom. It is also noted that, despite the fact that reforms were carried out in Poland after the uprising of 1863-1864, Russia remained the main enemy for more and more generations of patriotic Poles. The article analyzes the views of leading European politicians and public figures on Russia, which were formed under the influence of the Polish problem. The article also analyzes racial ideas about the inferiority of Russians, dating back to Polish authors, primarily F. Duchinsky, whose ideas had a great influence on the development of European anti-Russian thought.

Keywords:

Russia, Poland, Russophobia, the Polish question, the image of Russia in Western Europe

References

1. Duhin'skij F. Osnovy istorii Pol'shi, inyh slavyanskih stran i Moskvyy. – In: *Russkij vopros v istorii politiki i mysli. Antologiya* / Pod red. A.Yu. Shutova, A.A. Shirinyanca [Fundamentals of the history of Poland, other Slavic countries and Moscow. – In: The Russian question in the history of politics and thought. Anthology / Edited by A.Y. Shutov, A.A. Shirinyants]. Moscow: Moscow University Press, 2013 (In Russian).
2. Dushenko K. V. (2021). Pervye debaty o 'rusofobii' (Angliya, 1836–1841) [Dushenko K. V. The first debate about 'Russophobia' (England, 1836-1841)]. – *Historical expertise*. 2021. № 4. (In Russian)
3. *Imperator Nikolaj Pervyj*. M., 2002 [Emperor Nicholas the First]. Moscow: Russian World, 2002.
4. Kennan Dzh. (2006). *Markiz de Kyustin i ego Rossiya v 1839 godu* [Marquis de Custine and his Russia in 1839]. Moscow, 2006.
5. Kozlov V. P. (1996). *Tajny fal'sifikacii: Posobie dlya prepodavatelej i studentov vuzov* [Secrets of falsification: A manual for teachers and university students]. 2nd ed. Moscow: Aspect Press, 1996. (In Russian).
6. Kudryavcev O. F. (2005). Neuznannaya civilizaciya. Zametki po povodu knigi Stefana Munda «Orbis Russiarum». Genezis i razvitie predstavlenij o «Russkom mire» na Zapade v epohu Vozrozhdeniya» [Unrecognized civilization. Notes on Stefan Mund's book "Orbis Russiarum". Genesis and development of ideas about the "Russian world" in the West in the Renaissance"]. – *Ancient Rus*. 2005. № 3 (21). pp. 121–126. (In Russian).
7. Marks-Engel'su, 24 iyunya 1865. – In: *Marks K., Engel's F.* [Marx-Engels, June 24, 1865. – In: Marx K., Engels F. Essays]. 2nd ed. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1963. Vol. 31. (In Russian).
8. Marten A. (2013). Rossiya i Evropa. – In: *Russkij vopros v istorii politiki i mysli. Antologiya* / Pod red. A.Yu. Shutova, A.A. Shirinyanca. [Martin A. Russia and Europe. – In: The Russian question in the history of Politics and Thought. Anthology / Edited by A.Y. Shutov, A.A. Shirinyants]. Moscow: Moscow University Press, 2013. (In Russian).
9. *Mezh dvuh vosstanij. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiya v 30–50-e gody XIX v. /* [Otv. red. S.M. Fal'kovich]; Institut slavyanovedeniya [Between two uprisings. The Kingdom of Poland and Russia in the 30-50s of the XIX century / [Ed. S.M. Falkovich]; Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Indrik, 2016. (In Russian).
10. Mettan G. (2016). *Zapad — Rossiya: tysyacheletnyaya vojna. Istoriya rusofobii ot Karla Velikogo do ukrainskogo krizisa* [West — Russia: the thousand-year war. History of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian crisis]. Moscow: Paulsen, 2016. (In Russian).
11. Mishle Zh. (2013). Demokraticheskie legendy Severa. – In: *Russkij vopros v istorii politiki i mysli. Antologiya* / Pod red. A.Yu. Shutova, A.A. Shirinyanca [Democratic legends of the North. – In: The Russian question in the

- history of politics and thought. Anthology / Edited by A.Y. Shutov, A.A. Shirinyants]. Moscow: Moscow University Press, 2013 (In Russian).
12. Nemenskij O. (2013). Rusofobiya kak ideologiya [Russophobia as an ideology]. – *Questions of nationalism*. 2013. № 1 (13).
 13. Nojmann I. (2004). *Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostej* [The Use of the "Other": Images of the East in the formation of European identities]. Moscow: New Publishing House, 2004.
 14. Pilsudskij Yu. (2013). Rossiya. – In: *Russkij vopros v istorii politiki i mysli. Antologiya* / Pod red. A.Yu. Shutova, A.A. Shirinyanca [Russia. – In: The Russian question in the history of politics and thought. Anthology / Edited by A.Y. Shutov, A.A. Shirinyants]. Moscow: Moscow University Press, 2013. (In Russian).
 15. Ratch V.F. (1866). *Pol'skaya emigraciya do i vo vremena poslednego myatezha 1831-1863*. [Polish emigration before and during the last rebellion of 1831-1863]. Vilna: Printing house of R.M. Romm, 1866.
 16. *Rocciya pod nadzorom. Otchety III otdeleniya 1827—1869*. Soct. M.V. Sidorova, E.I. Shcherbakova [Russia is under surveillance. Reports of the III department 1827-1869]. Comp. M.V. Sidorova, E.I. Shcherbakova. Moscow: Russian Cultural Foundation, 2006. (In Russian).
 17. Russkij vopros i liniya rusofobii v istorii politiki i politicheskoy mysli Evropy XIX veka. –In: *Russkij vopros v istorii politiki i mysli. Antologiya* / Pod red. A.Yu. Shutova, A.A. Shirinyanca [Russian Russian question and the line of Russophobia in the history of politics and political thought of Europe of the XIX century. – In: Russian question in the history of politics and thought. Anthology / Edited by A.Y. Shutov, A.A. Shirinyants]. Moscow: Moscow University Press, 2013. (In Russian).
 18. Tan'shina N.P. (2005). *Politicheskaya bor'ba vo Francii po voprosam vneshnej politiki v gody Iyul'skoj monarhii* [The political struggle in France on foreign policy issues during the July Monarchy]. Moscow: Prometheus, 2005. (In Russian).
 19. Tan'shina N. P. (2018). Pol'skij vopros po zapiskam imperatora Nikolaya I i grafa Sh.-A. Pocco di Borgo [The Polish question according to the notes of Emperor Nicholas I and Count S.-A. Pozzo di Borgo]. – *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2018. No. 2. pp. 15-26. (In Russian).
 20. Urquhart D. (2013). Angliya i Rossiya. – In: *Russkij vopros v istorii politiki i mysli. Antologiya* / Pod red. A.Yu. Shutova, A.A. Shirinyanca [England and Russia. – In: The Russian question in the history of Politics and Thought. Anthology / Edited by A.Y. Shutov, A.A. Shirinyants]. Moscow: Moscow University Press, 2013. (In Russian).
 21. Fal'kovich S.M. (2017). *Pol'skaya politicheskaya emigraciya v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Evropy 30-60-h godov XIX veka* [Polish political emigration in the socio-political life of Europe in the 30-60s of the XIX century]. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. (In Russian).
 22. Filyushkin A. (2011). Kak Rossiya stala dlya Evropy Aziej? [How did Russia become Asia for Europe?]. – *Izobreteniyе imperii: Yazyki i praktiki*. Moscow, 2011. pp. 10-48. (In Russian).
 23. Filyushkin A. I. (2018). *Pervoe protivostoyanie Rossii i Evropy. Livonskaya vojna Ivana Groznogo* [The first confrontation between Russia and Europe. Ivan the Terrible's Livonian War]. Moscow: UFO, 2018. (In Russian).
 24. Filyushkin A. (2004). Stéfane Mund, ORBIS RUSSIARUM: Genèse et development de la representation du monde "russe" en Occident à la Renaissance (Genève: Librairie Droz S.A., 2003) [Stéfane Mund, ORBIS RUSSIARUM: Genesis and development of the representation of the "Russian" world in the West during the Renaissance (Geneva: Librairie Droz S.A., 2003)]. – *Ab Imperio*. 2004. № 1). pp. 559–567. (In Russian).
 25. Blanc S. (1968). Histoire d'une phobie : le Testament de Pierre le Grand. – *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1968. Vol. IX. № 3–4. pp. 265-293. (In French).
 26. Capefigue J.-B. (1863). *Le gouvernement de juillet, les partis et les hommes politiques. 1830 à 1835*. T. 2. Bruxelles: L. Hauman et Cie. P., 1836. P. 220. (In French).
 27. Chodzko L. (1829). *L' Histoire des legions polonaises en Italie sous le commandement du general Dombrovski*. T. 1–2. Paris, Genève: Publié par J. Barbezat, 1829. (In French).
 28. Corbet Ch. (1967). *A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894)*. Paris: Librairie Marcel Didier, 1967. (In French).
 29. Dumas A. (père). (1854). *Mémoires*. T. 4-6. Paris: Alexandre Cadot Éd., 1854. (In French).
 30. Lesur Ch.-L. (1812). *Des progrès de la puissance russe: depuis son origine jusqu'au commencement du XIXe siècle*. Paris: Chez Fantin, Libraire, 1812. (In French).
 31. Malia M. (1999). *Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 1999.
 32. Martin H. (1866). *La Russie et l'Europe*. Paris: Furne, Jouvet & Co, 1866. (In French).
 33. McNally R. (1958). The Origins of Russophobia in France 1812-1830. – *American Slavic East and European Review*. 1958. (17) April. pp. 173-189.
 34. Michelet J. (1863). *La Pologne martyr. Russie. Danube*. Paris: E. Dentu Libraire-Éditeur, 1863. (In French).
 35. Pradt D.-G.-F. de. (1828). *Système permanent de l'Europe à l'égard de la Russie*. Paris: Pichon et Didier, 1828. (In French).
 36. [Urquhart D.] *England & Russia: being a fifth edition of England, France, Russia & Turkey, revised and enlarged*. London: J. Ridgway & Sons, 1835.

Natalia P. Tanshina, Dr. Sci. (History), Prof., Professor of the Department of General History of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Professor, Department of Modern and Contemporary History of Europe and America, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation.

Corresponding author

Natalia P. Tanshina, e-mail: nata.tanshina@mail.ru

Наука. Общество. Оборона
2022. Т. 10. № 4

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2022. Vol. 10. № 4

УДК: 323+130.12

DOI: 10.24412/2311-1763-2022-4-26-26

Поступила в редакцию: 08.09.2022 г.

Submitted: September 8, 2022

Опубликована: 04.10.2022 г.

Published online: October 4, 2022

Для цитирования: Мегем М. Е., Филев М. В., Давиденко А. А. Снести, перекодировать, интегрировать и маргинализировать: ключевые стратегии стран Балтии по отношению к советским памятникам // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, №4(33). С. 26-26. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-26-26>.

For citation: Megem M. E., Filev M. V., Davidenko A. A. Demolish, recode, integrate and marginalise: Key strategies for the Baltic States in relation to Soviet monuments. – *Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2022;10(4):26-26. (In Russ.).
<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-26-26>.

Благодарности: Статья выполнена в рамках реализации проекта «Историческая память как фактор геополитической безопасности на западных рубежах России» по программе «Приоритет-2030».

Acknowledgements: The article was written as part of the implementation of the project "Historical memory as a factor of geopolitical security on the western borders of Russia" under the program "Priority-2030".

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2022 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2022 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Оригинальная статья

Снести, перекодировать, интегрировать и маргинализировать: ключевые стратегии стран Балтии по отношению к советским памятникам

Максим Евгеньевич Мегем ¹, Максим Викторович Филев ²,
Алексей Анатольевич Давиденко ³ ✉

¹ Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
г. Калининград, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6412-9119>, e-mail: megem@yandex.ru

² Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,

г. Калининград, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4217-6197>, e-mail: tsvachim03@mail.ru

³ Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,

г. Калининград, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4386-607X>, e-mail: adav@list.ru

Аннотация:

В статье рассматривается политика памяти стран Балтии касательно советских мемориальных объектов. На основе типологически близких примеров действий в отношении монументов определены стратегии мемориальной политики в Латвии, Литве и Эстонии. Начальный этап реализации этих стратегий пришелся на первую половину 1990-х гг. — период формирования официальных национальных концепций истории в прибалтийских странах, и получил развитие в условиях обострения международных отношений на фоне российско-украинского кризиса в 2014 и 2022 гг. Стратегия *демонтажа* была направлена как против монументов, прославлявших советское прошлое, так и против памятников в честь латышей, литовцев и эстонцев, внесших вклад в советизацию Прибалтики. Тем не менее, многим советским местам памяти удалось «пережить» эту волну «памятничкопада». Присутствовавший в 1990-е гг. конструктивизм в отношениях государств Балтии и РФ благоприятствовал созданию правовой основы, регламентировавшей сохранность оставшихся советских мемориальных объектов. Другой стратегией стала *перекодировка* мест памяти путем переноса памятников в менее значимые районы с последующей инициативой заполнения освободившегося места собственными монументами или дополнения существующих памятников важными для национальной концепции истории мемориальными объектами. Часть советского мемориального наследия подверглась *интеграции* в национальный мемориальный фонд через устранение признаков советской принадлежности памятников. Наконец, *маргинализация* монументов проявилась в создании особых концептуальных «резерваций» в виде парков-музеев, где размещены перенесенные из публичных мест объекты с сопроводительными информационными материалами, задающими тон восприятия посетителями демонтированного советского мемориального наследия.

Ключевые слова:

Антакальнисское кладбище, Бронзовый солдат, парк Грутас, контрпамять, памятничкопад, политика памяти, советские памятники, страны Балтии, десоветизация, декоммунизация, демонтаж и осквернение памятников, День Победы, Вечный огонь, Холокост, геноцид, мемориалы и захоронения Великой Отечественной войны

ВВЕДЕНИЕ

В 1940 г. в состав Советского Союза вошли Латвия, Литва и Эстония, которые в советском общественно-политическом и научном дискурсе именовались Прибалтикой. Победа в Великой Отечественной войне закрепила за СССР эти территории. Помимо создания «с нуля» вертикали власти и решения инфраструктурных вопросов, перед архитекторами советского нациестроительства стояла невероятно сложная задача, заключающаяся в ментальной интеграции латышей, литовцев и эстонцев в большую семью советских народов, в которой русский народ являлся «старшим братом».

Одним из ключевых инструментов, необходимых для решения этой задачи, являлось конструирование советской версии истории Прибалтики. Кроме создания местных официальных концепций прошлого, практически полностью соответствовавших системе советских исторических представлений, на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР на всем протяжении их существования устанавливались различного рода монументальные объекты (памятники, мемориальные камни, доски, ансамбли), являвшиеся пространственными кодами «советскости». Эти мемориальные объекты наглядно иллюстрируют основные акценты в трактовках прибалтийского прошлого, которые расставлялись советской властью и претерпевали определенную трансформацию с течением времени. Таким образом в Прибалтике появились многочисленные памятники Ленину (1), другим значимым советским партийным и государственным деятелям, лидерам коммунистического движения (И.В. Сталину, Ф.Э. Дзержинскому, К. Марксу и др.), местным видным коммунистам и прибалтийским

участникам революционных движений (например, в Литве — памятник З. Алексу-Ангериетису, в Латвии — бюст Я. Шилфе, в Эстонии — Й. Лауристину и т.д.).

Еще одну важную группу мемориальных объектов составляли многочисленные памятники, посвященные различным сюжетам, связанным с Великой Отечественной войной: в память о воинских подвигах и погибших в ходе боев за Прибалтику, в честь национальных прибалтийских формирований (мемориал воинам 16-й Литовской стрелковой дивизии, памятник воинам 8-го Эстонского стрелкового корпуса, памятник частям 7-го гвардейского и 130-го латышского стрелкового корпусов), а также прибалтийских военачальников и партизан (памятник литовской партизанке М. Мельникайте в Зарасае и др.). С 1960-х гг. стали появляться памятники жертвам нацизма (мемориальные ансамбли в Пирчюписе в Литве и близ Саласпилса в Латвии, памятник в Клооге в Эстонии и др.) и советским военнопленным, после того, как в советском официальном историческом дискурсе с этой темы было снято табу (например, мемориал в Пагегай на месте захоронений военнопленных лагеря Офлаг-53 на территории Литвы).

Устанавливали памятники и в честь значимых с точки зрения официального советского дискурса деятелей науки и культуры — как местных, так и трудившихся на территории Прибалтики (например, памятники советскому латышскому писателю А. Упиту и академику М. В. Келдышу в Риге; памятники эстонскому писателю О. Лутсу и академику Н. Н. Бурденко в Тарту, памятник литовскому писателю А. Венуолису в Аникщяй). Кроме того, были воздвигнуты различного рода мемориалы в честь трудовых подвигов, совершенных на территории Прибалтики (памятник в честь строителей Нарвских электростанций, ряд скульптурных групп на Зеленом мосту в Вильнюсе).

В эпоху Перестройки во второй половине 1980-х гг. в Латвийской, Литовской и Эстонской ССР начали формироваться мощные антисоветские националистические движения, воспринимавшие советские места памяти как «чужие». В результате этого в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Прибалтику захлестнула инициированная одновременно и снизу, и сверху широкая волна советского «памятникомпада». Несмотря на массовый характер этого явления, многие советские памятники, пережили «памятникомпад», оставшись на своих местах. В этих обстоятельствах местные власти были вынуждены выработать определенную политику по отношению к сохранившемуся советскому наследию, которая, прежде всего, зависела от того, какой сюжет эти памятники представляли, а также от их местоположения (центр или периферия). Данная политика не была статичной, и, в зависимости от внутренних и внешних факторов, претерпевала трансформацию.

Сравнительный аспект политики памяти по отношению к советским памятникам в странах Балтии еще не попадал в объектив исследователей. Так, российская историография затрагивала тему советского мемориального наследия преимущественно в контексте «Бронзовой ночи» [10; 11]. Как раз именно это событие послужило отправной точкой для рефлексии на тему советских памятников в Эстонии в рамках эстонской исторической науки [2; 3; 27; 39; 50; 58]. Наиболее подробно проанализирована официальная политика памяти по отношению к советским мемориальным объектам в Литве [44]. Это, прежде всего, заслуга немецкого историка из Боннского университета Е. Махотиной [17; 18; 19; 49].

Цель данной статьи — рассмотреть ключевые стратегии официальных акторов политики памяти стран Балтии по отношению к советским мемориальным объектам, располагавшимся или расположенным на их территории.

ДЕМОНТАЖ И ОСКВЕРНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ

В странах Балтии можно выделить три крупных волны «памятникомпада». Первая из них пришлась на начало 1990-х гг. После обретения прибалтийскими государствами независимости была запущена планомерная кампания по демонтажу советских мемориалов, которая развернулась параллельно «десоветизации» (переименование улиц, появление новых и отмена прежних праздничных и памятных дат). Эта кампания носила как стихийный характер, так и официально санкционированный со стороны властных структур.

В первую очередь демонтажу подверглись памятники Ленину, местным коммунистам, видным советским партийным и государственным деятелям. В начале 1990-х гг. практически все подобные монументы были убраны с улиц прибалтийских городов. Например, в Вильнюсе место демонтированного в 1991 г. памятника

Ленину занял крест в память о партизанах Фронта литовских активистов, которые подняли восстание против советской власти 23 июня 1941 г. [17]. В Эстонии в ходе зачистки ландшафта памяти от «советской наслоенности», официально или по стихийной инициативе народа были снесены статуи В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского, В. Кингисеппа, Я. Анвельта и многих других деятелей [59, s. 112–113].

Демонтаж и осквернение не обошли стороной и монументы Великой Отечественной войны. Например, в латвийском Даугавпилсе в 1992 г. демонтировали служивший с 1968 г. памятником танк Т-34. После двух лет пребывания в местной крепости его перевезли в Москву и разместили на Поклонной горе [1]. Для вывоза снесенного памятника генералу И. Д. Черняховскому из Вильнюса потребовалось провести спецоперацию: монумент под видом вывозимого из Литвы советского вооружения был погружен в железнодорожный состав и доставлен в Воронеж, где его установили на новый пьедестал в 1993 году [28].

Иначе складывалась ситуация с советскими памятниками, находившимися на местах воинских захоронений. В Литве советские мемориалы перестали быть памятниками культуры и перешли в категорию почитаемых объектов [19, с. 201—203], поэтому их сохранность по-прежнему гарантировалась законом (2). В Латвии [31] и Эстонии [57] также была оформлена правовая база, регламентировавшая порядок нахождения советских воинских захоронений и памятников в этих местах. Тем не менее, захоронения регулярно подвергались вандализму [17]. Это были неофициальные акции, проходившие под влиянием официальной политики памяти, для которой советские мемориальные объекты являются контрпамятью.

На рубеже веков последовал период относительного затишья, в ходе которого осуществлялся процесс интеграции советского мемориального наследия. Снос памятников продолжался, но уже не в массовом порядке (3). Его инициатива исходила от местных властей, официальной стратегии в отношении советских монументов в это время у правительств стран Балтии не существовало. Крупнейшие инциденты первого десятилетия XXI в. («Лихулацкий кризис», «Бронзовые ночи» – о них речь пойдет в разделе о деактивации советского наследия) не способствовали интенсификации «памятничкопада». В целом, в этот период в основном фиксировались случаи осквернения памятников вандалами. Кроме того, без конкретного воплощения велись разговоры о возможности демонтажа советских монументов.

Новая волна «десоветизации» общественного пространства стала следствием событий на Украине 2014 года. За период с 2014 по февраль 2022 г. в Прибалтике произошел ряд резонансных случаев демонтажа советских монументов. В Литве в ноябре 2014 г. министерство культуры издало приказ, в соответствии с которым недвижимые объекты с символикой советского периода не будут включаться в регистр памятников культуры, ставший откликом на возникавшие дискуссии о дальнейшей судьбе скульптур рабочих, солдат, студентов и крестьян на Зеленом мосту в Вильнюсе [16]. В июле следующего года они были демонтированы. Вместо них теперь размещают временные инсталляции [20]. В Латвии в августе 2016 г. в Лимбажи по инициативе националистической организации «Ястребы Даугавы» был разрушен памятник морякам Краснознаменного Балтийского флота [7].

Начало специальной военной операции РФ по демилитаризации и денацификации Украины вызвало очередной этап «памятничкопада» в Прибалтике, отличительная особенность которого заключается в разработке новых законодательных актов, определяющих статус и будущее советских монументов, и отказе от действующих соглашений о памятниках. Это сопровождается интенсивным демонтажом памятников.

В мае 2022 г. латвийским Сеймом был одобрен законопроект «О запрете экспонирования объектов, прославляющих советский и нацистский режим, и их демонтаже на территории Латвийской Республики», который запрещает нахождение в публичном пространстве (за исключением аккредитованных музеев) памятников, мемориалов, памятных досок и других объектов, «прославляющих оккупационную власть СССР или нацистской Германии, событие или лицо, связанное с ними»; «прославляющих тоталитаризм, насилие, военную агрессию, войну и военную идеологию» или «включающих в себя символы советской власти или нацизма» [53].

Основная задача, которую должен был решить законопроект, — это демонтаж Памятника воинам Советской Армии — освободителям Советской Латвии и Риги, что даже прописано в одном из его пунктов [53]. Мэр Риги М.

Стакис в начале августа 2022 г. заявил, что памятник будет утилизирован полностью, поскольку «Музей оккупации не признал ни один из его элементов имеющим художественную ценность». Общественная реакция относительно судьбы монумента оказалась различной: в Риге проходили как акции против его сноса, так и в поддержку [22]. Тем не менее, уже 25 августа 2022 г. работы по его демонтажу завершились [29].

Новая правовая основа «памятникомпада» формируется и в Литве. В апреле 2022 г. министр культуры С. Кайрис подписал приказ, согласно которому «изображения, скульптуры, надписи или другие символы, которые “пропагандируют” деятельность нацистской Германии или армии СССР, не рассматриваются в качестве объектов законной защиты», что открывает возможность для легитимного сноса памятников, но не всех, т. к. действие приказа не распространяется на могилы или надгробия, расположенные на недействующих кладбищах, захоронениях или местах погребения [26].

Местные власти мгновенно отреагировали на появление приказа: уже через несколько дней в Каунасе, Шете и Кедайняй были демонтированы памятники советским воинам [5]. В крупных городах республики также ведется активная «зачистка» мемориального ландшафта. В Клайпеде, значительная часть населения которой — русскоязычная, в июле 2022 г. решили убрать монумент советским воинам-освободителям [4]. Это активное место памяти, у которого в памятные даты собираются тысячи местных жителей. Полным ходом идет «десоветизация» общественного пространства во втором по величине городе Литвы — Каунасе [45].

Пересмотр правовой основы происходит в Эстонии. В апреле 2022 г. Консервативная народная партия Эстонии инициировала законопроект об устранении из общественных мест памятников и мемориалов, «героизирующих действия армии Российского государства», в мае партия «Эстония 200» подготовила петицию о ликвидации из публичного пространства страны всех памятников, имеющих отношение к Красной армии и восхваляющих «советский режим» [24]. Летом была создана специальная комиссия из представителей различных министерств и ведомств, которая должна решить задачу по «организации устранения из публичного пространства надгробий и памятников с символикой [СССР]» [21].

Одновременно руководители страны ищут рычаги воздействия на общественность. В частности, министр иностранных дел Эстонии У. Рейнсалу 16 августа 2022 г. заявил, что участники акций против демонтажа советских мемориалов из числа иностранцев могут быть лишены вида на жительство в республике [6].

«БОИ» ЗА ПРОСТРАНСТВО

Убрать памятник — еще не означает стереть память о нем. Пока есть те, кто разделяет пророссийскую, то есть альтернативную современной официальной прибалтийской, версию прошлого и сохраняет память о снесенных в конкретном месте советских мемориалах, такого рода места памяти продолжают, хоть уже и в усеченном варианте, выполнять свою мемориальную функцию. В этой связи в странах Балтии акторы политики памяти стали применять различные стратегии по деактивации такого рода символических пространств. Например, в Латвии в городе Елгава, на месте демонтированного в 1997 г. по причине ветхости мемориала **Освободителям Елгавы**, в 2004 г. была установлена памятная плита борцам с нацизмом, т. е. не только советским, а всем. Латвийский историк В. И. Гуцин отмечает, что русскоязычные жители города были против этой мемориальной плиты по причине того, что она «не является памятником и не отражает все величие подвига, проявленного Красной армией при освобождении Елгавы от немецко-фашистских оккупантов» [9]. Местные власти проигнорировали все предложения по разработке проекта нового мемориала для установки на этом же месте взамен поставленной плиты.

«Бои» за важное с точки зрения символизма пространство хорошо иллюстрирует пример с местом памяти в литовской деревне Крижальнис. **Мемориал Матери-Литве в Крижальнисе**, воздвигнутый в 1972 г. в честь советских солдат, освобождавших Литовскую ССР, был уникален использованием в его оформлении народных мотивов и важен с точки зрения расположения, поскольку находился на высоком холме рядом с пересечением двух оживленных автомагистралей. В ходе первой кампании по декоммунизации в начале 1990-х гг. он был снесен [19, с. 127]. В 2018 г. на этом месте был воздвигнут мемориал, который отражает один из ключевых литовских нарративов, связанных с послевоенным сопротивлением советской власти, — о так называемых

лесных братьях. Мемориал представляет собой часовню с 18-метровым крестом и 1137 табличками с именами «партизан» / «лесных братьев», действовавших на территории округа Кястутис [56]. То есть в данном случае речь идет о перекодировке пространства. При этом, если в начале 1990-х гг. литовские власти убрали советский памятник, сделав эту землю условно «нейтральной», то через более чем 25 лет эта территория была закреплена на литовской «мемориальной» карте как «свое» место памяти.

Характерный пример сохранения символического значения пространства после сноса монумента — памятник в виде танка **Т-34 в Нарве**. Он был демонтирован в августе 2022 г. [61], но пространство продолжает выполнять коммеморативную функцию — на место бывшего памятника жители Нарвы приносят цветы и свечи [51]. В этой связи актуальным представляется вопрос о дальнейших действиях архитекторов эстонской политики памяти. Возможной видится либо стратегия ожидания (с течением времени русское население города забудет об этом месте памяти), либо решение о размещении на месте прежнего советского памятника своих символических объектов. Второй вариант, по всей видимости, выбрала Латвия — президент республики Э. Левитс после демонтажа памятника Освободителям Риги заявил, что его место должен занять мемориал «жертвам советской оккупации» [12].

ДЕАКТИВАЦИЯ СОВЕТСКОГО НАСЛЕДИЯ

Отметим еще одну тенденцию в рамках политики памяти стран Балтии, напрямую связанную с советскими мемориалами. Часть оставшихся охраняемых советских памятников подверглась различного рода официальным и неофициальным трансформационным стратегиям, направленным, с одной стороны, на их включение в национальный мемориальный ландшафт, но с уже «правильными» для государственной концепции прошлого акцентами; с другой стороны, — на минимизацию их коммеморативного функционала как советских мест памяти за счет очищения от чуждых национальному нарративу знаковых систем, а также перемещения из центра на окраины населенных пунктов или в менее важные места с точки зрения геометрии городского пространства.

В странах Балтии уже в первой половине 1990-х гг. с оставшихся советских постаментов массово убирали надписи «освободителям», «слава», «за свободу» и т. д. В Литве в Алитусе, Румшишкесе и Салантайе захоронения советских солдат, а вместе с ними и памятники, были перенесены из центральной части городов [19, с. 202].

Кризис, возникший в Эстонии в 2007 г. вокруг «Бронзового солдата» (официальное название — **«Памятник воинам-освободителям Таллина»**, открыт в 1947 г.), был связан именно с переносом мемориала и останков двенадцати воинов из братской могилы, расположенной в центральной части города на холме Тынисмяги, на Воинское кладбище Таллина. Первоначально мемориальную композицию в рамках эстонской политики памяти попытались адаптировать согласно духу времени. В первой половине 1990-х гг. «вечный огонь» перед памятником был потушен, сама площадка переделана, а вместо табличек с именами захороненных здесь советских солдат появились таблички с надписью на русском и эстонском языке «Павшим во Второй мировой войне», то есть акцент был сделан на том, что это не советский мемориал освободителям Эстонии от фашизма, а памятник всем погибшим во Второй мировой войне (не в Великой Отечественной!) [59, lk. 114—115].

Это оказалось временным «компромиссом», так как местоположение памятника было весьма символично: рядом находились культовая для эстонцев лютеранская церковь Каарли, здание Полиции безопасности и главная библиотека страны. Учитывая такую близкую сосредоточенность значимых объектов и его коммеморативную функцию, демонтаж захоронения и мемориальной композиции был лишь вопросом времени [2, с. 191]. Кроме того, «Бронзовый солдат» — это главный в Эстонии памятник, посвященный Великой Отечественной войне. Возложение к нему цветов на 9 мая — это важный коммеморативный ритуал для многих русскоязычных жителей страны, поскольку Победа в Великой Отечественной войне для них — это фундамент культурной памяти. Эстонский исследователь В. В. Полещук считает, что «только в этот день русские и другие группы нетитульного населения позволяли себя действия, которые эстонская часть общества (по крайней мере, ее элита) воспринимала как открытое выражение неполярности» [27, с. 116].

Первым актом к «разогреву» ситуации послужили события, связанные с установкой и демонтажем памятников эстонским солдатам, воевавшим на стороне нацистской Германии, в Лихула в 2004 году. Отдельные представители титульного населения выказывали недовольство правительству по поводу ликвидации мемориала тем эстонцам, которые боролись против коммунизма, в то время как в центре столицы продолжает стоять памятник прославлявшим «тоталитарный режим» [39, р. 432]. По мнению эстонских историков М. Тамма и П. Петерсоо, напряженность ситуации придавал тот факт, что часть коренного населения Эстонии полагала, что их культурная память в должной мере не увековечена в общественном пространстве [60, lk. 9—10].

Событие в Лихула и развернувшаяся вокруг него дискуссия объединили националистически настроенную часть эстонского общества (в том числе элиту). Добавил масло в огонь отказ от участия в московском параде Победы 9 мая 2005 г. эстонского президента А. Рюйтеля. Широкое обсуждение этих вопросов в СМИ привлекло беспрецедентное внимание со стороны эстонской прессы к празднованию Дня Победы в следующем году в Таллине. Муниципалитет санкционировал проведение 9 мая 2006 г. у мемориала одновременно двух мероприятий: возложения цветов к памятнику и митинг за снос «Бронзового солдата». Противников памятника было намного меньше. Чтобы разрядить обстановку, местной полиции пришлось их срочно эвакуировать. Далее последовала череда митингов сторонников и противников «Бронзового солдата», памятник был не раз осквернен, его угрожали взорвать, что привело к появлению у монумента «ночного дозора» со стороны русскоязычной молодежи. Все это закончилось тем, что полиции пришлось выставить здесь патруль [27, с. 105—107].

Актеры официальной эстонской политики памяти считали, что с уходом из жизни ветеранов Красной армии коммеморативные практики, связанные с Днем Победы, в Эстонии постепенно сойдут на нет. Вместе с тем, история вокруг «Бронзового солдата» показала, что советскую версию прошлого разделяет и русскоязычная молодежь [39, р. 435]. В преддверии парламентских выборов 2007 г. карту «символа советской оккупации» разыграл премьер-министр А. Ансип («Партия реформ Эстонии»), пообещавший перенос памятника из центра Таллина. Сдержав слово после одержанной на парламентских выборах победы, в том числе благодаря активной поддержке со стороны правого электората, А. Ансип инициировал перенос «Бронзового солдата» [10, с. 211—212]. Для юридического обоснования был использован принятый тремя месяцами ранее закон «О защите воинских захоронений», согласно которому перенос захоронений и «надгробных сооружений» возможен в случае их расположения в тех местах, где за ними невозможно обеспечить соответствующий статусу уход [27, с. 106—107].

Исполнение обещаний А. Ансипа в конце апреля 2007 г. привели к событиям, ставшим известными как «Бронзовая ночь». Далее последовал внутривластный кризис и крупнейший межнациональный конфликт в Эстонии за все годы ее независимости [50]. Этот значимый эпизод «войны памятников» сказался и на векторе официальной политики памяти в Эстонии. Так, в 2008 г. на базе «Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности» был создан «Институт памяти Эстонии», перед которым на тот момент была поставлена конкретная задача — исследовать нарушения прав человека в советской Эстонии [10, с. 212—213], то есть фокус внимания официальной политики памяти после «русского бунта» был акцентирован с удвоенной энергией именно на «демонизации» советского периода истории Эстонии. Соответственно, была инструментализована конфликтная в отношении советского наследия «дорожная карта» официальной «исторической политики».

В отношении не снесенных советских памятников также применялась стратегия с целью внести в советский мемориальный ландшафт новый пласт, с одной стороны, отражающий ключевые сюжеты прибалтийской культурной памяти, с другой стороны, в ином свете раскодирующий смысл советского мемориала. Ключевая цель этих практик — делегитимация коммеморативного потенциала «чужих» «мест памяти».

Такого рода шаги были предприняты в части **мемориальной композиции на кладбище Антакальнис**, которая являлась в советское время самым главным официальным «местом памяти» о погибших в Великой Отечественной войне в Литве (4). Именно сюда к вечному огню каждый год в рамках праздничных мероприятий возлагались цветы на 23 февраля, 9 мая и 13 июля (5), это была конечная точка торжественных шествий [19, с. 55—56]. После обретения независимости вечный огонь в 1993 г. здесь был потушен (6), но сам

ансамбль был включен в список памятников культуры. По большей части это произошло по причине того, что мемориал находился на территории большого кладбища (7).

Также литовские власти внесли коррективы в структуру мемориального ландшафта кладбища, открыв на нем в 1995 г. скульптурную композицию в честь погибших при штурме вильнюсской телебашни 13 января 1991 г. литовцев [17]. Через 20 лет на территории кладбища появился памятник погибшим в столкновениях с врагами литовским воинам, чьи места захоронений неизвестны [63]. В 2020 г. здесь был поставлен памятник главному «лесному брату» А. Раманаускасу (позывной «Ванагас»). По словам президента Литвы Г. Науседы, это памятник не только собственно А. Раманаускасу, но также всем его соратникам [37]. Таким образом, на территории главного советского «места памяти» о войне в противовес ему были установлены литовские мемориальные доминанты.

Мемориальное соперничество за пространство Антакальнисского кладбища, судя по всему, закончится в 2022 году. Используя эмоциональный фон от событий на Украине, Министерство культуры Литвы сняло с советского мемориала охранный статус, а Вильнюсский городской совет в июне 2022 г. выступил за его демонтаж. Вероятнее всего мемориал окажется в Грутском парке [64]. Вызывает интерес аргументация представителей литовского минкульты для его исключения из списка памятников культуры: советские композиции на Антакальнисском кладбище «возбуждают агрессию» и их культурная значимость не поддается оценке [30], то есть представителями местной власти было официально сформулировано, что советские военные мемориалы в рамках литовской культурной памяти — это не просто «чужие» «места памяти», а объекты, наносящие некий урон эмоциональному состоянию коренного населения страны. То, что этот памятник остается объектом поминовения для русскоязычного населения страны, уже не играет никакой роли.

Грандиозных размеров мемориальный комплекс **Маарьямяги в Таллине** испытал на себе практически весь арсенал инструментов делегитимации. В 1960 г. в этом месте был торжественно открыт доломитовый обелиск в честь «Ледового похода» моряков Балтийского флота из Ревеля в Кронштадт в 1918 году. Вторая часть ансамбля была возведена в 1975 г. в память о павших за советскую власть. В комплекс также входили братская могила и церемониальная площадь. Здесь проходили многочисленные массовые мемориальные торжества, а местных октябрят принимали в пионеры [59, lk. 107—108].

После обретения Эстонией независимости вечный огонь здесь был ликвидирован, а коммеморативное значение мемориала было расширено. Главная площадь была переименована в площадь «Примирения», а в 1998 г. рядом было открыто немецкое военное кладбище. По словам эстонского историка М. Тамма, «в результате получился сравнительно неоднозначный монументальный комплекс, куда регулярно ходят почтить память солдат, воевавших как за, так и против советской армии» [59, lk. 113]. Получается, что эстонские власти первоначально попытались придать территории этого комплекса символически нейтральный характер.

С точки зрения местоположения (комплекс находился на возвышенности по соседству с важным для культуры эстонцев «певческим полем» и с него был хороший обзор на Финский залив), ценность этого пространства была высока. Видимо именно по этой причине, 23 августа 2018 г. в день памяти жертв тоталитарных режимов и по случаю 100-летия Эстонской Республики (что весьма символично), здесь открыли «Мемориал жертвам коммунизма», который рассказывает о преступлениях советской власти в отношении как гражданского населения, так и военных [40]. Следовательно, в это мемориальное пространство был вписан совершенно противоположенный советскому нарративу код, задача которого заключается в том, чтобы деактивировать мемориальный ресурс советского памятника и укоренить свою собственную версию прошлого. С учетом того факта, что за советским мемориалом со стороны местных властей нет никакого ухода (все заканчивается на уровне обещаний), скорее всего, в перспективе советский мемориальный комплекс Маарьямяги в силу ветхости будет ликвидирован.

За период немецкой оккупации в Прибалтике было убито большое количество еврейского населения. На многих из этих мест массового насилия в советское время были установлены различного рода мемориальные объекты. При этом за редким исключением эти памятники, согласно советскому дискурсу, не подчеркивали этническую составляющую совершенных преступлений.

Первая волна «памяникопада» прошла мимо этого советского наследия, а во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. параллельно включению тематики Холокоста в официальные концепции истории стран Балтии по причине евроатлантической интеграции за эти «места памяти» взялись акторы государственной политики памяти. Так, например, в Литве было основательно перекодировано символическое пространство вокруг **IX форта в Каунасе**, где в советское время функционировал один из самых посещаемых музеев, а также в 1984 г. был установлен поражающий своим размером мемориал под названием **«Путь смерти»**. В независимой Литве концепция музея изменилась, а сам он стал именоваться «Музеем оккупации». Акцент в его экспозициях был сделан на «преступлениях советского режима», а главный нарратив рассказывал о «геноциде» литовского народа. В рамках такой парадигмы сюжет о Холокосте оказался на втором плане. Кроме того, на территории IX форта регулярно проводятся мероприятия, приуроченные к поминовению литовцев, пострадавших от «советского террора» [19, с. 139—144]. Получается, что тематика Холокоста, к осуществлению которого приложило руку местное коренное население, перекрывается сюжетами, иллюстрирующими преступность советской власти, а центральной жертвой становятся литовцы.

Похожая стратегия была использована в **Понарах**, что неподалеку от Вильнюса, являющихся сегодня в Литве главным символом Холокоста. В советское время на этом месте был открыт мемориал, посвящённый произошедшим здесь массовым расстрелам. В 1990-е гг. мемориальный ландшафт этого пространства был основательно расширен: в Понарах полуофициально появились новые мемориальные объекты в память об убитых тут евреях, поляках, литовцах и советских военнопленных [19, с. 197]. Таким образом, большая символическая значимость этого места памяти привела к полифонии конкурирующих нарративов. Неудивительно, что в этих обстоятельствах литовские элиты взялись за мемориализацию своей версии прошлого, виктимизирующей самих литовцев. При этом пикантность ситуации заключается в том, что именно литовские коллаборационисты приняли непосредственное участие в осуществлении массовых убийств евреев. Тем не менее, в 2004 г. в Понарах был установлен памятник уже рассказывающий о расстрелянных здесь литовских солдатах корпуса П. Плехавичюса [52]. Таким образом, в основе этой официальной коммеморативной стратегии лежит простой посыл о том, что не только евреи в годы войны были жертвами, но и сами литовцы.

Аналогичные процессы были характерны и для Саласпилса в Латвии, где в 1967 г. на месте одноименного концлагеря, в котором в разные периоды содержались евреи, угнанные советские граждане и латышские политзаключенные, был открыт мемориальный ансамбль. Его культурная и идеологическая значимость в СССР была исключительной. Не случайно его авторы были награждены авторитетной в то время Ленинской премией [33]. Учитывая тот сюжет, который отображал **Саласпиллский ансамбль**, после обретения независимости Латвией он был включен в официальный мемориальный ландшафт, но вместе с тем архитекторы латвийской политики памяти предприняли попытку расставить акценты этого ансамбля по-новому. Во-первых, в латвийской историографии появились исследования, в которых утверждалось, что Саласпиллский концлагерь был основательно мифологизирован в советское время, а число его жертв — сильно завышено (подробнее см.: [43]). Во-вторых, на территории ансамбля было благоустроено немецкое захоронение, что подчеркивало интернациональность этого места памяти. Кроме того, в 2018 г. здесь начал работать музей, в составлении экспозиции которого приняли участие в том числе сотрудники тенденциозного «Музея оккупации Латвии». Неудивительно, что посетитель музея теперь узнает не только о тяжелых условиях пребывания угнанных из СССР советских граждан, но и латышских страницах трагедии Саласпилса, а именно — о судьбе содержащихся в лагере латышских политзаключенных, эсэсовцах и полицаях [55]. Так, советский нарратив был разбавлен сюжетом латышского лихолетья. И, конечно, неизменным атрибутом таких мест являются информационные стенды, рассказывающие о кровавых годах советской оккупации [41].

ОФИЦИАЛЬНАЯ И НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Исключением из правил являются эпизоды, когда советские мемориалы, скорее, вопреки официальной политике памяти включаются в местную региональную или национальную культуру памяти. Примером неофициальной интеграции является случай с гранитным **бюстом в городе Кярдла** (автор — известный эстонский скульптор Э. Танилоо), открытым в 1966 г. в память о погибших в оборонительных боях за остров Хийумаа в 1941 году [36]. М. Тамм характеризует этот процесс как «одомашнивание» [59, lk. 112—113]. В 1997 г. памятник был внесен в реестр культурного наследия, однако лишился таблички с упоминанием советских воинов. При этом остались

слова «Слава павшим героям, павшим за нашу Родину!». Этот гранитный бюст является местной достопримечательностью, а во время ежегодных выпускных, согласно местной традиции, его омывают пивом. Вместе с тем, это все-таки советский памятник, поэтому неудивительно, что в 2012 г. в Кярдла по инициативе министерств культуры и обороны Эстонии была открыта уже собственно эстонская скульптурная композиция, посвященная погибшим во Второй мировой войне [23].

В свою очередь интеграция советских мест памяти на официальном государственном или региональном уровне без серьезных деконструкций символического пространства происходили, как правило, с мемориальными объектами, посвященными сожженным на территории Прибалтики в период немецкой оккупации прибалтийским деревням.

В 1960 г. в Литве был открыт **мемориал в память об уничтоженной нацистами в июне 1944 г. деревне Пирчюпис**. Это был первый в СССР комплекс, поставленный в память о сожженной деревне. В советском литовском дискурсе сюжету о трагедии в Пирчюписе отводилась ключевая роль в рамках нарратива о преступлениях нацистов на территории оккупированного Советского Союза [19, с. 72—77]. В 1990-е гг. это место памяти было отвергнуто как «чужое». Но все же мемориал, имеющий большую для российской контрпамяти значимость, не был ликвидирован. Он остается важным местом памяти для муниципальной власти и особенно для местных жителей, ежегодно участвующих в памятных мероприятиях вместе с российскими дипломатами [65]. Тем самым региональная культурная память сохраняет в себе, в том числе благодаря существованию этого мемориала, сформированный еще в советское время нарратив о преступлениях фашистов, но для государственного литовского дискурса Пирчюпис является «чужеродным телом». Вместе с тем, весьма вероятно, что политика забвения в контексте Пирчюписа с высокой долей вероятности в перспективе сменится действиями, направленными на деактивацию символизма советского наследия.

Латвийской Хатынью являлась сожженная в 1942 г. деревня Аудрини. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. этот сюжет был увековечен рядом **мемориальных композиций в Резекне, Аудрини и в Анчупанском лесу**. В советское время все эти памятные места работали в одной связке. При этом в отличие от Пирчюписа схожие по содержанию мемориальные объекты Аудриньской трагедии после 1990-х гг. оказались интегрированы как в официальный региональный, так и в официальный государственный нарративы. Здесь ежегодно в начале января проходят акты коммеморации, составляющие часть официальной политики памяти как места массовых убийств на территории Латвии в годы Второй мировой войны [38]. Особое значение эти памятные мероприятия имели для местных жителей, иногда их посещали и первые лица государства: в 2015 г. в мероприятиях, приуроченных к 73-й годовщине Аудриньской трагедии, участвовал тогдашний министр обороны, будущий президент Латвии Р. Вейонис [62].

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ

Демонтированные советские памятники и скульптуры не обязательно уничтожать или помещать пылиться в музейные запасники, они еще могут послужить как выставочные экспонаты, если их «маргинализировать». Такая стратегия в отношении советских памятников появилась на рубеже веков в Литве, а впоследствии была успешно апробирована в Эстонии, и не совсем удачно в Латвии. Ее эксклюзивность заключается в том, что она была предложена «снизу», а уже потом к ее реализации подключились акторы государственной политики памяти.

В 2001 г. недалеко от Друскининкя бизнесменом В. Малинаускасом был открыт частный парк-музей «Грутас», в котором под открытым небом были выставлены снесенные, но при этом сохраненные советские монументы (8). Цель парка, согласно информации, размещенной на его сайте, — раскрыть «негативное содержание советской идеологии, ее воздействие на систему ценностей» [42]. Для достижения этой цели пространство парка было условно поделено на четыре зоны: тоталитарную, где выставлены главные коммунистические лидеры (Маркс, Ленин и Сталин); террора, где находятся скульптуры Дзержинского, отцов-основателей коммунистической партии Литвы и литовских советских военачальников; советскую, посвященную литовским коммунистам, борвшимся за советскую власть в межвоенный период; красную, в которой представлены советские литовские партизаны (9). Около каждого памятника располагаются «правильные» информационные таблички, подготовленные проправительственным Центром исследования геноцида и резистенции жителей Литвы [14].

Присутствует в парке и аллюзия на ГУЛАГ: его территория огорожена колючей проволокой, а внутри — лагерные вышки [17].

Отметим, что «Грутас» является самым посещаемым музеем Литвы [19, с. 131]. Помимо собственно скульптурных композиций в нем находятся объекты, стилизованные под советскую эпоху, в том числе столовая, в которой подаются блюда советской кухни [17]. Как оказалось, такой контент, пропущенный сквозь призму сарказма и одновременно вызывающий чувства ностальгии, оказался популярным и востребованным. Е. Махотина именуется «Грутас» «диснейлендом коммунизма» [19, с. 128], представляющим «смесь парка аттракционов и тюрьмы-паноптикума» [17]. Российский историк А. В. Фелькер отмечает, что маргинализация в парке-музее «Грутас» приобретает форму профанации: «Спустившись с пьедесталов и перестав быть “сакральными”, памятники, выставленные в данных парках, тем не менее остаются наследием и служат назидательным целям в той же мере, как и развлекательным» [35, с. 107].

На примере парка-музея «Грутас» можно наблюдать как частно-государственное партнерство сформировало символическое пространство, в котором советское наследие с помощью технологий «диснейленда» высмеивается и опошляется, а также трактуется в выгодном для официальной политики памяти ключе. Бизнес в данном случае выступил как инициатор создания площадки и ее оператор, государственные структуры — как подносчики «снарядов» и интерпретаторы (10).

Успех парка-музея «Грутас» в Литве подтолкнул к попытке претворить в жизнь подобного рода идею в соседней Латвии. Латвийский предприниматель и миллионер М. Метелис во второй половине «нулевых» попробовал создать аналогичный парк скульптур в своем хозяйстве недалеко от города Кулдига. Для этого он собрал 4 снесенных памятника Ленину, а также открыл музей с советской атрибутикой [25]. По его словам, можно убирать советские памятники, но не стоит их утилизировать, так как это латвийская история [15]. Но, судя по всему, эта задумка не получила активного продолжения — информация о дальнейшем пополнении экспозиции М. Метелиса отсутствует [32].

В Эстонии за реализацию формата парка-музея «Грутас» взялся Эстонский исторический музей, но удалось ему это не с первого раза. Первоначально предполагалось открыть выставку с демонтированными советскими монументами в 2011 г., но на организацию пространства не нашлось денег [34]. По этой причине долгое время скопление монументов на территории музея больше напоминало свалку. Только в 2018 г. экспозиция советских памятников с помощью грантовых средств ЕС была представлена посетителям [54]. На странице музея при ее описании приводится цитата экс-президента Эстонии Л. Мери о том, что «воображать, что время Сталиных и Гитлеров прошло, опасно» [8]. По задумке авторов проекта, памятники разместились «в деликатном месте» — за замком Маарьямяэ, чтобы они не доминировали над всей парковой зоной [47]. Рядом с каждой скульптурой расположилась информационная табличка.

Несмотря на то, что масштаб коллекции советских памятников Эстонского исторического музея существенно уступает собранию парка-музея «Грутас», значение его в рамках эстонской политики памяти велико. Не случайно во время дискуссий в 2022 г. о потенциальном демонтаже «Бронзового солдата», указывалось, что в случае его сноса он будет передан именно в Эстонский исторический музей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ситуацию с советским мемориальным наследием в странах Балтии можно проиллюстрировать формулировкой «снести нельзя оставить». Уже в первой половине 1990-х гг. в период формирования официальных национальных концепций истории (в том числе за счет противопоставления советской истории) в Латвии, Литве и Эстонии были демонтированы многочисленные советские монументы, прославлявшие прежде всего советский строй, и репрезентировавшие эпизоды истории, связанные с участием латышей, литовцев и эстонцев в советизации Прибалтики. Вместе с тем, многим советским местам памяти удалось «пережить» эту волну «памятникопада». Присутствовавший конструктивизм в отношениях государств Балтии и РФ благоприятствовал созданию правовой основы, регламентировавшей сохранность оставшихся советских мемориальных объектов.

Вполне вероятно, что архитекторы политики памяти прибалтийских стран предполагали возможность полного исчезновения коммеморативного функционала советских памятников после ухода старшего поколения, для которого советская история играла значимую роль, но инцидент с «Бронзовым солдатом» продемонстрировал, что символизм советских мемориальных объектов, актуализирующих альтернативные официальным пророссийские нарративы, разделяет и немалая часть многочисленной русскоговорящей молодежи Прибалтики.

В этих условиях события на Украине в 2014 и 2022 гг. были использованы националистической политической элитой стран Балтии для максимальной зачистки собственного мемориального ландшафта от «чужого» советского наследия, являвшегося очагом «контрпамяти», то есть в условиях ухудшившихся отношений с Россией, которая с начала 2000-х гг. старалась использовать мемориальный потенциал советских памятников для продвижения своих исторических нарративов в прибалтийских государствах, внешнеполитический фактор, а именно российско-украинские кризисы, были использованы местными политиками в качестве удобного повода для попытки ликвидации советских мест памяти на своей территории. С этой целью прибалтийские авторы политики памяти начали пересматривать законодательную базу, регулирующую положение советского мемориального наследия, в благоприятных для этого обстоятельствах: в контексте внешнеполитической ситуации и беспрецедентного давления со стороны находящейся у власти элиты, русскоязычное население, разделяющее просоветскую версию прошлого, дезориентировано и не может ничего противопоставить этому процессу.

В этом ключе основное внимание в 2022 г. было направлено на удар по главным для русскоязычного населения советским военным мемориалам в странах Балтии, играющим консолидирующую роль для русскоязычного населения страны и способствующим рефлексии на тему «своего» и «чужого».

В частности, в Риге руками украинских гастарбайтеров был снесен памятник «Освободителям». Такая же участь уготована и советскому мемориальному ансамблю на Антакальнисском кладбище в Вильнюсе, демонтаж которого запланирован на ближайшее время. На данный момент, благодаря прежде всего муниципалитету Таллина, решение о ликвидации «Бронзового солдата» в Эстонии не принято, но попытки навязать такой ход событий таллинским властям со стороны эстонского правительства уже были.

Однако демонтаж советского памятника не всегда приводит к полному устранению его коммеморативного потенциала. Это продемонстрировали события в Нарве, где после снятия трактором советского памятника-танка — ключевого для русскоязычных нарвитян исторического символа — на его место массово стали приносить цветы и зажигать свечи. В этой связи неудивительно, что президент Латвии Э. Левитс предлагает на месте снесенного памятника «Освободителям» установить свой «латышский» памятник, с совершенно другим культурным кодом, подчеркивающим преступность «советского режима».

Такого рода стратегии, направленные на перекодировку советских мест памяти, регулярно применялись в странах Балтии. В подобных случаях демонтаж советского мемориального объекта не является обязательным условием: можно видоизменить пространство вокруг него за счет установки новых «правильных» памятников или информационных стендов; открытия музеев, ретранслирующих и утверждающих свою версию прошлого. В результате таких нехитрых операций предпринимается попытка трансформации этих мест памяти из «чужих» советских в свои национальные. Преимущественно это происходило на местах массового насилия, связанных с Холокостом, так как в годы «евроатлантического дрейфа» произошла интеграция этого сюжета в парадные концепции прошлого прибалтийских республик, что способствовало активизации своей собственной мемориальной работы на этих объектах. При этом зачастую с такими местами памяти происходила удивительная метаморфоза, когда ключевой становилась не тема Холокоста, а тема собственной трагедии (например, IX форт в Каунасе).

Кроме мест памяти о массовом насилии, связанных с Холокостом, на территории Латвии, Литвы и Эстонии располагались советские памятники, рассказывавшие о преступлениях нацистов против местного прибалтийского населения. Учитывая деликатность темы, в отношении этого советского наследия была применена амбивалентная стратегия: с одной стороны, оно было официально интегрировано, с другой —

официально предано забвению. В научном дискурсе, как правило, об этих темах старались не упоминать, но вместе с тем эти места памяти важны для местных жителей и муниципальных властей, которые совместно с сотрудниками российских посольств в годовщины событий организовывали совместные памятные акции.

Еще одной распространенной стратегией, связанной с деактивацией коммеморативного потенциала советского мемориального наследия, является максимальное удаление с них советской символики, либо перемещение такого рода объектов из центра населенного пункта на его периферию. В первую очередь это было характерно для советских военных мемориальных объектов. Вместе с тем, учитывая новую массовую волну «памятникопада», возможно, что и эти уже очищенные от советской символики памятники скоро будут демонтированы и окажутся в специальной мемориальной резервации на территории парков-музеев, где они подвергаются так называемой маргинализации. Около этих памятников непременно располагают информационные таблички, представляющие их в нужном для официального нарратива виде. Таким образом, акторами политики памяти осуществляется попытка сформировать у многочисленных посетителей подобного рода парков-музеев представление о том, что уже демонтированные советские мемориальные объекты являются не просто «чужим пропагандистским» наследием, но еще и наследием «поверженным».

Примечания

1. Всего на территории советской Прибалтики было воздвигнуто 169 памятников Ленину: 112 – в Латвии, 29 – в Эстонии, 28 – в Литве.
2. Межправительственное соглашение об охране памятников между Литвой и РФ так заключено и не было. Тем не менее, часть советских памятников, расположенных в Литве в местах захоронений, внесены в регистр культурных ценностей и подлежат охране согласно Закону «Об охране недвижимого культурного наследия» от 22 декабря 1994 г. См.: [48].
3. Например, в Эстонии в 2001 г. и 2004 г. были снесены памятники командиру Эстонского стрелкового корпуса Красной Армии Л. Пярну в Таллине.
4. Мемориал на месте кладбища был открыт в 1951 г., в последующем ни раз реконструировался, а в 1984 г. ансамбль был дополнен памятником советским войнам [13].
5. День освобождения Вильнюса от немецко-фашистских захватчиков.
6. Правда, в течение долгого времени муниципалитет Вильнюса разрешал раз в году на 9 мая зажигать Вечный огонь.
7. На территории кладбища захоронены свыше 3 тыс. советских воинов.
8. В Восточной Европе первый парк-музей под открытым небом с экспозицией, состоящей из «чужого» советского монументального наследия, появился в 1993 г. в Будапеште.
9. На сегодняшний момент в парке выставлены 86 работ 46 авторов [46].
10. Учитывая грандиозные планы литовских политиков по ликвидации советского наследия, коллекция парка-музея «Грутас» скорее всего в ближайшее время будет существенно пополнена. Именно здесь собираются разместить советские скульптуры с Антакальского мемориального ансамбля, которые обещают демонтировать к концу 2022 года.

Список литературы

1. 20 лет назад Даугавпилс покинул последний советский танк // [Grani — источник проверенных новостей](#). 13.03.2014.
2. *Адамсон А.* Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 182–200.
3. *Астров А.* Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центральноевропейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 184–216.
4. В Клайпеде начался снос монумента советским войнам, которые погибли, освобождая Литву от фашизма // [Первый канал](#). Новости. 05.07.2022.
5. В Литве начали демонтировать памятники советским военным // [Обзор](#). 26.04.2022.
6. В Эстонии могут лишиться ВНЖ выступающих против переноса советских памятников иностранцев // [ТАСС](#). 16.08.2022.
7. Ветеранам СС удалось снести памятник советским морякам в Лимбажи // [SPUTNIK](#). Латвия. 31.08.2016.
8. Выставка памятников советской эпохи // [AJALOOMUUSEUM](#) (русскаяязычная версия).
9. *Гущин В. И.* Формирование новой исторической памяти на примере латвийской Елгавы // [Ритм Евразии](#). 10.05.2020.
10. *Зверев К. А.* Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1. С. 202–215.

11. *Зверев К. А.* Исторические оценки в эстонском обществе: самосознание эстонцев и русскоязычных в контексте местной политики памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. Вып. 4. С. 491–497.
12. Кому? Левитс предлагает поставить в парке Победы памятник жертвам Красной армии // [PRESS](#). 26.08.2022.
13. *Кузинковайте Ю.* Антакальнский мемориальный ансамбль в Вильнюсе // Прибалтийские русские: история в памятниках культуры (1710–2010). Рига: Институт европейских исследований, 2010. С. 639–641.
14. *Лауринавичюте А.* Парк Грутас (Литва): Leninland или парк советского периода // [Уроки истории](#). 06.07.2012.
15. Левитс — миллионер, наследство Ритиньша и подарок от Путина: о чем пишут латышские таблоиды // [Delfi](#). 11.05.2022.
16. Литва отказывается включать в регистр памятников культуры объекты с советской символикой // [ТАСС](#). 13.11.2014.
17. *Махотина Е.* Вильнюс. Места памяти европейской истории // [Неприкосновенный запас](#). 2013. № 90/4.
18. *Махотина Е.* День Победы как Поле коммеморативных конфликтов: 9 мая в Вильнюсе, Памятник и праздник: этнография Дня Победы. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 269–292.
19. *Махотина Е.* Преломления памяти. Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
20. На Зеленом мосту в Вильнюсе «пустые квадраты» заменили советские скульптуры // [SPUTNIK](#). Литва. 28.08.2021.
21. *Низаметдинов И.* Комиссия Госканцелярии решает судьбу монументов советской эпохи в обстановке секретности // [ERR](#). 05.08.2022.
22. Памятник освободителям Риги в Латвии будет уничтожен // [Коммерсантъ](#). 03.08.2022.
23. Памятник погибшим во Второй мировой войне Хийумаасцам // [triptoestonia.com](#).
24. *Петрова И.* Что будет с советскими памятниками в Эстонии? // [Delfi](#). 15.06.2022.
25. Под Кулдигой появится Ленин // [Официальный сайт партии «Русский союз Латвии»](#). 13.07.2010.
26. Подмена понятий: в Литве узаконили снос советских памятников // [Baltnews](#). 20.04.2022.
27. *Полещук В. В.* «Война памятников» в Эстонии: этнический аспект // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 103–118.
28. *Самойленко А.* Утраченный памятник генералу И. Д. Черняховскому в Вильнюсе // Прибалтийские русские: история в памятниках культуры (1710–2010). Рига: Институт европейских исследований, 2010. С. 649–652.
29. Снесен последний элемент памятника в парке Победы — 79-метровый обелиск // [Delfi](#). 25.08.2022.
30. Советский памятник на Антакальнисском кладбище больше не является ценным объектом // [LRT.lv](#). 07.06.2022.
31. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики о статусе латвийских захоронений на территории Российской Федерации и российских захоронений на территории Латвийской Республики (ратифицировано Федеральным законом РФ от 22 июля 2008 года № 129-ФЗ) // [Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов](#).
32. Стояли даже в ресторанах: как советская Латвия клепала памятники Ильичу // [PRESS](#). 18.01.2019.
33. *Суриц Н.* Саласпилсский мемориал в Латвии // Прибалтийские русские: история в памятниках культуры (1710–2010). Рига: Институт европейских исследований, 2010. С. 606–608.
34. У музея нет денег на открытие парка советских памятников // [Postimees](#). 17.05.2010.
35. *Фелькер А. В.* «Непростое» наследие: проблематика мест памяти о массовом насилии Западной и Восточной Европы // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 93–109.
36. 3394 Skulptuur “Kivijüri”, E. Taniloo, Ü. Sirp, 1966 (graniit) // [Kultuurimälestiste register](#).
37. Antakalnio kapinėse Vilniuje atidengiamas paminklas A.Ramanauskui-Vanagai // [15min.lt](#). 06.10.2020.
38. Audriņu traģēdijai – 80. Kad nacisti likvidēja gandrīz visus nelielās Latgales sādžas iedzīvotājus // [LSM.lv](#). 02.01.2022.
39. *Brüggemann K., Kasekamp A.* The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia // Nationality Papers. 2008. Vol. 36. No. 3. P. 425–448.
40. Eesti kommunismiohvrid 1940–1991 // [Memoriaal](#).
41. Ekspozīcija // [Salaspils Memoriāls](#).
42. [Grūto parkas](#) (русскоязычная версия официального сайта парка-музея).
43. *Kangeris K., Neiburgs U., Vīksne R.* Aiz šiem vārtiem vaid zeme. Salaspils noietne 1941–1944. Rīga: Lauku avīze, 2016.
44. Kariai. Betonas. Mitas. Antrojo pasaulinio karo Sovietų sąjungos karių palaidojimo vietos Lietuvoje. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2016.
45. Kaune, Aukštųjų Šančių kapinėse, nuimtas paminklas sovietų kariams // [Lrytas.lt](#). 26.04.2022.
46. Lauko ekspozīcija // Grūto parkas. URL: <http://grutoparkas.lt/lauko-ekspozīcija/> (дата обращения: 13.07.2022).
47. *Laurik-Teder I.* Monumendid ja võim. Nõukogudeaegsete monumentide välinäitus Maarjamäe lossi pargis // Muinsuskaitse aastaraamat. 2019. № 1. Leht 80–84.
48. Lietuvos Respublikos nekilnojamojo kultūros paveldo apsaugos įstatymas // [e-seimas.lrs.lt](#).
49. *Makhotina E.* Erinnerungen an den Krieg — Krieg der Erinnerungen: Litauen und der Zweite Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 2017.
50. Monumentaalne konflikt: Mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis. Tallinn: Varrak, 2008.
51. Öö Narvas möödus politsei jaoks rahulikult // [ERR.ee](#). 17.08.2022.

52. Paminētos Lietuvas vietinēs rinktinēs kariu savanoriu sušaudymo 65-osios metinēs (nuotraukos) // [15min.lt](#). 29.06.2009.
53. Par padomju un nacistisko režīmu slavinošu objektu eksponēšanas aizliegumu un to demontāžu Latvijas Republikas teritorijā // [LIKUMI.LV](#).
54. Punamonumendid polegi hävinud, need on nüüd muuseumis // [Ohtuleht](#). 28.09.2018.
55. Salaspils nometne (1941–1944) // [Salaspils Memoriāls](#).
56. Sekmadienį Raseinių rajone, Kryžkalnyje, oficialiai atidengtas memorialas Kęstučio apygardos partizanams // [Kauno diena](#). 25.11.2018.
57. Sõjahaudade kaitse seadus // [Riigi Teataya](#).
58. *Tamm M.* Monumentaalne ajalugu: esseid Eesti ajalookultuurist. // Loomingu Raamatukogu. 2012. No. 28–30. Lk. 7–199.
59. *Tamm M.* Monumentaalne ajalugu: esseid Eesti ajalookultuurist. Tallinn: SA Kultuurileht, 2012.
60. *Tamm M., Petersoo P.* Monumentaalne konflikt: sissejuhatuseks // Monumentaalne konflikt: Mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis. Tallinn: Trükikoda OÜ Greif, 2008. Lk. 9–17.
61. Valitsus tekitab Narva tank-monumendi // [ERR.ee](#). 16.08.2022.
62. Vējonis: Audriņu traģēdija ir atgādinājums par totalitārā režīma zvērībām // [Sargs.lv](#). 05.01.2015.
63. Vilniaus Antakalnio kapinėse kyła memorialas. Lietuvos kariams // [Delfi](#). 05.05.2015.
64. Vilniaus savivaldybės taryba pritarė nukelti Antakalnio kapinėse esantį sovietinį paminklą // [RESPUBLIKA](#).
65. *Vitkus V.* Pirčiupiai: maskvėnų ar mūsų? // [LRT.lv](#). 03.06.2020.

Информация об авторах

Мегем Максим Евгеньевич, кандидат исторических наук, директор Центра исследований исторической памяти Института геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация.

Филев Максим Викторович, младший научный сотрудник Центра исследований исторической памяти Института геополитических и региональных исследований БФУ им. И. Канта; ассистент Образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» БФУ им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация.

Давиденко Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, старший научный сотрудник Центра исследований исторической памяти Института геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Давиденко Алексей Анатольевич, e-mail: adav@list.ru

HISTORICAL POLICY

Original Paper

Demolish, recode, integrate and marginalise: Key strategies for the Baltic States in relation to Soviet monuments

Maxim Ye. Megem¹, Maxim V. Filev², Aleksei A. Davidenko³ ✉

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6412-9119>, e-mail: megem@yandex.ru

² Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4217-6197>, e-mail: tsvachim03@mail.ru

³ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4386-607X>, e-mail: adav@list.ru

Abstract:

The article describes the perception of the Soviet memorial legacy by the authorities and initiative groups within the population in the Baltic States. Through typologically similar examples of actions in relation to monuments the authors identify strategies of memorial policies in Estonia, Latvia and Lithuania. The initial phase of implementation of these strategies came in the first half of the 1990s, the period when official national conceptions of history were being formed in the Baltic states, and developed in the context of worsening international relations against the background of the Russian-Ukrainian crisis in 2014 and 2022. The *dismantling* strategy targeted both monuments glorifying the Soviet past and monuments honouring Latvians, Lithuanians and Estonians who had contributed to the Sovietisation of the Baltics. Nevertheless, many Soviet memorial sites managed to "survive" this wave of "monument fall". The constructivism in the relations between the Baltic states and the Russian Federation in the 1990s favoured the creation of a legal framework regulating the preservation of the remaining Soviet memorial sites. Another strategy was the *recoding* of memorial sites by relocating monuments to less significant areas and then taking the initiative to fill the vacated space with national monuments or supplementing existing soviet monuments with memorial sites important to the national conception of history. Part of the Soviet memorial heritage has undergone *integration* into the national memorial fund through the removal of the Soviet affiliation of the monuments. Finally, the *marginalisation* of monuments has manifested itself in the creation of special conceptual "reservations" in the form of park-museums, where objects, relocated from public places, are placed with accompanying information materials that set the tone for visitors' perception of the dismantled Soviet memorial heritage.

Keywords:

Antakalnis Cemetery, Bronze Soldier, Grutas park, counter-memory, memorials, memory politics, Soviet monuments, Baltic states, de-Sovietization, decommunization, dismantling and desecration of monuments, Victory Day, Eternal flame, Holocaust, genocide, memorials and graves of the Great Patriotic War

References

1. 20 let nazad Daugavpils pokinul poslednij sovetskij tank [20 years ago the last Soviet tank left Daugavpils]. In: [Grani — istochnik proverennykh novostei](#), 13.03.2014. (In Russ.).
2. Adamson A., 2009, Nacional'naya istoriya Estonii v kontekste evropeizacii proshlogo i «vojny pamyatnikov» [Estonian national history in the context of Europeanisation of the past and the "war of monuments"]. In: *Nacional'nye istorii na postsovetskom prostranstve*. Moscow: Fond Fridriha Naumanna, AIRO-XXI, 2009. S. 182–200. (In Russ.).
3. Astrov A., 2012, Istoricheskaya politika i «ontologicheskaya ozabochnost'» malyh central'noevropejskih gosudarstv (na primere Estonii) [Historical politics and the 'ontological concerns' of small Central European states (the case of Estonia)]. In: Miller, A., Lipman, M. (eds.), *Istoricheskaya politika v XXI veke: Sb. statej*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. S. 184–216. (In Russ.).
4. V Klaipede nachalsya snos monumenta sovetskim voenam, kotorye pogibli, osvobodiv Litvu ot fashizma [Demolition of a monument to Soviet soldiers who died liberating Lithuania from fascism has begun in Klaipeda]. In: [Pervyi kanal. Novosti](#), 05.07.2022. (In Russ.).
5. V Litve nachali demontirovat' pamyatniki sovetskim voennym [Lithuania begins dismantling monuments to the Soviet military]. In: [Obzor](#), 26.04.2022. (In Russ.).
6. V Estonii mogut lishit' VNZH vystupayushchih protiv perenosa sovetskih pamyatnikov inostrancev [Foreigners who oppose the removal of Soviet monuments may have their residence permits revoked in Estonia]. In: [TASS](#), 16.08.2022. (In Russ.).
7. Veteranam SS udalos' snesti pamyatnik sovetskim moryakam v Limbazhi [SS veterans managed to demolish a monument to Soviet sailors in Limbaži]. In: [SPUTNIK. Latvija](#), 31.08.2016. (In Russ.).
8. Vystavka pamyatnikov sovetskoj epohi [Exhibition of Soviet-era monuments]. In: [AJALOOMUUSEUM](#). (In Russ.).
9. Gushchin V. I., 2020, Formirovanie novej istoricheskoj pamyati na primere latvijskoj Elgavy [Shaping a new historical memory through the example of Jelgava in Latvia]. In: [Ritm Evrazii](#), 10.05.2020. (In Russ.).
10. Zverev K. A., 2021, Istoricheskaya politika Estonskoj Respubliki v kontekste nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva [The historical policy of the Republic of Estonia in the context of nation-state building]. In: *Problemy nacional'noj strategii*. 2021. № 1. S. 202–215. (In Russ.).
11. Zverev K. A., 2021, Istoricheskie ocenki v estonskom obshchestve: samosoznanie estoncev i russkoyazychnyh v kontekste mestnoj politiki pamyati [Historical assessments in Estonian society: the self-awareness of Estonians and Russian-speakers in the context of local memory politics]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021. T. 21. Vyp. 4. S. 491–497. (In Russ.).
12. Komu? Levits predlagaet postavit' v parke Pobedy pamyatnik zhertvam Krasnoj armii [To whom? Levits proposes a monument in Victory Park to the victims of the Red Army]. In: [PRESS](#), 26.08.2022. (In Russ.).

13. Kuzinkovajte Yu., 2010, Antakal'nskij memorial'nyj ansambl' v Vil'nyuse [Antakalnis memorial ensemble in Vilnius]. In: *Pribaltijskie russkie: istoriya v pamyatnikah kul'tury (1710–2010)*. Riga: Institut evropejskih icsledovanij, 2010. S. 639–641. (In Russ.).
14. Laurinavichyute A. Park Grutas (Litva): Leninland ili park sovetskogo perioda [Grutas Park (Lithuania): Leninland or Soviet-era park]. In: *Uroki istorii*, 06.07.2012. (In Russ.).
15. Levits — millioner, nasledstvo Ritin'sha i podarok ot Putina: o chem pishut latyshskie tabloidy [A millionaire Levits, Ritins's inheritance and a gift from Putin: what Latvian tabloids are reporting]. In: *Delfi*, 11.05.2022. (In Russ.).
16. Litva otkazyvaetsya vkluchat' v registr pamyatnikov kul'tury ob"ekty s sovetskoj simvolikoj [Lithuania refuses to include objects with Soviet symbols in the register of cultural monuments]. In: *TASS*, 13.11.2014. (In Russ.).
17. Makhotina E., 2013, Vil'nyus. Mesta pamyati evropejskoj istorii [Vilnius. Sites of Memory of European History]. In: *Neprikosnovennyj zapas*. 2013. № 90/4. (In Russ.).
18. Makhotina E., 2020, *Den' Pobedy kak Pole kommemorativnyh konfliktov: 9 maya v Vil'nyuse, Pamyatnik i prazdnik: etnografiya Dnya Pobedy* [Victory Day as a Field of Commemorative Conflicts: 9 May in Vilnius, Monument and Celebration: The Ethnography of Victory Day]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. S. 269–292. (In Russ.).
19. Makhotina E., 2020, *Prelomleniya pamyati. Vtoraya mirovaya vojna v memorial'noj kul'ture sovetskoj i postsovetskoj Litvy* [Refractions of Memory. World War II in the memorial culture of Soviet and post-Soviet Lithuania]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. (In Russ.).
20. Na Zelenom mostu v Vil'nyuse «pustye kvadraty» zamenili sovetskie skulptury [Soviet sculptures on the Green Bridge in Vilnius have been replaced by “Empty squares”]. In: *SPUTNIK. Litva*, 28.08.2021. (In Russ.).
21. Nizametdinov I., 2022, Komissiya Goskancelyarii reshaet sud'bu monumentov sovetskoj epohi v obstanovke sekretnosti [State Chancellery Commission decides the fate of Soviet era monuments in secrecy]. In: *ERR*, 05.08.2022. (In Russ.).
22. Pamyatnik osvoboditelyam Rigi v Latvii budet unichtozhen [Monument to the Liberators of Riga in Latvia will be destroyed]. In: *Kommersant*, 03.08.2022. (In Russ.).
23. Pamyatnik pogibshim vo Vtoroj mirovoj vojne Hijumaascam [Monument to the people from Hiiumaa who died in World War II]. In: *triptoestonia.com*. (In Russ.).
24. Petrova I., 2022, Chto budet s sovetskimi pamyatnikami v Estonii? [What will happen to Soviet monuments in Estonia?] In: *Delfi*, 15.06.2022. (In Russ.).
25. Pod Kuldigoj poyavitsya Lenin [Lenin will appear near Kuldiga]. In: *Ofitsial'nyi sait partii «Russkii soyuz Latvii»*, 13.07.2010. (In Russ.).
26. Podmena ponyatij: v Litve uzakonili snos sovetskih pamyatnikov [Substitution of concepts: Lithuania legalises demolition of Soviet monuments]. In: *Baltnews*, 20.04.2022. (In Russ.).
27. Poleshchuk V. V., 2008, «Vojna pamyatnikov» v Estonii: etnicheskij aspekt [The “war of monuments” in Estonia: the ethnic dimension]. In: *Etnograficheskoe obozrenie*. 2008. № 3. S. 103–118. (In Russ.).
28. Samojlenko A., 2010, Utrachennyj pamyatnik generalu I. D. Chernyahovskomu v Vil'nyuse [The lost monument to General I. D. Chernyakhovsky in Vilnius]. In: *Pribaltijskie russkie: istoriya v pamyatnikah kul'tury (1710–2010)*. Riga: Institut evropejskih icsledovanij, 2010. S. 649–652. (In Russ.).
29. Snesen poslednij element pamyatnika v parke Pobedy — 79-metrovyy obelisk [The last element of the monument in Victory Park, a 79-metre obelisk, is demolished]. In: *Delfi*, 25.08.2022. (In Russ.).
30. Sovetskij pamyatnik na Antakal'nisskom kladbishche bol'she ne yavlyaetsya cennym ob'ektom [The Soviet monument at Antakalnis Cemetery is no longer a valuable object]. In: *LRT.lv*, 07.06.2022. (In Russ.).
31. Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Latvijskoj Respubliki o statuse latvijskih zahoronenij na territorii Rossijskoj Federacii i rossijskih zahoronenij na territorii Latvijskoj Respubliki (ratificirovano Federal'nym zakonom RF ot 22 iyulya 2008 goda N 129-FZ) [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Latvia on the Status of Latvian Burial Sites in the Russian Federation and Russian Burial Sites in the Republic of Latvia (ratified by Russian Federal Law No. 129-FZ of 22 July 2008)]. In: *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tehnicheskikh dokumentov*. (In Russ.).
32. Stoyali dazhe v restoranah: kak sovetskaya Latvija klepala pamyatniki Il'ichu [Even in restaurants: how Soviet Latvia erected monuments to Illich]. In: *PRESS*, 18.01.2019. (In Russ.).
33. Surin N., 2010, *Salaspilsskij memorial v Latvii* [The Salaspils Memorial in Latvia]. In: *Pribaltijskie russkie: istoriya v pamyatnikah kul'tury (1710–2010)*. Riga: Institut evropejskih icsledovanij, 2010. C. 606–608. (In Russ.).
34. U muzeya net deneg na otkrytie parka sovetskih pamyatnikov [Museum has no money to open a park of Soviet monuments]. In: *Postimees*, 17.05.2010. (In Russ.).
35. Fel'ker A. V., 2018, «Neprostoje» nasledie: problematika mest pamyati o massovom nasilii Zapadnoj i Vostochnoj Evropy [“Uncomplicated” legacies: problematising places of memory of mass violence in Western and Eastern Europe]. In: Miller, A., Efremenko, D. (eds.), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. S. 93–109. (In Russ.).
36. 3394 Skulptuur “Kivijūri”, E. Taniloo, Ū. Sirp, 1966 (graniit). In: *Kultuurimälestiste register*. (In Est.).
37. Antakalnio kapinēse Vilniuje atidengiamas paminklas A.Ramanauskui-Vanagui. In: *15min.lt*, 06.10.2020. (In Lit.).
38. Audriņu traģēdijai – 80. Kad nacisti likvidēja gandrīz visus nelielās Latgales sādžas iedzīvotājus. In: *LSM.lv*, 02.01.2022. (In Lat.).
39. Brüggemann K., Kasekamp A., 2008, The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia. In: *Nationality Papers*. 2008. Vol. 36. No. 3. P. 425–448. (In Eng.).
40. Eesti kommunismiohvrid 1940–1991. In: *Memoriaal*. (In Est.).

41. Ekspozīcija. In: [Salaspils Memoriāls](#). (In Lat.).
42. [Grūto parkas](#). (In Lit.).
43. Kangeris K., Neiburgs U., Vīksne, R., 2016, *Aiz šiem vērtiem vaid zeme. Salaspils nometne 1941–1944*. Rīga: Lauku avīze, 2016. (In Lat.).
44. *Kariai. Betonas. Mitas. Antrojo pasaulinio karo Sovietų sąjungos karių palaidojimo vietas Lietuvoje*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2016. (In Lit.).
45. Kaune, Aukštųjų Šančių kapinėse, nuimtas paminklas sovietų kariams. In: [Lrytas.lt](#), 26.04.2022. (In Lit.).
46. Lauko ekspozīcija. In: [Grūto parkas](#). (In Lit.).
47. Laurik-Teder I., 2019, Monumendid ja võim. Nõukogudeaegsete monumentide välinäitus Maarjamäe lossi pargis. In: *Muinsuskaitse aastaraamat*. 2019. № 1. Leht 80–84. (In Est.).
48. Lietuvos Respublikos nekilnojamojo kultūros paveldo apsaugos įstatymas. In: [e-seimas.lrs.lt](#). (In Lit.).
49. Makhotina E., 2017, *Erinnerungen an den Krieg — Krieg der Erinnerungen: Litauen und der Zweite Weltkrieg*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 2017. (In Germ.).
50. *Monumentaalne konflikt: Mālu, poliitika ja identiteet tēnapāeva Eestis*. Tallinn: Varrak, 2008. (In Est.).
51. Öö Narvas mōodus politsei jaoks rahulikult. In: [ERR.ee](#), 17.08.2022. (In Est.).
52. Paminētos Lietuvos vietinės rinktinės karių savanorių sušaudymo 65-osios metinės (nuotraukos). In: [15min.lt](#), 29.06.2009. (In Lit.).
53. Par padomju un nacistisko režīmu slavinošu objektu eksponēšanas aizliegumu un to demontāžu Latvijas Republikas teritorijā. In: [LIKUMI.LV](#). (In Lat.).
54. Punamonumendid polegi hāvinud, need on nūud muuseumis. In: [Ohtuleht](#), 28.09.2018. (In Est.).
55. Salaspils nometne (1941–1944). In: [Salaspils Memoriāls](#). (In Lat.).
56. Sekmadienį Raseinių rajone, Kryžkalnyje, oficialiai atidengtas memorialas Kęstučio apygardos partizanams. In: [Kauno diena](#), 25.11.2018. (In Lit.).
57. Sōjahaudade kaitse seadus. In: [Riigi Teataya](#). (In Est.).
58. Tamm M., 2012, Monumentaalne ajalugu: esseid Eesti ajalookultuurist. In: *Loomingu Raamatukogu*. 2012. No. 28–30. Lk. 7–199. (In Est.).
59. Tamm M., 2012, *Monumentaalne ajalugu: esseid Eesti ajalookultuurist*. Tallinn: SA Kultuurileht, 2012. (In Est.).
60. Tamm M., Petersoo P., 2008, Monumentaalne konflikt: sissejuhatusesks. In: *Monumentaalne konflikt: Mālu, poliitika ja identiteet tēnapāeva Eestis*. Tallinn: Trükikoda OÜ Greif, 2008. Lk. 9–17. (In Est.).
61. Valitsus teisaldas Narva tank-monumendi. In: [ERR.ee](#), 16.08.2022. (In Est.).
62. Vējonis: Audriņu traģēdija ir atgādinājums par totalitārā režīma zvērībām. In: [Sargs.lv](#), 05.01.2015. (In Lat.).
63. Vilniaus Antakalnio kapinėse kyla memorialas. Lietuvos kariams. In: [Delfi](#), 05.05.2015. (In Lit.).
64. Vilniaus savivaldybės taryba pritarė nukelti Antakalnio kapinėse esantį sovietinį paminklą. In: [RESPUBLIKA](#). (In Lit.).
65. Vītusk V., 2020, Pircīupiai: maskvēnų ar mūsu? In: [LRT.lv](#), 03.06.2020. (In Lit.).

Information about the authors

Maxim Ye. Megem, Cand. Sci. (History), Director of the Centre for the Study of Historical Memory (the Institute for Geopolitical and Regional Studies of the Immanuel Kant Baltic Federal University), Kaliningrad, Russian Federation.

Maxim V. Filev, Junior Research Officer of the Centre for the Study of Historical Memory (the Institute for Geopolitical and Regional Studies of the Immanuel Kant Baltic Federal University); Assistant Lecturer of the Education and Science Cluster “Institute for Education and Humanities” of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

Aleksei A. Davidenko, Cand. Sci. (History), Assoc. Prof. of the Institute for the Humanities of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Senior Research Officer of the Centre for the Study of Historical Memory (the Institute for Geopolitical and Regional Studies of the Immanuel Kant Baltic Federal University), Kaliningrad, Russian Federation.

Corresponding author

Aleksei A. Davidenko, e-mail: adav@list.ru

УДК: 93/94:329(430)

DOI: 10.24412/2311-1763-2022-4-27-27

Поступила в редакцию: 08.06.2022 г.

Submitted: June 8, 2022

Опубликована: 01.10.2022 г.

Published online: October 1, 2022

Для цитирования: Виноградов М.В., Кретинин Г.В. Восточная Пруссия под властью национал-социалистов // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, №4(33). С. 27-27. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-27-27>.

For citation: Vinogradov M.V., Kretinin G.V. East Prussia under the control of national socialists. –*Nauka. Obščestvo. Oborona* = *Science. Society. Defense*. Moscow. 2022;10(4):27-27. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-27-27>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2022 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2022 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Оригинальная статья

Восточная Пруссия под властью национал-социалистов

Михаил Витальевич Виноградов ¹, Геннадий Викторович Кретинин ² ✉

¹ Средняя общеобразовательная школа № 4 г. Калининграда,
г. Калининград, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2422-7499>, e-mail: mihwin13@gmail.com

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-0826>, e-mail: gvkretinin@gmail.com

Аннотация:

После Первой мировой войны немецкая провинция Восточная Пруссия оказалась изолированной от основной территории Германии. Анклавное состояние оказало влияние на формирование послевоенного общественного сознания, на экономическое, политическое, культурное развитие провинции. Подобная ситуация представляла собой благодатную почву, на которой могли прорасти практически любые пропагандистские ростки, тем более одобренные тяжёлой экономической ситуацией, безработицей, сложным общественно-политическим

положением населения. В статье анализируются особенности возникновения и организационное формирование основных политических сил в провинции: социал-демократов, коммунистов и национал-социалистов, их противостояние, борьба за влияние на население. Подчёркивается как использование нацистами популистских лозунгов, особенно в малых городах провинции, идей возрождения немецкой нации, необходимости приобретения жизненного пространства для немцев в Европе, о верховенстве германского народа над другими, о защите чистоты самой немецкой нации от примеси чужой крови и на этой основе повышения жизненного уровня населения провинции сыграло свою роль в поддержке действий фашистского руководства в развязывании Второй мировой войны.

Ключевые слова:

Восточная Пруссия, Германия, Кёнигсберг, политические силы, национал-социалисты, коммунисты, социал-демократы, прусский социализм, анклав, экономика провинции, Вторая мировая война, фашизм, Эрих Кох, А. Гитлер, Фриц Гаузе

ВВЕДЕНИЕ

После окончания Второй мировой войны прошло уже почти восемьдесят лет. Война внесла существенные коррективы в начертание государственных границ в юго-восточной Прибалтике. Естественно, что она оказала влияние и на формирование послевоенного общественного сознания. Более того, процесс подобного влияния не завершился, он продолжается и, видимо, будет сохраняться ещё достаточно длительное время.

В историческом плане калининградцы в результате послевоенных реалий оказались в таком уголке Европы, где непосредственно соприкасаются интересы нескольких национальных культур, где, возможно, больше, чем в каком-то другом регионе, будущее зависит от восприятия прошлого и оценки настоящего.

Специфическая история часто вторгается в наше сознание, расширяет границы нашей памяти, заставляет думать не только об особом историческом прошлом городов и провинции (ныне – области), которым более восьми веков и которые три четверти века тому назад из немецких (прусских) стали российскими.

Да, война прервала одну культурную традицию и создала новую, другую, но они не могут существовать изолировано друг от друга и та, более старшая хронологически, так или иначе, оказывает своё влияние на калининградскую культурную традицию. Следы прежней прусской памяти, места памяти сохранились на калининградской земле, не только визуально (памятники, литература и т.д.) но и виртуально, в воображении! Причем, не всегда контролируемым обществом. Поэтому, социум должен учитывать обстоятельства своего развития, как в недавнем прошлом, так и у своих предшественников. Как в отдельных европейских регионах, так и, конкретно, в той же Восточной Пруссии. И не только учитывать, но и знать и исключить любую возможность повторения!

О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Кёнигсбергский историк Фриц Гаузе считал, что истоки появления фашистской идеологии в Восточной Пруссии находились в Мюнхене. Кёнигсбергский булочник Магуния, еще будучи солдатом, в 1921 г. познакомился с идеями национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП, нем. NSDAP), и вернувшись домой, стал одним из их распространителей [3, с. 245]. И все же это слишком упрощенная схема. Более того, она явно искусственна, так как напрашивается аналогия: в Мюнхене – ефрейтор, в Кёнигсберге – булочник. Истоки фашизма следует искать в тех социально-экономических и политических условиях, которые господствовали в Германии в 20-е годы прошлого века.

Конечно, общее формирование национал-социалистических идей в Германии вовсе не зависело от ситуации в той или иной провинции, пусть даже это и была такая важная для Германии провинция, как Восточная Пруссия. Однако, после Первой мировой войны, впервые после наполеоновских войн, в Германии появился особый анклав – Восточная Пруссия, связанная с основной территорией государства только морем, а на суше через Данцингский коридор. Подобная ситуация представляла собой благодатную почву, на которой могли прорасти

практически любые пропагандистские ростки, тем более сдобренные тяжелой экономической ситуацией, безработицей, сложным общепсихологическим состоянием населения. Да, история нацизма формировалась в центральных районах Германии, но она нашла свою нишу и в Восточной Пруссии.

В самом начале своего развития национал-социалистическое движение не получило в Восточной Пруссии значительного резонанса и распространения. Возможно потому, что в провинции достаточно сильным было влияние тех объединений, которые склонялись к выбору советского пути преобразования Германии. В целом же, политические коллизии вели к тому, что спектр сил был достаточно пестрым и непостоянным. Те же социал-демократы в Восточной Пруссии могли на выборах учредительного собрания в 1919 г. получить 46,1% голосов, а в 1924 году их поддерживало только 15,3% [9, с. 80]. Значителен был разброс процентов и у коммунистов. Пестрота политической жизни вела к тому, что в руководстве НСДАП не было ни одного выходца из Восточной Пруссии: политические деятели, в той или иной мере, были увлечены другими идеями. Кроме того, духовное лидерство здесь долго удерживали церковные круги, в которых были признанные авторитеты.

В то же время экономический кризис, не обошедший стороной и Восточную Пруссию, предвещал неминуемые изменения в политической жизни провинции. С 1929 по 1931 г. только в Кёнигсберге обанкротились 513 предприятий и фирм, число безработных тысяч человек составило 33 тыс. человек. Лишь некоторые фирмы смогли «удержаться наплаву». Так Штайнфур выстояла только тогда, когда запустила в производство вагонов грузоподъемностью 30 тонн. Фирма «Унион» была закрыта, а ее верфь приобрела эльбингская фирма «Шихау». Кризис производства дополнялся финансовым кризисом. Внутренний долг города вырос с 25 до 87 млн марок. К началу 1933 года Кёнигсберг фактически стоял на грани финансового краха [3, с. 243-244].

Все это стало питательной ареной политического радикализма. Политические события развивались стремительно. В 1925 г. была организована местная группа НСДАП с небольшим отрядом штурмовиков. В 1926 г. в Кёнигсберге впервые выступил высокопоставленный партийный чиновник – гауляйтер Геббельс. В 1927 г. в Кёнигсберге насчитывалось всего около 80 членов нацистской партии. Трое из них были представителями в Кёнигсбергском депутатском собрании, ни одного – в магистрате. Однако нацисты стали закрепляться в городских службах, других инстанциях.

Чтобы активизировать их дальнейшую деятельность, в Кёнигсберг был направлен Эрих Кох, будучи железнодорожником по профессии. Он оправдал надежды нацистов, так как уже в 1929 г. как бы «награду» за активизацию национал-социалистической идеологии, в город приехал сам «фюрер», которому для выступления был предоставлен один из лучших залов провинции – Штадтхалле [4, с. 7-8].

Партийные принципы требовали создания печатного органа, и Кох добивается этого – в 1930 г. в Кёнигсберге увидела свет фашистская газета «*Preußische Zeitung*». Влияние НСДАП стало быстро усиливаться, ее пропаганда находила отзывчивую аудиторию и обеспечивала постоянный приток новых сторонников партии. Нацисты выработали последовательные и простые догматы, понятные и близкие всем. Версальский договор, поражение Германии в войне, которую она же сама развязала, перепугали и повергли в уныние не только крупную буржуазию и юнкеров, но и мелких предпринимателей, торговцев, чиновников, зажиточных крестьян. Не удивительно, что идея быстрого возрождения немецкой нации, провозглашенная Гитлером и его партией, казалась живительным бальзамом. Навязчивые лозунги о необходимости «жизненного пространства» для немцев в Европе и за ее пределами, о верховенстве германского народа над другими, якобы физически и морально вырождающимися, о защите чистоты самой немецкой нации от примесей чужой крови (особенно еврейской), о высоком общественно-биологическом значении войны как фактора отбора и воспитания – все это не казалось бредовыми идеями [6, с. 390].

Наиболее благоприятную почву национал-социалисты находили в маленьких городках юга провинции, устойчивая жизнь которых оказалась разрушенной экономическим кризисом, и немало людей в них были выбиты из привычной колеи.

Следует обратить внимание на то, что в межвоенный период в провинции широкое распространение получила миграция. В целом численность провинции увеличилась более чем на 400 тыс. человек (прирост 20-25%).

Миграция не была стабильной. Наоборот, она имела несколько явно выраженных форм. Например, в первые послевоенные годы в провинции появилось большое количество фронтовиков, бежавших из российского плена. Вторая волна притока населения приходится на 1930-1936 гг. – период явного нацистского подъема. И только в последние предвоенные годы возросло число лиц, покинувших провинцию. Но это были те, кто чувствовал серьезную угрозу от надвигавшихся событий [15, S. 31].

В основном же, увеличение численности населения провинции произошло за счет маргинализированных элементов (демобилизованные солдаты, польские рабочие-отходники и т.д.), легко поддающихся пропагандистскому влиянию. Значительное число переселенцев устраивалось на проживание в небольших городах и населенных пунктах, где их влияние было особо значительным. Г. Гримм приводит данные, что в период между 1919 и 1937 гг. в Восточной Пруссии было создано почти 14 тыс. рабочих мест для поселенцев в сельской местности. Они селились в населенных пунктах, где проживало примерно такое же количество коренных жителей. Подобные населенные пункты были одной из основ формирования национал-социализма в провинции. Следует учитывать, что в 1939 г. в Восточной Пруссии примерно 51% жителей проживало в населенных пунктах численностью менее 2 тыс. человек [9, S. 83, 95].

Конечно, восточно-прусская общность в таких условиях подвергалась эрозии, чем не преминули воспользоваться нацисты и, особенно, в тех самых маленьких городах. Кох, например, создавал партийные ячейки, привлекая к их руководству бауэров (крестьян, мелких хозяйственников) на платной основе. Кох считал, что именно из крестьян можно воспитать прежде всего национал-социалистов [10, S. 108].

Ещё в 20-е годы начала меняться политическая ситуация. Этот процесс впоследствии стал называться «ослаблением парламентской системы». Вначале, все более прочные позиции в Восточной Пруссии стали занимать коммунисты и национал-социалисты. В Германии на выборах в рейхстаг в 1930 г. они получили 38,4% голосов, а в июле 1932 г. – уже 57,9%. В Восточной Пруссии эти успехи были еще весомее: 41,7 и 68% соответственно. Но затем, в том же Кёнигсберге произошел резкий сдвиг политических симпатий вправо. Если в 20-х годах коммунисты и национал-социалисты имели примерное равенство голосов, то выборы в Кёнигсбергское депутатское собрание 5 марта 1933 г. дали абсолютный перевес национал-социалистам (54% голосов и, соответственно, мандатов). Коммунисты оказались только третьими, пропустив вперед еще и социал-демократов. Как правило, основную причину такого переворота немецкие исследователи видят, прежде всего, в экономических трудностях, переживаемых в Германии и, прежде всего, в Восточной Пруссии [10; 9, S. 93].

Но надо учитывать и деятельность Коха. Да, Германия, как и весь мир, находилась в тисках экономического кризиса 20-30-х годов. Однако Восточная Пруссия и в тех условиях ощущала повышенное внимание со стороны метрополии.

Так, в 1926 г. в министерстве внутренних дел был основан «Восточный фонд», имевший 25 млн марок для оказания помощи сельскому хозяйству Восточной Пруссии. Затем правительство, для компенсации климатических, транспортно-географических особенностей провинции выделило еще 100 млн марок. Примерно такого же объема помощь оказывалась практически ежегодно, а в марте 1931 г. она составила даже 150 млн. Эта помощь существенно сказывалась на благосостоянии Восточной Пруссии. Например, именно в это время на р. Алле, во Фридланде, была пущена ГЭС, обеспечившая электроэнергией большую часть провинции. Впрочем, некоторые немецкие историки склонны полагать, что столь значительное финансирование восточной провинции было вызвано существованием «польской опасности» [см., напр. 16, с. 273].

Фриц Гаузе считал, что национал-социализм никогда не являлся продолжением прусских традиций, ни консервативных, ни либеральных, ни социалистических. Национал-социализм не имел в Кёнигсберге предшественников и зачинателей, не было их и в духовной жизни, питательной средой которой были либерализм, демократия и патриотизм. Эти духовные позиции всегда были чужды национал-социализму [3, с. 246].

Действительно, трудно обосновать тот поворот в немецком обществе, в Восточной Пруссии, который с такой легкостью привел к господству фашизма. А на примере Восточной Пруссии, вообще, нельзя выделить какую-

либо особенность. Как мы видим, базы для национал-социализма в провинции не было, ссылки на экономические причины не могут быть однозначными. Жизнь здесь в целом была явно лучше, чем в остальной Германии. Скорее всего, здесь надо иметь в виду комплекс проблем, которые переживала провинция в межвоенный период. Тут и маргинализация области, и чувство оторванности от основной территории Германии, и территориальные претензии соседей и т.д.

Да, фундаментальной, основополагающей базы для появления фашизма в провинции изначально не было. Но она сформировалась очень быстро, по историческим меркам – мгновенно. А дальше действовал принцип цепной реакции, причем, искусно управляемой. Так, в результате президентских выборов (двух туров) 1932 г. произошло значительное укрепление позиций правых сил в Восточной Пруссии.

А накануне парламентских выборов гауляйтер НСДАП Кох в своём интервью по радио, опубликованном затем во влиятельной нацистской газете «*Der Angriff*» основную ставку сделал на разжигание в провинции межнациональной розни. По его мнению, лейтмотив Версаля однозначен: Восточная Пруссия должна стать польской. Правительство насаждает в анклав польские школы за счет немецких налогоплательщиков, в которых при этом работают подданные другого государства. Поляки то и дело нарушают воздушную границу Восточной Пруссии. Следовательно, полагал Кох, всем нужно идти на новую битву под Танненбергом и голосовать за Гитлера [18, S. 12].

Прямым следствием выступления Коха стала кровавая вакханалия, учиненная нацистами в предвыборную ночь. Штурмовики СА врывались в квартиры лидеров левых партий, избивая и убивая их, совершали поджоги и бомбометания. В Кёнигсберге был убит местный коммунистический лидер депутат городского совета Гаус, совершены покушения на жизнь главы провинциального правительства фон Барфельда и других видных политических деятелей [12, S. 2]. В редакцию коммунистической газеты «*Echo des Osten*» была брошена бомба. Подобная участь постигла и социал-демократов [11, S. 1].

В итоге на выборах в рейхстаг 31 июля за НСДАП проголосовало 49,7% избирателей, что было гораздо больше, чем в целом по Германии. Немецкие националисты утратили свою популярность, уступив место социал-демократам и коммунистам. Успех последних объясняется террором, развязанным в отношении них накануне выборов. Партия Центра в основном сохранила свой прежний результат, а демократам и Немецкой народной партии не удалось собрать даже по одному проценту голосов избирателей.

Ошеломительный успех нацистов на выборах опьянил их. Ультраправым казалось, что теперь им всё дозволено. Волна террора, окатившая провинцию накануне выборов, не стихла и после их завершения. Толпы штурмовиков продолжали громить и поджигать магазины еврейских торговцев и автозаправочные станции. Ранним утром 1 августа группа штурмовиков СА во главе со студентом философского факультета Альбертины Ф. Ремпом пыталась штурмом взять Дом профсоюзов. Поднятые ночью по тревоге рабочие отряды не дали нацистам учинить погром. Возле Дома профсоюзов произошли многочисленные стычки между двумя противоборствующими сторонами. Несколько рабочих получили тяжёлые ранения и были доставлены в расположенную поблизости Больницу милосердия. Досталось и нацистским молодчикам, которые на этот раз вынуждены были отступить [5, с. 12].

Серия убийств и покушений на членов оппозиционных нацистам партий прокатилась по Восточной Пруссии. На тираж газеты «*Echo des Osten*», изданной с большим трудом 1 августа 1932 г. с отчётом о кровавых событиях минувших дней, был наложен арест. Вся демократическая печать Германии требовала от правительства принятия энергичных мер по наведению порядка в провинции, превратившуюся в авансцену политической борьбы. Под давлением общественности прусский министр внутренних дел предоставил в полное распоряжение обер-президента Зира всю полицейскую школу Зенсбурга. По подозрению в совершении убийств было арестовано 20 человек [8, S. 1]. Однако это не могло в корне изменить ситуацию.

Нацисты пытались оправдать свои действия ответом на красный террор. Они ссылались на убийства нацистов коммунистами, приводя подробности и имена участников событий, которые, якобы, имели место в Восточной Пруссии [14, S. 11]. Однако приведенные нацистами сведения представляются весьма сомнительными,

поскольку никто из коммунистов в Восточной Пруссии ещё не был осужден за совершение подобных преступлений, чего нельзя сказать о «коричневорубашечниках», то и дело оказывавшихся на скамье подсудимых и отделявавшихся мягкими приговорами.

В октябре 1932 г. перед Кёнигсбергским судом предстало 19 членов СА, обвиненных в массовых поджогах, бомбометаниях, покушениях и убийстве в ночь на 31 июля. После длительного судебного разбирательства вина всех подсудимых была доказана. Суд приговорил их к заключению на срок от 5 до 18 месяцев тюрьмы. Убийцы коммунистического депутата городского собрания Кёнигсберга ввиду отсутствия неопровержимых улик остались без наказания [12, S. 2]. Так восточно-прусская Фемида отнеслась к деяниям бесчинствовавших нацистов.

ЭРИХ КОХ У ВЛАСТИ

Э. Кох стал не только гауляйтером Восточной Пруссии, но в середине 1933 г., добившись отставки обер-президента Вильгельма Кучера, занял его место.

В общественно-политической жизни начались серьезные перемены. Уже через год после прихода к власти нацистов многие значительные восточно-пруссские газеты были запрещены, в том числе старейшая «Гартунговская газета», в последнем номере которой была опубликована статья Томаса Манна. К концу 1933 г. из семи кёнигсбергских газет остались три. Все службы, учреждения, вузы и школы, печать, радио приспособлялись к нацистским взглядам. В невиданных масштабах на сознание обывателя было оказано мощное идеологическое воздействие: национал-шовинизм и партийное доктринерство.

Обучение и воспитание подрастающего поколения резко политизировалось. В Хуфенской гимназии, например, в 1934–1935 учебном году школьникам давались для сочинений сугубо «патриотические» темы: «Какие возможности предлагаются мне как ученику для участия в строительстве под руководством фюрера», «Разговор между СА-солдатом и кандидатом в СА», «Воспитание в Гитлерюгенде» и т. д. В следующем учебном году были распущены родительские комитеты, а вместо них введены должности руководителей молодежи, которые, хотя и назначались директором гимназии, но только после партийного одобрения. В школах началось деление на «арийцев» и «неарийцев». Последних запрещалось оценивать выше, чем учеников «арийцев». На уроках музыки разучивались песни «Гитлерюгенда». Когда фашистская Германия уже вступила в полосу неприкрытых агрессий, восьмиклассники восточно-пруссских школ тренировали свои литературные и интеллектуальные способности, размышляя над вопросом: «Чем солдаты капитана фон Эркерта превосходили готтентотов (по книге Ганса Гримма «Народ без пространства»)» [13, S. 45-53].

В русле нацистских «духовных» реформ было определено место и Кёнигсбергскому университету, призванному в новых условиях поставлять фюреру квалифицированные научные и пропагандистские кадры. С этой целью режим выделил Альбертине (Кёнигсбергский университет) значительные средства на расширение и укрепление научной и учебной базы. В последнем, 1944/1945 учебном году в университете было уже шесть факультетов. Кроме традиционных теологического, юридического, медицинского и философского, появились факультеты естественно-научный и сельскохозяйственный. Факультеты, за исключением теологического, объединяли несколько институтов – подразделений, аналогичных кафедрам, но более крупных, нередко занимавших отдельные большие здания. В то же время был резко сокращен прием студентов не немецкого происхождения. Часть профессуры безоговорочно поддержала нацистскую идеологию и политику.

В целом, с приходом к власти нацистов, количество студентов университета пошло на убыль: уже летом 1936 г. их было 2699, летом 1937 г. – 1665, зимой 1938 г. – 1321. По мнению калининградского профессора К. Лавриновича, подобное сокращение было обосновано несколькими факторами. Прежде всего, «новая власть не испытывала потребности в богословах, и их число в университете сократилось вдвое; не поощрялось высшее образование у женщин; очень избирательным было отношение национал-социалистов к науке: например, технические дисциплины или биология энергично поддерживались, к некоторым же другим отраслям знания они испытывали подозрение. Сократилось также число иностранных студентов и собственных подданных не немецкого происхождения» [4, с. 369].

Национал-шовинизм являл собой быстро усиливавшийся противовес либеральным настроениям и всякой оппозиции официальной власти в стране, неизбежно приобретая имперскую, колониалистскую окраску с ярко выраженными чертами ксенофобии и антисемитизма. Но прежде чем навязать свою идеологию населению, национал-социалисты должны были с помощью бюрократического, военного и полицейского аппарата насильственно устранить все противостоящие ему внутренние силы. 14 июля 1933 г. был принят закон, запрещающий деятельность партий и союзов. Последовали массовые аресты инакомыслящих. Показательным оказалась судьба «Стального шлема» (нем. *Stahlhelm*), организации, основанной ещё в 1918 году. Это был военизированный национально-монархический союз, с 1929 г. он, вначале открыто поддержал нацистов, а в 1933 г. был преобразован в штурмовой отряд СА. Нагнетание страха сопровождалось широкой демагогией и заигрыванием с народными массами.

Кристиан Тилицки, анализируя обстановку в Восточной Пруссии того периода, пишет:

«...Степень политического преследования до запрещения партий – в июне 1933 г. вырисовывается из оперативных сводок правительственного президента в Кёнигсберге и Алленштайне. В правительственном округе Кёнигсберг в первой половине марта было арестовано 230 функционеров СДПГ и КППГ, во всех районах проводились домашние обыски у деятелей рабочего движения. До 31 марта еще 162 человека попало в заключение. В апреле было арестовано лишь 107 человек, но обыски шли повально. 30 апреля очередь дошла и до штаб-квартиры КППГ. К 15 мая были ликвидированы местные организации коммунистического союза «Рот фронт» во всей Восточной Пруссии и против них начался процесс по обвинению в государственной измене. Все новые арестанты занимали места в тюрьмах; были обнаружены крупный склад оружия на улице Герлахштрассе, а также 2500 коммунистических листовок в книжном магазине у Северного вокзала. Большинство арестованных находилось в тюрьме Кёнигсбергской полиции или с лета 1933 г. в пересылочном лагере “Форт Квендау”, где они ждали транспортировки в концлагерь “Хаммерштайн” под Шлохау или в другие государственные концентрационные лагеря... В июне КППГ уже едва ли представляла собой опасность. Национал-социалисты сосредоточились на преследовании СДПГ, “Серьезных исследований библии”, католических объединений и различных “реакционных” группировок, таких как, например, “Бисмарковский союз мазур”. Политические противники в государственном аппарате или органах самоуправления пали жертвами закона о восстановлении профессиональной бюрократии и политических процессов...

К концу 1933 г. 25 из 38 депутатов восточно-прусского ландтага были отозваны и их места заняли члены НСДАП. Вторая (1934 г.) и третья (1937–1938 гг.) чистки привели к тому, что многие посты в округе и районах заняли предложенные Кохом лица. Освобождение от должностей осуществлялось под предлогом излишнего “дружелюбия по отношению к католикам, крестьянам, евреям”, либо враждебности по отношению к НСДАП.

Посты бургомистров в пятнадцати восточно-пруссских городах в 1935 г. были заняты исключительно членами НСДАП, из них лишь девять вступили в партию до 1931 года» [17, S. 25-27].

Политической организацией немецкой молодежи стал «Гитлерюгенд», в которой все юноши и девушки должны были воспитываться физически, духовно, нравственно в духе национал-социализма под руководством вождя – рейхсфюрера НСДАП по делам молодежи, непосредственно подчиненного фюреру и рейхсканцлеру.

15 сентября 1935 г. гитлеровцы выпустили откровенно шовинистический, антисемитский закон «О защите немецкой крови и немецкой чести». Через два-три года нацистские власти перешли к политике физического уничтожения евреев. Шеф гестапо Г. Мюллер 9 ноября 1938 г. разослал во все полицейские участки и руководящие органы государственной полиции в рейхе секретную телеграмму, в которой ставил в известность, что «в ближайшее время по всей Германии пройдут акции, направленные против евреев, в особенности против еврейских синагог. Им не надо препятствовать...». Мюллер имел в виду погромы, прокатившиеся по Германии в эти дни.

Немецкие историки считают, что эта спланированная акция подавалась обществу под видом «спонтанных выступлений народа», в ходе которых нацисты, в основном штурмовые отряды, поджигали синагоги, разоряли кладбища, грабили магазины и квартиры евреев. Не обошла стороной эта кампания и Кёнигсберг, когда в городе

была сожжена синагога и прошли другие беспорядки, в результате которых тысячи евреев распрощались с жизнью или были брошены в концентрационные лагеря ожидать смерти [3, S. 245-246]. Гаузе, правда, отрицает существование в Кёнигсберге и окрестностях концлагерей, считая форт Кведнау просто сборным пунктом для арестованных в эти дни евреев. Действительно, в массовом порядке концлагеря появились несколько позже, но «опыт» Кведнау не «пропал даром», ибо в годы Второй мировой войны в нем располагался концлагерь для военнопленных. Впрочем, Фрицу Гаузе оппонирует Кристиан Тилички, который говорит о том, что «Форт Кведнау» с 1934 г. был известен уже не просто как сборочный пункт, а как «пересылочный лагерь» [17, S. 26].

Сколько евреев погибло в Восточной Пруссии, сказать трудно. Во всяком случае в 1933 г. в Кёнигсберге их было 3500 человек, а после 1942 г. в городе угасла всякая еврейская жизнь. Уничтожение евреев в Восточной Пруссии, конечно, не идет ни в какое сравнение с Бабьим Яром и другими массовыми репрессивными акциями Коха, но и оно свидетельствовало, что гитлеровский душегуб хорошо понимал свои задачи в политике фашизма.

Как хитрый и расчетливый политик и популист, Кох настойчиво расширял влияние НСДАП среди населения. В 1934 г. он создал собственное предприятие «Эрих Кох Штифтунг» – экономический концерн, который быстро поглотил многочисленные текстильные и деревообрабатывающие предприятия в Восточной Пруссии, а также сахарные и табачные фабрики в Белостоке и Цихенау, что экономически усилило политическую власть гауляйтера. Кох получил благословение Гитлера на развитие ремесел и индустриализацию Восточной Пруссии при поддержке государства, чтобы в течение четырех лет оздоровить ее экономику и остановить миграцию рабочей силы на Запад. Были введены инвестиционное планирование, контроль за использованием сырья, контроль внешней торговли, регулирование заработной платы и ценообразование, осуществлены другие меры. Рост военных заказов, гражданские строительные программы обеспечили снижение уровня безработицы со 102 тысяч в 1933 г. до 18 200 к 1936 году [17, S. 17].

В процентном отношении безработица в Восточной Пруссии составила 3,3% против 7,4% в остальной Германии. Одной из причин более низкого уровня безработицы в провинции необходимо считать перебазирование в Восточную Пруссию ряда производств из других районов государства, в связи с меньшей опасностью от воздушных налетов (до 1944 г.) [7, S. 658].

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ «ПРУССКОГО СОЦИАЛИЗМА»

Здесь необходимо отметить, что на рубеже XX-XXI веков отдельные немецкие и российские историки делают попытку некоторой реабилитации Коха. Речь идет о так называемых планах строительства Кохом «прусского социализма» и на этой основе создания союза СССР и Германии [17, S. 13-21; 1, 11 августа].

Дело в том, что, когда в середине 1933 г., уже после прихода к власти, Гитлер объявил о завершении национал-социалистической революции, Кох продолжал говорить о ее «второй волне». Он старался отмежеваться от задающей в Восточной Пруссии тон провинциальной элиты, крупных землевладельцев и высшего чиновничества, причем открыто демонстрировал свои социалистические взгляды. Собственно говоря, создание «Эрих Кох Штифтунг» как раз и реализовывало эти взгляды, так как существование концерна имело цель «воспитания, содействия развитию и образованию национал-социалистов в особенности для решения задач, актуальных в Восточной Пруссии». Затем цель была расширена за счет внесения положения об «экономическом и культурном строительстве» в провинции Восточная Пруссия. Создавая свой концерн, Кох стремился не только к индустриализации, но и социализации (обобществлению) восточно-прусского производства.

У Коха появились сторонники такой деятельности, среди которых были Германн Бетке, вице-президент сельскохозяйственной палаты, и профессор Ганс Бернгард фон Грюнберг, с 1937 по 1945 гг. – ректор Кёнигсбергского университета. Они предложили Коху план оздоровления сельского хозяйства провинции путем отказа от либеральных экономических программ. Бетке и Грюнберг рекомендовали национализировать экономические структуры, ориентированные на внешний рынок, а так же банки и акционерные общества, и основывались в своих предложениях бюджетного планирования на принципах военного социализма. Грюнберг считал, что надо прекратить процесс урбанизации, так как из-за него обострялись социальные противоречия и конфликты. В принципе, идеи Грюнберга были, хотя и частично, но реализованы в период с 1933 по 1939 год.

Они легли в основу тех мер, направленных на преодоление частнокапиталистических принципов хозяйствования, о которых уже шла речь несколько ранее.

Командные методы руководства экономикой провинции дали как положительные результаты, так и не смогли решить некоторые проблемы. Например, экономика была оздоровлена, сократилась безработица, прекратилась миграция рабочей силы на Запад. Военные заказы, гражданские строительные программы обеспечили многим отраслям промышленности быстрое развитие. Однако, как сообщает К. Тилички, большая часть сельскохозяйственных производителей не вылезла из долгов и сельское хозяйство в целом было столь же мало способно создавать резервы, как и промышленность. Средняя заработная плата была ниже, чем в других восточных провинциях. Дефицит квалифицированных рабочих говорил о том, что провинция, как и прежде, лишена притягательной силы для переселенцев, кроме того, сказывался и недостаток 30 тыс. квартир.

Из вышесказанного можно делать выводы о том, что, так называемый прусский социализм в значительной степени стабилизировал экономическое положение, но достаточного развития аграрная провинция все же не получила. «Достаточного» для того, чтобы, как говорил Кох, войти в «войну подготовленной».

Уже одно то, что главной и основной целью всей деятельности Коха была подготовка провинции к войне, говорит о том, что считать гауляйтера поборником социальной справедливости, этого краеугольного камня социализма, недопустимо.

Говоря о «прусском социализме» Коха, необходимо особо отметить его внешнеполитическую составляющую. Дело в том, что Кох здесь исповедовал своего рода идеи Л.Д. Троцкого о перманентном характере развития мировой революции. Для Коха это был как бы региональный вариант. Речь идет о транснациональном объединении восточно-европейских государств. Причем, автор этой идеи, Мёллер ван ден Брук, вел речь о мирной политике в этой части Европы. Провинцию Восточная Пруссия рассматривали как центр экономического пространства, которое должно было раскинуться от Балтики до Черного моря. В конечном итоге, нечто подобное Коху почти удалось осуществить, причем, именно перманентным, но только не мирным путем: после завоевания Германией польско-советских территорий, гауляйтер стал «сильнейшим территориальным главой на Востоке Европы».

Ну, а пока Кох воспринял идеи Грюнберга о «географии будущего». В представлении некоторых калининградских исследователей на рубеже XX и XXI веков в рамках такой «географии» создавались эскизы карт с линиями электропередач, автотрассами, железными дорогами, каналами. Точно распланированные экономические карты включали в себя все восточноевропейские территории, вплоть до Черного моря и Кавказа. Германия и западная часть СССР, превращались в единую транспортно-экономическую систему. В этом плане уже не существовало ни Литвы, ни Польши. Конечная цель идеи состояла в создании единого гигантского государства не посредством завоевания СССР, а путем образования альянса двух стран. Правда, для этого требовалось решить проблему с изменением идеологии населения другого государства, но для нацистских аналитиков эта проблема решалась «легко».

В этом плане достаточно странным является «реанимация» С. Новиковым и В. Гайдуковым «геоэкономических идей Коха – Грюнберга», даже осовременив их под термином «создание панъевропейских мультимодальных транспортных коридоров» [1, 11 августа]. Несомненно, что схемам современного развития государства или нескольких государств часто можно найти более или менее близкие аналоги в прошлом. Однако это совершенно не означает, что в качестве примера необходимо брать идеи такого режима, который, в конечном итоге, получил соответствующую оценку Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Действительно, «тысячелетний рейх» проделал большую работу по хозяйственному развитию провинции. В том же Кёнигсберге строились народные школы, приюты, школы профессиональной подготовки, спортивные комплексы и детские площадки, застраивались окраинные районы, расширялся рыбный порт Пайзе...

Однако, как нетрудно это заметить, большинство из объектов социальной сферы, прежде всего, предназначались для воспитания населения, особенно подрастающего, в духе единственной идеологии –

нацизма. Более того, в провинции полным шагом велось и строительство других объектов: здания для войсковых частей, штабных и управленческих служб. В лесах Земланда строились военные заводы и склады боеприпасов, а люфтваффе по словам и по свидетельству Ф. Гаузе, «опоясала весь город широким кольцом, состоящим из полдюжины аэродромов» [3, с. 251]. В промышленности преуспевали только те фирмы, которые занимались оборонным строительством или военными поставками.

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Да, Восточной Пруссии отводилась ключевая позиция в рамках планируемого нового территориального порядка в Восточной Европе. Фактически же, нацистская власть отвела Восточной Пруссии губительную роль авангарда своей агрессии на востоке. Население провинции, первоначально не отвечавшее «взаимностью» нацистским идеям, вскоре не только стало их поддерживать, но и разделять. Поэтому не вызвало особого возражения изречение Гитлера от 2 сентября 1936 г. о том, что «у нас перенаселение, и мы не можем прокормиться на своей земле... Окончательное решение заключается в расширении жизненного пространства, то есть сырьевой и продовольственной базы нашего народа. Это задача политического руководства...».

Начавшаяся после агрессии Германии в отношении Польши Вторая мировая война должна была получить свое логическое продолжение на Востоке, о чем свидетельствует директива № 21 от 18 декабря 1940 г. по стратегическому развертыванию главного командования сухопутных войск Германии (план «Барбаросса»): «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии...» [2, с. 585-582].

Естественно, что население о конкретных планах предстоящей войны не знало. Поверившее Гитлеру, оно в равной степени внимательно и с поддержкой относилось ко всем действиям фашистского руководства. Подобное отношение наблюдалось как в Германии, так и в Восточной Пруссии.

Кёнигсбержец Ф. Гаузе впоследствии утверждал, что населением мобилизация в провинции воспринималась не как подготовка к войне, а как восстановление суверенитета [3, с. 252]. Да, восстановление немецких прав на Мемельский край произошло мирным путём, но всё же в присутствии немецких боевых кораблей на входе в Куршский залив. Но это вовсе не означало, что подобная ситуация произойдёт с Польшей и уж тем более при войне на Востоке. Восточная Пруссия, как германская провинция готовилась именно к войне, войне против СССР. В канун её чиновник окружного суда провинции записал в своём дневнике: «Стало абсолютно ясным то, что война с Россией неизбежна... Вся Восточная Пруссия превратилась в один большой военный лагерь» [17, с. 152-153].

22 июня 1941 г. война Германии и её союзников против Советского Союза именно с восточно-прусской границы началась.

Список литературы

1. Гайдуков В., Новиков С. Назад в будущее // Калининградская правда. 2000. 11 августа.
2. Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969. Т. 2.
3. Гаузе Ф. Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Пер с нем. В.Хердт и Н. Конрад. Реклингхаузен: Биттер, 1994.
4. Лавринович К. К. Альбертина: Очерки истории Кёнигсбергского университета. К 450-летию со времени основания. Калининград, 1995.
5. Орлов А. П. Два лика Росгартена. Калининград, 1992.
6. Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Кретицин, В. Н. Брюшинкин, В.И. Гальцов, и др. Калининград: ОАО "Янтарный сказ", 2006. - 536 с.
7. Das östliche Deutschland. Ein Handbuch, hsg. vom Göttingen Arbeitskreis. Würzburg, 1959.
8. Der Terror im Holstein und Preussen // Berliner Tageblatt. 1932. 2 August. Morgenausgabe.
9. Grimm G. Die letzten 50 Jahre der Provinz Ostpreußen: Strukturdaten und Krisensituationen // Die Entwicklung der Region Königsberg / Kaliningrad. München, 1997.
10. Hüttenberger P. Die Gaulleiter. Stuttgart, 1969.
11. Königsberg // Berliner Tageblatt. 1932. 2 August. Morgenausgabe.
12. Königsberger Nazi-Brandstifter vor Gericht // Berlin am Morgen. 1932. 30 Oktober.
13. Neumann K. Das Staatliche Hufengymnasium in Königsberg (Pr.). 1905-1945. Wiesbaden, 1978.

14. Rettet Ostpreussen vor dem roten Mordterror! // Der Angriff. 1932.
15. *Richter F.* Beiträge zur Industrie- und Handwerksgeschichte Ostpreußens 1919-1939. Stuttgart, 1988.
16. *Schute E.* «Getrennt vom Reich». Die Instrumentalisierung des Sports in Ostpreußen zur Zeit der Weimarer Republik. Bochum, 1987.
17. *Tilitzki Ch.* Alltag in Ostpreußen 1940-1945. Die geheimen Lageberichte der Königsberger Justiz 1940-1945. Leer, 1991.
18. Wie steht es um Ostpreussen // Der Angriff. 1932. 30 Juli.

Информация об авторах

Виноградов Михаил Витальевич, кандидат исторических наук, директор средней общеобразовательной школы №4 г. Калининграда, г. Калининград, Российская Федерация.

Кретинин Геннадий Викторович, доктор исторических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Кретинин Геннадий Викторович, e-mail: gvkretinin@gmail.com

OBJECTIVE HISTORY

Original Paper

East Prussia under the control of national socialists

Mikhail V. Vinogradov ¹, Gennady V. Kretinin ² ✉

¹ Secondary school № 4 of Kaliningrad,
Kaliningrad, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2422-7499>, e-mail: mihwin13@gmail.com

² Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-0826>, e-mail: gvkretinin@gmail.com

Abstract:

After the First World War, German province of East Prussia became isolated from the main territory of Germany. The enclave state influenced on the formation of post-war public consciousness, economic, political, and cultural development of the province. Such situation was a fertile ground where almost any propagandistic sprouts could grow, especially supplemented with difficult economic situation, unemployment, and the difficult socio-political situation of the population. The article analyzes the peculiarities of the emergence and organizational formation of the main political forces in the province: social Democrats, communists and national socialists, their confrontation, the struggle for influence on the population. It is emphasized how the Nazis' use of populist slogans, especially in the small towns of the province, the ideas of German nation revival, the need to acquire living space for Germans in Europe, German people supremacy over others, the purity protection of the German nation itself from the admixture of foreign blood and on this basis raising the population living standard of the province played a role in supporting the actions of the fascist leadership in unleashing a new world war.

Keywords:

East Prussia, Germany, Königsberg, political forces, social Democrats, communists and national socialists, Prussian socialism, enclave, province economy, World War II, fascism, Erich Koch, A. Hitler, Fritz Gause

References

1. Gaydukov V., Novikov S. (2000). Nazad v budushcheye [Back to the future]. – *Kaliningradskaya pravda*. 2000. 11 avgusta. (In Russ.)
2. Gal'der F. (1969). *Voyennyi dnevnik* [Military diary]. M., 1969. T. 2. (In Russ.)
3. Gauze F. (1994). *Königsberg v Prussii. Istorija odnogo yevropeyskogo goroda* [History of one European city]. Per s nem. V.Kherdt i N. Konrad. Reklingshauzen: Bitter, 1994. (In Russ.)
4. Lavrinovich K. K. (1995). *Al'bertina: Ocherki istorii Königsbergskogo universiteta. K 450-letiyu so vremeni osnovaniya* [Essays on the history of the University of Königsberg. To the 450th anniversary of its founding]. Kaliningrad, 1995. (In Russ.)
5. Orlov A. P. (1992). *Dva lika Rosgartena* [Two faces of Rosgarten]. Kaliningrad, 1992. (In Russ.)
6. *Ocherki istorii Vostochnoy Prussii* [Essays on the history of East Prussia] / G.V. Kretinin, V.N. Bryushinkin, V.I. Gal'tsov, i dr. Kaliningrad: OAO "Yantarnyy skaz", 2006. - 536 s. (In Russ.)
7. *Das östliche Deutschland. Ein Handbuch, hsg. vom Göttingen Arbeitskreis*. Würzburg, 1959. (In German)
8. Der Terror im Holstein und Preussen. – *Berliner Tageblatt*. 1932. 2 August. Morgenausgabe. (In German)
9. Grimm G. (1997). Die letzten 50 Jahre der Provinz Ostpreußen: Strukturdaten und Krisensituationen. – *Die Entwicklung der Region Königsberg* / Kaliningrad. München, 1997. (In German)
10. Hüttenberger P. (1969). *Die Gaulleiter*. Stuttgart, 1969. (In German)
11. Königsberg. – *Berliner Tageblatt*. 1932. 2 August. Morgenausgabe. (In German)
12. Königsberger Nazi-Brandstifter vor Gericht. – *Berlin am Morgen*. 1932. 30 Oktober. (In German)
13. Neumann K. (1978). *Das Staatliche Hufengymnasium in Königsberg (Pr.). 1905-1945*. Wiesbaden, 1978. (In German)
14. Rettet Ostpreussen vor dem roten Mordterror! – *Der Angriff*. 1932. (In German)
15. Richter F. (1988). *Beitrag zur Industrie- und Handwerksgeschichte Ostpreußens 1919-1939*. Stuttgart, 1988. (In German)
16. Schute E. (1987). «Getrennt vom Reich». *Die Instrumentalisierung des Sports in Ostpreußen zur Zeit der Weimarer Republik*. Bochum, 1987. (In German)
17. Tilitzki Ch. (1991). *Alltag in Ostpreußen 1940-1945. Die geheimen Lageberichte der Königsberger Justiz 1940-1945*. Leer, 1991. (In German)
18. Wie steht es um Ostpreussen. – *Der Angriff*. 1932. 30 Juli. (In German)

Information about the authors

Mikhail V. Vinogradov, Cand. Sci. (History), Headmaster of secondary school №4 of Kaliningrad, Kaliningrad, Russian Federation.

Gennady V. Kretinin, Dr. Sci. (History), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

Corresponding author

Gennady V. Kretinin, e-mail: gvkretinin@gmail.com

Наука. Общество. Оборона

2022. T. 10. № 4

2311-1763

Online ISSN

Science. Society. Defense

2022. Vol. 10. № 4

УДК: 94(47).084.9 + 929 Сюзюмов + 929 Петряев

DOI: 10.24412/2311-1763-2022-4-28-28

Поступила в редакцию: 25.07.2022 г.

Submitted: July 25, 2022

Опубликована: 23.10.2022 г.

Published online: October 23, 2022

Для цитирования: Капсалыкова К. Р. «Если на мою книгу будет атака, – не принимайте это во внимание»: переписка М. Я. Сюзюмова и К. Д. Петряева // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, №4(33). С. 28-28. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-28-28>.

For citation: Kapsalykova K.R. "If there is a fierce attack on my book, don't take it into account": correspondence between M. Ja. Sjuzumov and K. D. Petryaev. – *Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2022;10(4):28-28. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-28-28>.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01455. Автор выражает благодарность сотрудникам Государственного архива Свердловской области и персонально зав. Отделом публикации и использования документов ГАСО Ольге Сергеевне Никоян и сотрудникам Центра документации общественных организаций Свердловской области за предоставленные материалы и помощь в подготовке данной публикации.

Acknowledgements: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-01455. Author expresses to one's thanks for to the staff of the State Archives of the Sverdlovsk Region and personally Olga Sergeevna Nikoyan, chief of the Department of Publication and Use of Documents GASO, and the staff of the Center for Documentation of Social Organizations of Sverdlovsk region for the materials provided and assistance in preparing this publication.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2022 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2022 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

НАУЧНЫЕ КАДРЫ

Оригинальная статья

**«Если на мою книгу будет атака, – не принимайте это во внимание»:
переписка М. Я. Сюзюмова и К. Д. Петряева**

Карина Рамазановна Капсалыкова ¹ ✉

Аннотация:

Статья посвящена важному аспекту развития отечественной исторической науки – дискуссиям, развернувшимся в 1960–1970 гг. на фоне подготовки и проведения в Москве XIII Международного конгресса исторических наук. Важным источником, содержащим подробные сведения по этому вопросу, является переписка М. Я. Сюзюмова (1893–1982) с К. Д. Петряевым (1917–1987), которая хранится в Государственном архиве Свердловской области и охватывает период с 1966 по 1976 гг. Переписка публикуется впервые. Статья написана на основе разработок в области повседневной истории. Автором также использовались историко-функциональный и просопографический методы. Автор констатирует, что на сегодняшний момент специальные работы, посвященные научной биографии К. Д. Петряева, основанные на достоверных архивных материалах, отсутствуют. Публикация и анализ этого эпистолографического комплекса подтверждают, что эти письма являются важным свидетельством борьбы мнений 1960–1970-х гг., которые ставят под сомнение миф о безраздельном господстве марксистских догматов в советской историографии. Важнейшей темой переписки двух историков стал общий интерес к историософским проблемам. М. Я. Сюзюмов обоснованно критикуя структуралистский подход, предлагал активизировать систематическую публикацию источников с подробными комментариями, а также широко привлекать для исторических исследований возможности вспомогательных дисциплин. К. Д. Петряев длительное время работал над систематическим изложением методологии истории, его труды стали серьезным достижением советской историографии. Он аргументированно подвергал сомнению искусственную социологизацию. В проанализированных автором статьи письмах раскрываются детали научной повседневности, обсуждаются монографии, учебные пособия, конференции. По мнению автора, публикация этих писем позволяет внести определенные коррективы в научную биографию М. Я. Сюзюмова. Прежде всего, это касается осмысления им итогов XIII Международного конгресса исторических наук. Статья также призвана акцентировать внимание на научном наследии советского историка, участника Великой Отечественной войны, К. Д. Петряева.

Ключевые слова:

историография, источниковедение, методология истории, М. Я. Сюзюмов, К. Д. Петряев, научная биография, XIII Международный конгресс исторических наук

ВВЕДЕНИЕ

16–23 августа 1970 г. в Москве прошел XIII Международный конгресс исторических наук. Специалисты, собравшиеся в столице СССР, обсудили ряд дискуссионных историософских проблем, а также обменялись мнениями об основных тенденциях развития исторических наук [3; 29]. В работе этого научного форума участвовал известный советский историк, создатель теории диалектического континуитета, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории УрГУ, профессор Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982) [7].

По итогам конгресса, фиксируя уровень развития мировой исторической науки, М. Я. Сюзюмов написал одно из важнейших своих произведений – «Модернизация и сепаратизация» [27]. Однако эта статья была опубликована в сокращенном варианте из-за ограниченного объема сборника научных трудов. Как заведующий кафедрой всеобщей истории УрГУ, профессор Сюзюмов считал необходимым, прежде всего, опубликовать результаты археологических исследований памятников византийской Таврики, а также статьи аспирантов. Полный вариант текста «Модернизация и сепаратизация», который мы далее используем в данной работе, сохранился в личном архиве ученого в Государственном Архиве Свердловской области (1). Помимо этого, в ГАСО хранятся тематические подборки, которые представляют собой «путеводитель» по XIII Международному конгрессу исторических наук (2). В них выдающийся медиевист прозорливо определил дальнейшие направления развития исторической науки. Следует отметить, что сделанные им выводы сохраняют актуальность до наших дней.

По мнению М. Я. Сюзюмова, наиболее тревожной тенденцией в отечественной историографии являлось нигилистическое отношение к технике и методике исторического исследования как «конгломерату элементов, по традиции относимых к теоретическому источниковедению». Любое же изучение исторического факта является включением в современность фрагментов прошлого. Он писал: «только те, кто знают мало источники, делают так! В свете современности можно понять глубже социальные связи, сущность проходивших процессов. Если мы не знаем терминологию институтов, то не поймем, упражняясь в психологизации, где гарантия, что нет модернизации» (3).

Одной из важнейших тем конгресса стал структуралистский подход в гуманитаристике, при котором анализ общественного развития подменялся созданием «целостной функциональной модели». Профессор Сюзюмов, критикуя выкладки сторонников новомодного методологического подхода Э. С. Виленского, В. С. Библера, А. Я. Гуревича, С. О. Шмидта, отмечал: «Структуралисты понимают, что каждая модель подчинена своей структурно-функциональной закономерности, которая осуществляет общественную связь, взятую в целом, обеспечивает внутри определенных границ стабильность системы. В основе такого метода исследования – сепаратизация – оторванность данного изучаемого общества от всемирно-исторического процесса. Общественное целое – «модели» являются индивидуальным телом, организмом, структура которого и микроструктуры подлежат изучению подобно тому, как в биологии изучается органическая структура и микроструктуры живого существа» (4). М. Я. Сюзюмов отметил сущность подобного исследовательского метода: «Модель – модно! Но модель введена в статистику! Модель прошлого – ведь это платоновская идея! Машина подсчитывает факты, но историк *отбирает* (курсив. – авт.) факты. Это исчезнет при машинизации истории! История не описательная наука и она рискует впасть в новый позитивизм (голое познание)» (5).

М. Я. Сюзюмов не ограничился критикой словесной гимнастики структуралистов и седативной простоты «модельщиков». Он предлагал активизировать систематическую публикацию источников с подробными комментариями, а также широко привлекать для исторических исследований возможности вспомогательных дисциплин. Специальное внимание он обращал на пересмотр учебных планов гуманитарных специальностей в университетах, призывая увеличить удельный вес древней и средней истории [6].

«ДРЕВНОСТЬ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К СОВРЕМЕННОСТИ»

После конгресса в Москве М. Я. Сюзюмов на заседании кафедры всеобщей истории УрГУ 17 ноября 1970 г. сделал доклад «О связи древней истории и истории средних веков с современностью». Протокол заседания кафедры сохранил тезисы этого выступления: «Вопросы древней истории и средних веков являются исключительно современными. На материалах древней и средней истории западные ученые выступают против марксистско-ленинского учения о формации, выдвигая свои, антикоммунистические, теории». Далее докладчик проиллюстрировал этот тезис рядом примеров из выступлений западноевропейских историков на XIII Международном конгрессе (6).

В прениях по докладу выступили ведущие преподаватели кафедры. Медиевист, доктор исторических наук, профессор Наум Абрамович Бортник: «Атаки на марксистско-ленинское учение о формациях проводятся не впервые. Некоторые советские ученые, как ни жаль, придерживаются подобных взглядов. Связь современности и древней и средней истории усиливается в последнее время, так как во многих районах земного шара есть еще пережитки феодализма, особенно в странах Азии и Африки. Вопрос о характере борьбы, ведомой народными массами в древности и средние века, и их перехода к новым формациям имеет большое значение для борьбы народов бывших колоний».

Специалист по истории древнего Рима, кандидат исторических наук, доцент Нина Николаевна Белова: «Среди наших ученых есть тенденция, которая особенно сказалась в сборнике "Проблемы истории докапиталистических обществ" – отказаться от понятия "общая экономическая формация" [5]. Характерным является также выступление И. М. Дьяконова на одной из московских конференций, где он предлагал отказаться от термина "рабовладельческой формации" и заменить его обществом древнего мира. Причина, мне кажется, в кризисе роста. Очень много новых источников, обилие материала создает трудности. Страшного в этом нет. По мере

накопления новых источников, осуществления археологических раскопок, дешифровки новых надписей, например, на этрусском языке и др. древность приближается к современности» [28].

М. Я. Сюзюмов подвел итоги дискуссии: «Особенно важной является проблема перехода от рабовладельческой или родоплеменной формации к феодализму. Необходимо объяснить студентам, насколько важно вести борьбу против буржуазных теорий, что все важнейшие проблемы прошлого являются вполне актуальными» (7).

Итоги XIII Международного конгресса М. Я. Сюзюмов обсуждал не только в кафедральном кругу, но и в переписке со многими коллегами-историками – З. В. Удальцовой, А. П. Кажданом, Р. М. Бартияном, Л. Е. Кертманом и др. Особенно ярким, по нашему мнению, является его обмен мнениями с К. Д. Петряевым.

Константин Дмитриевич Петряев (1917–1987) родился в Березовском заводе Пермской губернии. В начале 1920-х гг. семья Петряевых распалась: отец, Дмитрий Ильич, и старший сын Евгений остались в Березовске. Мать, Муза Петровна, работала учительницей и заведовала школами в разных уездах Уральской области (8). Константин воспитывался отчимом – Федором Ивановичем Сабуровым (9). После окончания школы К. Д. Петряев переехал в областной центр. Впоследствии он писал об этом: «Свердловск разрушил стены моего кругозора, сложившегося в сравнительно узком сельскохозяйственном мирке» (10). Индустриальный, бурно растущий город предоставил самые широкие возможности для целеустремленного и способного человека «дать бой эпохе и талант опередить ее». В 1933–1934 гг. Константин Петряев одновременно учился в Свердловском аэро-фото-геодезическом техникуме и на рабфаке Свердловского государственного педагогического института. С 1934 по 1938 гг. он был студентом исторического факультета СГПИ. Характерно, что в эти же годы на географическом отделении Учительского института при СГПИ училась его мать Муза Петровна (11).

В 1938 году К. Д. Петряев поступил в аспирантуру при Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена. В мае 1941 года он защитил кандидатскую диссертацию по теме «I и II съезды Советов в Германской революции 1918–1919 гг.» (12).

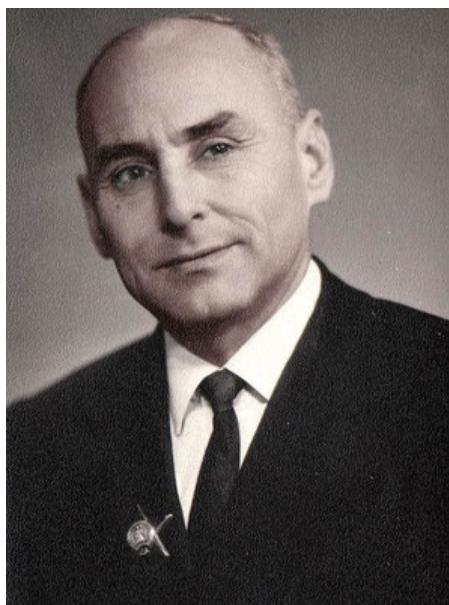
В конце июня 1941 г. Константин Петряев добровольно вступил в РККА, рядовым красноармейцем принимал участие в боях на Карельском перешейке. Осенью 1941 г. был направлен во 2-е Ленинградское пехотное училище, которое окончил в январе 1942 года. В составе минометной роты 1067 сп 311 сд мл. лейтенант Петряев сражался с врагом у ст. Мга, был дважды ранен. После госпиталя его признали ограниченно годным и направили для дальнейшего прохождения службы в военную комендатуру распорядительных станций 59 армии Волховского фронта. После тяжелой контузии, полученной в августе 1942 г., он длительное время находился на излечении в Москве, а затем служил в военной комендатуре Казанского вокзала. В ноябре 1943 г. К. Д. Петряев был демобилизован по состоянию здоровья (13). В 1946 году его наградили орденом Красной Звезды. Процитируем строки из наградного листа: «тов. Петряев в боях участвовал активно, молодой энергичный офицер, изъявил желание добровольно сражаться за родину и будучи два раза ранен, раз контужен, поля боя не покидал. тов. Петряев кандидат исторических наук, политически развит, дисциплинирован» (14).

Осенью 1943 г. Наркомпрос РСФСР направил К. Д. Петряева в педагогический институт Коми АССР. В Сыктывкаре он проработал девять лет, занимая должности доцента и заведующего кафедрой истории. В 1953 г. он прошел по конкурсу в Одесский государственный университет, где работал на должностях профессора и зав. кафедрой всеобщей истории. В 1966 г. Константин Дмитриевич Петряев защитил докторскую диссертацию по теме «Современная советская историография истории Германии 1871–1914 гг.». Незаурядный ученый, он по праву считался крупнейшим в Украинской ССР специалистом по методологии истории, источниковедению и историографии новейшей истории Германии [4, с. 75–77, 80]. Профессор К. Д. Петряев скончался в Одессе 30 сентября 1987 года.

ПЕРЕПИСКА М. Я. СЮЗЮМОВА И К. Д. ПЕТРЯЕВА

Сюзюмов М.Я., 1968 г.

Петряев К.Д., 1968 г.

В этой статье впервые публикуется переписка между двумя советскими историками – К. Д. Петряевым и М. Я. Сюзюмовым. В ГАСО хранится отобранный самим М. Я. Сюзюмовым эпистолографический комплекс, который насчитывает 9 писем и охватывает период с 1967 по 1976 год. Также в одном из дел личного фонда М. Я. Сюзюмова есть телеграмма, отправленная К. Д. Петряевым 27 ноября 1968 г. к семидесятипятилетнему юбилею уральского медиевиста. В ГАСО хранятся еще три письма, которые М. Я. Сюзюмов написал своему коллеге в Одессу в 1966–1969 гг. (15). Они были переданы К. Д. Петряевым в Уральский архив литературы и искусства, созданный в Свердловске выдающимся уральским историком и краеведом В. П. Бирюковым (1888–1971). Впоследствии «коллекцию Бирюкова» передали в ГАСО.

Следует отметить, что решение о передаче личного архива в Свердловск Константин Петряев принял по совету своего старшего брата Евгения (16). В 1920-е гг. они оказались разлучены на долгое время, только в 1960-е гг. удалось восстановить контакты, между братьями началась оживленная переписка. Е. Д. Петряев советовал брату: «Не спеши с отправкой в архив. Наиболее достойное место – Свердловск, хранилище В. П. Бирюкова. Думаю, в ближайшее время сам Бирюков тебе напишет» [12, с. 34]. В итоге, Константин Петряев отправил наиболее ценные материалы из личного архива в Свердловск (17).

Далее мы приводим переписку М. Я. Сюзюмова и К. Д. Петряева. Письма публикуются без купюр, придерживаясь хронологического порядка. Нами сохранена авторская орфография и пунктуация. Слова и фразы, выделенные курсивом, в оригинальных документах подчеркнуты или напечатаны прописными буквами.

Письмо М. Я. Сюзюмова К. Д. Петряеву

Машинопись, подлинник
ГАСО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 931. Л. 5–5 об.

Свердловск, 3 мая 1966 г.

Дорогой коллега!

С большой радостью узнал о Вашем успехе – о Вашей защите докторской диссертации! Очень жалею, что не смог узнать это раньше и до сего времени не поздравил (18). Не знаю точно, какая тема Вашей диссертации. Полагаю, что она будет полностью опубликована. Конечно, очень интересно было бы, если Вы смогли приехать на родину. Правда, сейчас значительно труднее, чем это было раньше – молодежь уже заняла места, да и кафедра у меня разделилась (19). У меня остались только докапиталистические формации, а новая и новейшая перешли к Чемпалову. Иван Никонорович уже заканчивает свою диссертацию, надеется к марту 1967 сдать ее

для защиты. Он сейчас очень энергично работает – но у нас в перспективе только есть ставка на Восток (это история Китая и т. д. в новое и новейшее время), да и то под вопросом. Поговаривают, что в Педагогическом Институте снова откроют исторический факультет, но пока что неясно (20). Во всяком случае, завязывайте связи с Чемпаловым (21).

Наш Университет получил шикарное здание бывшего Совнархоза – теперь уже историки занимаются в новом здании, где идеально чисто и опрятно! Это здание совершенно новое – с колоннами и весьма приличный фасад – прямо напротив Оперного театра! (22) Это здание Вы не видели. Старое здание в основном заняли экономисты.

Желаю Вам всяческих дальнейших успехов, здоровья и энергии!

С сердечным приветом,
М. Сюзюмов

Письмо М. Я. Сюзюмова К. Д. Петряеву

Машинопись, подлинник
ГАСО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 931. Л. 3.

Свердловск, 31 декабря 1966 г.

Дорогой Константин Димитриевич,

Узнал, что Вы будете справлять юбилей 19 января (23). От всего сердца приветствую Вас с переходом в старшее поколение! Нашего полку прибыло – могу я сказать! Конечно, это далеко не старость, – мне идет 74-й год, но я все еще считаю себя молодым человеком. Говорят, что время – категория сознания, а не объективная реальность! В этом отношении я сочувствую идеалистам! (24)

У нас новость – Чемпалов уходит на кафедру научного коммунизма, – и его место освобождается. Это очень неприятно, но поделаться нечего! Откроем конкурс, хотя к нам вряд ли кто приедет! Ведь квартир предоставить мы не можем в течение ряда лет. Так что понимаете мое горе...

Как живет Карышковский? Я его потерял – с его Львом Дьяконом! (25)

Всего-всего наилучшего,
Ваш М. Сюзюмов

Письмо К. Д. Петряева М. Я. Сюзюмову

Рукопись, подлинник
ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–1 об.

Одесса, 31 января 1967 г.

Дорогой Михаил Яковлевич!

С чувством особой теплоты благодарю Вас за поздравление по поводу моего 50-летия. Юбилей прошел хотя и скромно, но хорошо. Я получил больше приветствий от коллег, живущих вне УССР, но это и понятно, надеюсь, Вам. Со своей стороны, хотел Вам пожелать: берегите более тщательно свое здоровье; поменьше обращайтесь на мелочи и дразги, которых, к сожалению, так много в нашей жизни. Вы – Человек с большой буквы и очень важно, чтобы Вы на радость всем нам жили много, много лет.

Я намеревался в феврале выехать на Урал, чтобы отдохнуть после исключительной перегрузки в 1-ом семестре. Но ничего не вышло. В связи с новой перестройкой учебных планов (а когда у нас не было ее!) у меня неожиданно во 2-ом семестре оказались новые лекции. Ко всему я (тут уж я добровольно взвалил на себя это дело) 6 февраля начинаю новый – по-моему, он *нигде* не читается – лекционный курс, рассчитанный на 42 часа «Методология исторической науки».

План его таков:

1. Историзм и значение принципа историзма.
2. Понятие истории в истории философии.
3. Партийность и объективность исторической науки.
4. Что такое актуальность исторического исследования.
5. Особенности исторического познания.
6. Т. н. структурный анализ в исторической науке.
7. Источники и методология работы над ними.
8. Основные методологические направления в исторической науке XIX–XX вв.
9. Роль историографии истории.
10. Вопросы методики историографических исследований.

Очень и очень хотелось бы получить от Вас предложения по поводу этого плана, иметь Ваши соображения и замечания, которые я полностью учту. В свое время (середина 30-х гг.) я слушал кое-какие лекции по этому предмету у Н. П. Грацианского, С. В. Юшкова, Е. А. Косминского, Н. П. Руткевича (26). Но конспекты потеряны. Усиленно штудирую все имеющееся и прихожу к выводу, что сумбура 99%, а толкового ничего нет. Может быть, и мой курс получится хаотичным. Если же будет лучше, чем я ожидаю, думаю летом написать «Курс лекций по методологии истории» листов на 15–20. Как Вы вообще к этому относитесь?

Вы писали, что тов. Чемпалова перевели. Следовательно, весьма было бы *теперь* вернуться в Свердловск, ибо в настоящее время украинизация идет полным ходом, и держать меня как «русака» никто не будет (27). В конце марта или начале апреля я все же намереваюсь дней на 10 приехать к матери – она живет в Кировграде. Можно было бы *точно* все утрясти, но только при одном условии: если я к этому времени буду ВАК утвержден в докторах (28). Пока же из Москвы ни слуху ни духу, хотя в феврале исполнится год после защиты. Мне самому по своему делу писать кому-то в Москве крайне неудобно, да и я вообще щепетилен в таких вопросах. Мне даже неизвестно, прошла ли диссертация экспертную комиссию. Я слышал, что ее председателем является А. Л. Нарочницкий (29). Но я его лично не знаю и никогда не видел. Что он из себя представляет? Я об этом пишу потому, что доцента Свердловск не примет и нет смысла городить огород. Впрочем, к осени я намереваюсь все равно вернуться на Урал, в крайнем случае – в Челябинск, ибо маме 77 лет, оставлять ее одну уже нельзя (30). Да и пора «блудному сыну» на старость возвращаться в родные палестины.

П. О. Карышковскому я передал Ваши пожелания, он обещал Вам написать. Жду Вашего письма.

Обнимаю Вас,
Ваш К. Петряев

Письмо М. Я. Сюзюмова К. Д. Петряеву

Машинопись, отпуск
ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 159. Л. 2–2 об.

Свердловск, среда, 8 февраля 1967 г.

Дорогой Константин Дмитриевич,

Надеюсь, Ваше торжество юбилея благоприятно отразилось на Вашем самочувствии, энергии, которой, впрочем, у Вас всегда было в «преизбыточности», если говорить словами наших предков (31). Но очень я

удручен, что до сего времени нет ни ответа, ни привета у Вас от ВАКа. Относительно Чемпалова, хотя он и утвержден как зав. кафедрой научного коммунизма, но не все еще ясно и мне кажется, что он понял опрометчивость своего шага пуститься в такую науку, которая изрыта административным путем и не имеет никакого будущего. Чемпалов еще не закончил своей докторской – защита еще в туманном будущем! И своим необдуманным шагом (я его предостерегал) он только отдалит сроки защиты [8]. Карышковскому привет – я получил его поздравление, когда приехал из Москвы (в январе и начале февраля был в Москве), на днях собираюсь ему писать.

Относительно Вашего плана читать методологию истории, – это дело в высшей степени похвальное, – но в отношении плана и содержания курса я весьма не согласен с Вами, Вы меня простите. Думаю, что начинать нужно с характеристики объекта и субъекта в исторической науке – тогда будет ясен и Ваш пункт третий и не нужен второй. Заняться нужно и вопросом о конечной причине появления и существования исторической науки. Целый ряд наиболее важных вопросов обойден – так, например, язва нашей науки, дискредитирующая не только перед мировой, но даже перед рядовым студентом – конъюнктурщина – у Вас не затронута.

Проблема *аргументации* – наиболее важная для того, чтобы считать историю наукой, а не политиканствующей болтовней – у Вас не затронута. Особенно важна связь методики с техникой исторического исследования. Но, конечно, я под влиянием тех методологических дискуссий, которые ведутся в античной истории и медиэвистике. Новисты и новейшие – не причастны к ним. У вас, новистов, в отношении методологии «полная ясность» и нет проблем – какие имеются у нас! Передовая методологическая мысль сейчас у античников древнего Востока и раннего средневековья – новисты консервативны. Я приготовил курс «Методика и техника исторического исследования», но пока не восстановлен пятилетний учебный план нечего и думать о чтении этого курса.

Но вы меня простите, что я так нахально пишу – что же делать – когда затрагивается человек за живое, то он кричит... Конечно, я сторонник борьбы мнений.

Ну, нужно заканчивать.

С приветом и пожеланиями наилучшего,
Ваш М. Сюзюмов

Поздравительная телеграмма К. Д. Петряева М. Я. Сюзюмову

Подлинник
ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 273. Л. 92–92 об.

Одесса, 27 ноября 1968 г.

Сердечно поздравляю талантливого ученого Михаила Яковлевича Сюзюмова со славным юбилеем, желаю многих лет творческой деятельности на благо Родины, родного Свердловска.

Заведующий кафедрой всеобщей истории Одесского университета Петряев

Письмо М. Я. Сюзюмова К. Д. Петряеву

Машинопись, подлинник
ГАСО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 931. Л. 2–2 об.

Свердловск, 2 мая 1969 г.

Дорогой Константин Димитриевич!

Очень, очень благодарен Вам за присылку Вашей книжки «Мифы и действительность». Я с интересом прочитал ее [17]. Ведь еще студентом в Ревеле, в немецком окружении, так интересовался личностью Вильгельма II – мы считали тогда (со своей колокольни студенчества) – гением, создавшим Германии гегемонию на книжном рынке исторических произведений: Тейбнер! Лейпциг! Бизантинише Цейтшрифт! Паули-Виссова! (32) Удивлялись свободе слова у Вильгельма! (33) И сила немецких корпораций!

Да *миф* создается не теперь, – он создавался тогда. Только то, что он, W, не решился погибнуть в последнем сражении, его позорная жизнь в качестве эмигранта, – это снизило его славу. Если бы он погиб как Гитлер – он оставался бы кумиром не только у немцев... Германию лишили колоний – и уже на следующий же день колониализм зашатался! Вильгельм хороший пророк о Китае. Я помню, еще совсем маленьким мальчиком: с порывом бросался на газетки с именами Вальдерзее и Линевича... (34)

Да, это было давно.

Кстати – шансы на место в партшколе увеличиваются – пишите Кривоногову Василию Яковлевичу, пошлите и ему такую книжку (35). Зав. партшколой объявил, что вопрос о приеме Петряева пусть решает Кривоногов... Он и хочет, и что-то не решается (36). Препятствие – тоже своего рода – «миф».

Очень и очень был бы рад, если бы Вам удалось переехать в Свердловск. На конференции я так и не смог вас увидеть, хотя и искал Вас (37).

Всего-всего хорошего,
Ваш М. Сюзюмов

Письмо К. Д. Петряева М. Я. Сюзюмову

Рукопись, подлинник
ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 243. Л. 2–2 об.

Одесса, 9 октября 1970 г.

Дорогой Михаил Яковлевич!

Письмо и книгу Вашего ученика – Сметанина получил [24]. Прочел ее с огромным удовольствием. Действительно, это своего рода и титанический и уникальный труд. Передайте автору мои искренние поздравления с большим успехом, в котором несомненна и Ваша огромная, можно сказать без преувеличения, решающая заслуга. Единственное «но»: *кто* в университете сможет читать курс эпистолографии? Ведь не так уж у нас много грамотных историков, хотя количество их уже – космическое. И это касается *всех* разделов истории. В Одесском университете историки – сплошная безграмотность даже в своей узкой области. Единственное исключение – П. О. Карышковский. Но он чересчур узок и методологически беспомощен, хотя, конечно, нумизмат он выдающийся. С человеческой же точки зрения он, к сожалению, *не* гуманист. Вероятно, такие его «качества» – результат одесского воспитания и последствия румынской оккупации (38).

Относительно ценности семьи нельзя подходить односторонне. Для определенной категории лиц (вроде меня) положительное в семье ничтожно по сравнению с отрицательным. Во всяком случае, тут дело не только в моем независимом характере (у нас на Урале это очень ценили раньше), но и в том (это – главное), что вследствие ошибки послевоенного 1946 г. (я вернулся в тяжелом состоянии с фронта) я женился. И потому не сотворил того, что мог бы. Конечно, многое было упущено 10-летием в Коми АССР: я мотался по заданиям Обкома КПСС по 6–8 месяцев в Воркуте, Печоре, Ижме, Усть-Цильме, Усть-Куломе, Инте, Ухте и т. д., не говоря о других бесчисленных поручениях (39). Но и в Одессе их немало.

Что касается моего отъезда из Одессы, то еще раз напомню, что я – в *другой* союзной республике, парторганы которой *независимы* полностью от ЦК КПСС в решении *личного* вопроса члена партии. Именно поэтому я и не

могу уехать: не снимают с учета. Я обращался в ЦК КПСС, мне ответили: «на усмотрение парторганов УССР». Отсюда и возник заколдованный круг. Пошел 30-й год моего пребывания в рядах КПСС (40). Я не имею никаких взысканий. Уехать, не снявшись с партучета, значит уйти из рядов КПСС. А кому я буду нужен тогда? И ради ли этого я – член партии. Не так уж много мне осталось топтать землю, фронт не прошел бесследно, да и умирать в виде какого-то дезертира с фронта – не уральская традиция. В этом – суть дела. При господстве всеобщего равнодушия к человеку (это – «знамение времени») нет ничего удивительного, что все мои доводы за отъезд встречены в Одессе враждебно или, в лучшем случае, безразлично. Вообще одесситы – народ жуткий и эгоистичный в высшей степени. Я, конечно, еще буду прилагать усилия уехать.

Самый сердечный привет Полине Александровне (41). Кое-что попробую для нее придумать.

Пишите.

Ваш К. Петряев

P. S. Я давненько занимаюсь – «хобби» – фармакологией. Поэтому нужно было бы точнее знать диагноз П. А.: какой панкреатит?

Письмо К. Д. Петряева М. Я. Сюзюмову

Рукопись, подлинник
ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 243. Л. 3–3 об.

Одесса, декабрь 1970 г.

Дорогой Михаил Яковлевич!

Сердечно приветствую Полину Александровну и Вас с 1971 годом! Считаю самым лучшим пожеланием Вам на Новый год – это сохранения здоровья, здоровья, еще раз здоровья. На основе его Величества Здоровья достичь успехов, иметь только одни приятные сюрпризы – и маленькие и большие!

Я давно не имею от Вас вестей, и это меня беспокоит. А наши связи, ведь, *особого свойства*, и такое беспокойство далеко от официального и просто коллегиального. Поэтому важно, чтобы я все же время от времени получал от Вас сообщения о Вашей жизни, ходе дел и новостях моей родины.

Кстати: мне бы хотелось получить на 2–3 страницы от Вас *положительный* отзыв на два своих опуса: 1) «Вопросы методологии источниковедения» (статья, 1,3 печ. л.); 2) «Основные методологические вопросы исторической науки» (брошюра, 1,5 печ. л.) [18; 16].

Если отзыв будет положительный (желательно по 1,5 страницы его на каждый отдельно опус), то я *расширю* эти работы до брошюры в 5–6 печ. л. и опубликую в виде «учебно-методического пособия». Ректорат ОГУ согласен такое издание осуществить при наличии благожелательных отзывов.

При получении Вашего согласия я вышлю Вам оба труда. Экземпляров, правда, авторских дали мало. Поэтому и придется лишь тем, кто изъявит согласие дать отзыв.

Учитывая Ваше состояние здоровья, заботы и загруженность я потому и хотел бы знать Ваше мнение по данному вопросу, чтобы не взваливать на Ваши плечи что-то дополнительное.

У меня 1970 г., как и предыдущий, был «урожайным» на публикации (издал 7 статей из 16 написанных ранее). Но 1971 г., по всем признакам, будет пуст. Как оказались безнадежными и новые попытки вернуться на Урал. Ни новый у нас ректор (42), ни обком (одесский) КПСС категорически не согласились отпустить, Москва – отказалась вмешиваться (43).

Да и «особые условия» Одессы в этом году осложнили дело (44). Эти «особые условия», возможно, снова возникнут весной 1971 г. Но одно я сделал: отправлять буду личный архив (видимо, в январе 1971 г.) в родные места. Есть уже договоренность с Уралом.

Все сильнее сказывается фронт, контузии, ранения, ленинградская блокада. Ну, надо мужаться.

Обнимаю обоих,
Ваш К. Петряев

Письмо К. Д. Петряева М. Я. Сюзюмову

Рукопись, подлинник
ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 243. Л. 4–4 об.

Одесса, 20 февраля 1971 г.

Дорогой Михаил Яковлевич!

Посылаю Вам маленькую брошюру [19]. В ней: 1) дается определение понятий: «теория», «методология», «метод»; 2) определяются их взаимоотношения.

Осенью 1971 г. я начну чтение нового спецкурса «Вопросы методологии исторической науки». Учебного же пособия для студентов нет (спецкурс = 36 часов). Ректорат заявил: если будет какой-то комплекс отзывов со стороны на брошюру, она – *первая* по содержанию лекция по спецкурсу. Тогда, может быть, опубликуем такое пособие (6–7 печ. л.).

Если найдете как-то время, очень просил бы Вас послать отзыв в *одну* машинописную страницу (заверенную). Думаю, достаточно и такого.

Я понимаю, что со всех точек зрения Вам сейчас не до этого, да и тяжело.

Я не писал Вам давно, думал вот-вот выскочить на Урал дней на 10. Но у нас новое начальство, загружен до предела, введено много «новых» нелепостей, почти никаких командировок не дают, совещаний уйма и т. д.

В апреле я 11-й раз (!!) начну «тур» борьбы за возвращение на Урал. Конечно, надежд мало. Лучший путь: если бы ректор УрГУ + *первый* секретарь Свердловского обкома КПСС энергично действовали в ЦК КПСС, то все же я в конце жизни был бы на родине (45). И аргументы у них ведь весомые:

- 1) Под Свердловском живет моя *одинокая* мать, почти слепая, ей – 81 год. Она – член КПСС с 1926 г. Ей нужна помощь.
- 2) Мне нужен континентальный горный климат, так как я – гипотоник. Это излечивается без всяких врачей именно уральским климатом.
- 3) Острая нехватка в профессуре УрГУ по новой и новейшей истории.
- 4) Я сам согласен приехать.

Я, передайте тов. Тарасову, *не* претендую на заведование кафедрой. Если при моем приезде специальную кафедру и создадут, он *останется* завом (46). Меня на 100% удовлетворит рядовая профессура.

Попробуйте на основе указанного мной *modus vivendi* еще раз поговорить в парткоме, с ректором.

Без помощи первого секретаря Свердловского обкома КПСС уральцу на Урал не вернуться (47).

Очень и очень беспокоюсь о Вас. Ведь Вы для меня стали родным. Пишите мне. Обнимаю Вас.

Ваш К. Петряев

P. S. Мой индекс 270059, Одесса.

Письмо К. Д. Петряева М. Я. Сюзюмову

Рукопись, подлинник
ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 243. Л. 5–5 об.

Одесса, 21 мая 1971 г.

Дорогой Михаил Яковлевич!

Наконец-то я получил весточку от Вас. Я уж не знал, что и подумать. Спасибо за правильное понимание содержания моей брошюры. Между прочим, она почему-то вызвала фурор среди философов центра, а вот серьезно возразить против нее они не решаются. Между тем, в Киеве вышла моя небольшая книжка «Вопросы методологии исторической науки» (9 печ. л.) [20]. Тираж, к сожалению, мал – 3700 экз. За один день в Киеве же она была продана. Так как я узнал об этом задним числом, то купить ее не смог. Мне издательство («Высшая школа» Украины) выслало... 3 экземпляра авторских (издание безгонорарное). И я лишен возможности Вам ее послать. Книга сразу превратилась в библиографическую редкость. Как ее оценят досужие критики, – мне судить трудно. В ней много положений, направленных против современных философских поветрий. Посмотрите, может библиотека УрГУ получила хотя бы один экземпляр.

Положение в Одессе по-прежнему отвратительное, а вот вырваться из нее практически я так и не смог. Может быть, через ректора УрГУ можно действовать в Свердловском Обкоме КПСС, то есть лично поговорил бы он с Рябовым. Путь моего приезда думаю один: предварительно (по настоянию Рябова) из ЦК КПСС под каким-либо предлогом *отзовет меня* в Москву, а оттуда, конечно, не так уж трудно приехать в Свердловск. Я не претендую на кафедру, меня вполне устроит рядовое профессорство. А с Вами поработать – одно удовольствие. Ведь мы – старые друзья и друг друга понимаем с полуслова. Помогать Вам я всеми силами готов. Подумайте. Быть может, при Вашей энергичности сейчас что-то получится. Пустите в ход еще один аргумент: у меня мать, ей 81 год, живет недалеко от Свердловска, в Кировграде, ей нужна всяческая моя помощь.

Если сумею где-то достать свой новый опус, то, конечно, пошлю его прежде всего Вам.

Я очень беспокоюсь о Вас. Лучше откладывайте все остальные письма, но мне пишите чаще. Вы же знаете мое отношение к Вам. Летом я как-нибудь постараюсь быть на родине. Не знаю, где Вы собираетесь проводить лето. Черкните. Но надо бы обязательно повидаться.

Если на мою книгу будет ожесточенная атака, – не принимайте это во внимание. Все это путь жалкого мещанства, а к этому я давно привык.

Почему Вы не на ул. Луначарского, а на Восточной? Что-то загадочное, как византийские нравы света (48).

Устал я неимоверно, загружен по всем линиям, а фронт, Ленинград теперь дают себя знать весьма сильно, не говоря об отвратительной для нас, русских, ситуации в УССР. Терпеть – терплю, но не до бесконечности же!

Жду письма о Вашем житье-бытье и обнимаю.

Ваш К. Петряев

P. S. Как раз сегодня, кстати, исполнилось 30 лет защиты моей кандидатской. Не верится, что пролетела треть века. Что-то не сделано, упущено и настроение какое-то озадаченное. Вы, думаю, хорошо меня понимаете. К. П.

Свердловск, осень 1972 г.

Дорогой Константин Дмитриевич!

Очень рад получать от Вас письма. Благодарю за Вашу книгу – она очень интересна и важна для *подхода* к современным социологам и философам. Рад был получить отзыв на мою статью. Относительно Ваших замечаний о моей статье [26]. Верно, что я не даю предварительных определений как я понимаю переходный период. Но ведь именно это определение нуждается в фактах, из которых можно было впоследствии вывести определение. А как раз факты, которые я привел и приводят к определению, что в переходный период создаются предварительные *условия* для господства нового строя.

Дофеодальный период – историческая ситуация, устройство *суи генерис* самобытно, если на базе римского строя и опосредованно, – если не прямо на базе античности. А синтез – не смесь кофе с молоком, а борьба институтов и частичная их адаптация с победой влияния античности.

Относительно Вашего труда мои замечания. *Основное*: у Вас слишком философский подход к изложению, *нигде конкретных примеров*, как понимается положение. А принять положение можно только, если они соответствуют «природе и истории» [10, с. 34–35]. И только тогда, когда выясняется положение на примерах, можно применять его в работе.

Возьмем пример. История общественного института *наемного труда*, который существовал со всеми присущими конфликтами и в древности и в средние века. Сущность его вполне определена: «ты даешь, я сделаю с платой поденно, месячно, сдельно и т. д.» Но в пределах формации сущность многоформна. Притом формы изменяются при переходе в иную формацию. И кроме того, общественный институт получает новую *специфику*, т. е. определенное место и роль в данном обществе; т. е. специфика в античном обществе – необходимое дополнение, спорадическое. В капитализме особый класс. Это специфика, если изучать с точки зрения ленинского историзма... Когда мы говорим об «удержании» – это что-то вроде фотокопии, – слишком структуралистски оно при историческом анализе.

Сущность многоформна, специфика по формациям – вот практически изучение социального явления, общественного института и т. д.

Я очень доволен Вашей критикой Барга (49). Его концепция фактически является подкопом под теорию формаций и под Ленинское определение историзма (50). Но и Науменко и Югай недалеко от него ушли (51). Они утверждают: «Функция системы есть прежде всего функция целого» [13, с. 32; ср.: 20, с. 107–108], но забывают, что по Ленину, в каждой формации имеются пережитки старого, новое и ростки будущего... (52) Ведь каждые из этих элементов оказывают свое действительное влияние – имеют функции. Конкретно, как же объяснить субъективность в источнике, передающем явление... Конечно, приводить пример – и положение делается ясным.

Кстати, не знаю, посылал ли я Вам свою *Хронологию*, III издание? [25] На всякий случай пошлю. Вот пример, когда для историка *объект изучения определяет метод*. Тут никакая методология не к месту – может даже извратить. Определиться же во времени чрезвычайно важно, хотя бы потому, что иногда «анте» после исследования хронологического может оказаться «пост». В определении конкретных явлений во времени (Хронология), месте (Историческая география) метод определяется объектом. Только когда мы говорим о социальных экономических проблемах, то на базе методов *суи генерис* можно построить в определенной методологии общее понимание процесса. Но не снимая работы по самостоятельным методам вспомогательных наук, которые являются основой ответа на вопрос: когда, где, кто и что – работы над *актами*, статистикой и т. д.

Ну я заболтался... Думаю, что Вы приедете в Свердловск зимой, конечно, зайдете ко мне, где и поболтаем. Александра Владимировна ждет... (53)

Всего-всего наилучшего. Привет Вашему семейству!
Ваш всегда М. Сюзюмов

Письмо К. Д. Петряева М. Я. Сюзюмову

Рукопись, подлинник
ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 243. Л. 6–6 об.

Одесса, 10 января 1974 г.

Дорогой Михаил Яковлевич!

Вы, наверное, догадываетесь, как я рад получению Вашей Новогодней открытки. Самое главное, что Вы сохраняете бодрость, присущую Вам живость, оптимизм. Надеюсь, что мы летом при встрече проведем интересно, побеседуем о всякой всячине вдоволь. Крайне неудобно себя чувствую, что не знал о Вашем славном юбилее – 80-летию (54). Если бы мне об этом было известно, хотя бы в сентябре, то я растормошил бы многих в Москве, да и местное, свердловское начальство, которое, видимо, столь же толстокожее, как сейчас везде. А Ваш юбилей – не только и не столько личное дело. Это – *общественное* событие. Оно важно для ученых (средних и молодых), для молодежи, для трудящихся как по самому ритуалу, так и, особенно, по своим последствиям.

Если даже брать совсем узко, лишь византиноведение, то ведь всем известна Ваша исключительная роль в этой области. Поэтому жаль, что резонанс юбилея не столь разносторонен, как хотелось бы.

Я читаю научный коммунизм, отнимающий не так уж много времени, но и не дающий лично мне чего-либо существенного. Мне, привыкшему к одним трудностям, не нужны «легкости необыкновенные» (55) в старости. Тем не менее, я написал (на 16 печ. л.) книгу, которую никто не опубликует, но которая претендует на некоторую оригинальность: «Марксизм и буржуазная наука о законах развития общества» (56). Я дал очерк возникновения и обогащения человеческих воззрений на *смысл и законы* истории от Древней Греции до наших дней. Гераклит, Демокрит, Эпикур, Аристотель, стоики – древность. Аквилат, Августин, Мальбранш, Кампанелла, Макиавелли, Бейль, Бэкон, Локк, Вико, Лейбниц – средневековье. Просветители, утописты, Кант, Гегель – до Маркса. Маркс и Энгельс. Дону, Мейер, Кареев, Лакомб, Тард, Уорд, де Грееф, Вормс, Дильтей, Дюркгейм, Зиммель, Морган, Раппопорт, Малинин, Николаев, Лампрехт, Лебон, Михайловский, Лавров – XIX в. (вторая половина). Гуссерль, Бергсон, Джемс, Дьюи, Бернхем, Риккерт, Лассон, Шпенглер, Мах, Богданов, Фрейд, Сартр, Рассел, Хайдеггер, Марсель, Сэв и др. – XX в.

Отобрано из всего только два аспекта: смысл истории и ее законы. Получилось стройно, логически обоснованно и немногословно. Но беда в том, что Киев отказался издать, а в Москве – нет связей. Мой последний покровитель – В. М. Хвостов умер (57).

Написал также небольшую (10 печ. л.) книжку: «Очерки истории рабочего движения Германии, Франции, Англии и США в 1871–1914 гг.». Отослал в киевское издательство «Высшая школа». Жду ответа [21].

Теперь пишу на 10 печ. л. книжку «Методологические основы историографических исследований». Думаю, закончить к июню. Параллельно начал писать 3-й том «Записок о прошлом» (1953–1976 гг.). Рукописи 1 и 2 тома в Госархиве Свердловской области (это: 1916–1941, 1941–1953 гг.). Вот если бы Вы взяли (хотя бы фрагментами) за публикацию (на старости лет – это хобби) первых двух томов с предисловием, замечаниями и т. д. Кстати, в ГАСО вообще все мои личные материалы. Сходите, посмотрите. Вам, как крупнейшему ученому, наверное, дадут все посмотреть, а сюжеты для сочинений (в местную печать, в Свердловское издательство) Вы,

конечно, сами выберете. Что же касается Вас, то у меня давнишняя думка: провести с Вами несколько вечеров, взять кое-какие материалы и написать о Вас хотя бы серию этюдов. Их я постарался бы опубликовать в Москве и Киеве.

Летом вообще уже вполне я свободен, чтобы вернуться в Свердловск. Но, видимо, я там не нужен. А непрошенный гость хуже татарина.

Пока я чувствую себя сносно. Того и Вам желаю. Очень жду Вашего письма. Обнимаю Вас и супругу.

Ваш К. Петряев

Письмо К. Д. Петряева М. Я. Сюзюмову

Рукопись, подлинник
ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 243. Л. 7.

Одесса, 12 января 1976 г.

Дорогой Михаил Яковлевич!

Посылаю Вам небольшую скромную книжицу. Она может служить своего рода «Введением» в историографию [22]. Тираж книги – ничтожен. В продаже ее не было. Я получил лишь 10 авторских. Тираж весь сразу ушел из Одесской типографии в Киев. Видимо, Укркниготорг разослал книгу по библиотекам и заказам.

Надеюсь, при всех ее недостатках, книга Вам понравится.

Хорошо бы поместить о ней хотя бы маленькую заметку в многотиражке УрГУ. Не сможете ли сие осуществить? (58)

Сообщите о получении книги и пишите о делах.

Обнимаю,
Ваш К. Петряев

* * *

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Август, по известному определению М. И. Цветаевой, «месяц молний поздних». Для М. Я. Сюзюмова XIII Международный конгресс исторических наук, который прошел в августе 1970 г., стал знаковым событием. Последующие годы он посвятил борьбе с «новой покровщиной». Разящие «молнии» метко ударили по сторонникам новомодных историографических течений.

Однако не следует считать, что уральский историк противопоставил себя всем коллегам. У него были единомышленники, разделявшие тревогу по поводу будущего отечественной исторической науки. Одним из них, по нашему мнению, являлся К. Д. Петряев.

Переписка между М. Я. Сюзюмовым и К. Д. Петряевым продолжалась десять лет. Эти письма являются важным свидетельством борьбы мнений 1960–1970-х гг., которые буквально разбивают вдребезги миф о безраздельном господстве марксистско-ленинских догматов в советской историографии. Пожалуй, эти письма ближе по жанру к сводкам с фронта исторической науки, нежели к сухим академическим посланиям. Переписка между двумя учеными обладает не только несомненной научной актуальностью, но и злободневностью газетного репортажа.

Важнейшей темой их переписки стал общий интерес к историософским проблемам. Многолетняя работа К. Д. Петряева над подробным систематическим изложением методологии истории являлась серьезным достижением советской историографии. Он аргументированно критиковал структуралистские построения, а также искусственную социологизацию – формальный перенос естественно-научных методов на ниву исторической науки. По нашему мнению, научное общение с М. Я. Сюзюмовым в значительной мере повлияло на методологические труды К. Д. Петряева.

Следует отметить, что в письмах раскрываются детали научной повседневности: суждения о судьбах Уральского и Одесского университетов, обсуждение монографий, конференций и учебных пособий. Они содержат ценные сведения о научных интересах двух историков и – редкий случай – воспоминания М. Я. Сюзюмова о его детстве и университетской юности.

Отдельный вопрос, который обсуждался М. Я. Сюзюмовым и К. Д. Петряевым – техника исторического исследования. В лекционных курсах они обращали на это значительное внимание. Так, К. Д. Петряеву приходилось читать лекции в Одесской Высшей партийной школе и на факультете повышения квалификации ОГУ. По сути, он занимался просветительской деятельностью, разъясняя возрастным слушателям, зачастую занимавшим высокие партийные или хозяйственные должности, азы материалистического учения. Все это происходило на фоне внутренних проблем советской империи, роста шовинистических настроений на Украине, а также бесконечной мелочной борьбы между «кланами» в Одесском университете.

В последние годы в украинской историографии обозначилась тенденция, направленная на фальсификацию научных биографий советских историков. Различного рода «африканисты из Хаджибеевки», «германисты из Днепра», «медиевисты из Бердянска», опираясь на «собственные воспоминания» или «мемуары коллег», предпринимают попытки искажения отдельных фактов жизненного пути К. Д. Петряева, В. Т. Сиротенко, М. Я. Сюзюмова, а также принижают значимость их научного наследия. По нашему мнению, наиболее эффективный путь противодействия такой тенденции – систематическое введение в научный оборот новых архивных материалов. Публикацией этой переписки мы стремились способствовать возвращению в историографию незаурядного советского историка, участника Великой Отечественной войны, Константина Дмитриевича Петряева.

Примечания

1. Государственный Архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 558: ср.: ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 57 (рукопись сокращенного варианта статьи «Модернизация и сепаратизация», опубликованной в 1975 г.).
2. ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 542, 545, 558.
3. ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 558. Л. 50.
4. ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 558. Л. 110.
5. ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 558. Л. 37.
6. ГАСО. Ф. Р-2110. Оп. 3. Д. 643. Л. 77.
7. ГАСО. Ф. Р-2110. Оп. 3. Д. 643. Л. 78–79.
8. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 42. Д. 1841. Л. 5–5 об.
9. Отчим оказал на мировоззрение Константина Петряева большое влияние. Ф. И. Сабуров вступил в РСДРП(б) в 1906 г., активно участвовал в революционном движении, подвергался репрессиям царских властей. Однако в сентябре 1933 г. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) определила, что из-за отсутствия документов партийного учета Сабуров не может считаться большевиком с дореволюционным стажем, а временем его вступления в партию следует считать декабрь 1919 г. Ф. И. Сабуров посчитал это решение несправедливым, о чем хорошо знал его приемный сын. Подробнее см.: ЦДООСО. Ф. 11. Оп. 8. Д. 25050. Л. 1–1 об.; ЦДООСО. Ф. 106. Оп. 2. Д. 2905. Л. 3, 4–4 об. В 1959 г. в Одессе была издана монография К. Д. Петряева, которую он посвятил отчиму [15].
10. ГАСО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 919. Л. 115.
11. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 42. Д. 1841. Л. 5.
12. ГАСО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 919. Л. 148–153.
13. Подробнее см.: **Петряев Константин Дмитриевич (1917–1987). [Память народа](#)**.
14. См.: [Память народа](#).
15. ГАСО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 931.
16. **Евгений Дмитриевич Петряев (1913–1987)** служил в Вооруженных силах СССР с 1938 по 1965 гг. Принимал участие в боях на р. Халхин-Гол, ветеран Великой Отечественной войны и войны с Японией.

- Полковник медицинской службы, научный сотрудник НИИ эпидемиологии и гигиены Красной Армии, кандидат биологических наук (1945). Подробнее см.: Петряев Евгений Дмитриевич. [Память народа](#). После выхода в отставку Е. Д. Петряев жил в Кирове, вел активную краеведческую работу; он является автором значительного числа публикаций по истории Забайкалья и Вятского края.
17. См., например: ГАСО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 919. Петряев К. Д. Записки рядового уральца. Автобиографический очерк. Т. 1. Становление (1917–1941). 1971 г., на 383 л.; Д. 920. Т. 2. Во время войны. На Севере (1941–1953). 1972 г., на 230 л.; Д. 921. Т. 3. На Юге (1953–1976). 1976 г., на 152 л.
 18. К. Д. Петряев защитил докторскую диссертацию в феврале 1966 г. в Киевском университете.
 19. Разделение кафедры всеобщей истории на кафедру докапиталистических формаций и кафедру новой и новейшей истории, о котором писал М. Я. Сюзюмов, произошло «на общественных началах». Согласно «Положению о кафедрах высших учебных заведений СССР» (Приказ Министра высшего и среднего специального образования СССР № 302 от 30 октября 1961 г.), «кафедра организуется и ликвидируется... по вузам республиканского подчинения в порядке, установленном советами министров союзных республик» [2, с. 47–48]. Так как соответствующего решения министерства РСФСР не последовало, как единая структурная единица кафедра всеобщей истории УрГУ существовала до 1993 года.
 20. Историко-филологический факультет СГПИ был ликвидирован в 1955 г., восстановлен в 1992 году.
 21. **Чемпалов Иван Никанорович** (1913–2008), профессор, зав. кафедрой всеобщей истории УрГУ, специалист по истории международных отношений. Докторскую диссертацию по теме «Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне второй мировой войны (1933–1939 гг.)» он защитил 2 июля 1973 г. в Пермском государственном университете. И. Н. Чемпалов – участник Великой Отечественной войны. См.: [Память народа](#).
 22. Здание на проспекте Ленина 51 было передано УрГУ в январе 1966 г. Подробнее см.: Уральский университет. 13 января 1966. № 3 (1277).
 23. 19 января 1967 г. К. Д. Петряеву исполнилось 50 лет.
 24. Аллюзия на Августина Блаженного: «Некие три времени эти существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание» (Aug., Conf., L. II, XX).
 25. **Карышковский-Икар Петр Осипович** (1921–1988), доктор исторических наук (1969), профессор ОГУ, специалист по нумизматике и византино-болгаро-русским связям. М. Я. Сюзюмов, который занимался данной тематикой со времени подготовки магистерской диссертации в Юрьевском университете, неоднократно критически отзывался о преувеличении одесским византинистом «древнерусского направления» во внешней политике Византии при императорах Македонской династии. Так, в письме З. В. Удальцовой от 22 октября 1973 г. он писал: «Вероятно, придется кое о чем поспорить, особенно с Карышковским, с которым я абсолютно не согласен в его оценке русско-византийских войн». См.: Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 63.
 26. **Грацианский Николай Павлович** (1886–1945), доктор исторических наук (1938), профессор МИФЛИ, специалист по истории варварских королевств. **Юшков Серафим Владимирович** (1888–1952), доктор исторических наук (1935), специалист по истории государства и права, в 1934–1938 гг. преподавал в СГПИ. **Косминский Евгений Алексеевич** (1886–1959), доктор исторических наук (1936), профессор МИФЛИ, академик Академии наук СССР (1946), специалист по аграрной истории средневековья. **Руткевич Николай Паулинович** (1894–1949), кандидат исторических наук (1940), зав. кафедрой всеобщей истории СГПИ, специалист по истории международных отношений в новое и новейшее время.
 27. Вопрос о переезде К. Д. Петряева из Одессы в Свердловск и о его работе на кафедре всеобщей истории УрГУ впервые был поднят в 1963–1964 гг., т. е. еще до защиты им докторской диссертации. Подробнее см.: ГАСО. Ф. Р-2110. Оп. 3. Д. 56. Л. 77.
 28. Решение о присвоении К. Д. Петряеву ученой степени доктора исторических наук было принято ВАК при Минвузе СССР в июне 1968 года.
 29. **Нарочницкий Алексей Леонтьевич** (1907–1989), доктор исторических наук (1942), академик АН СССР (1972), директор Института истории СССР АН СССР (1974–1979), специалист по истории международных отношений XIX–XX вв.; в 1963–1968 г. А. Л. Нарочницкий являлся председателем экспертной комиссии по истории ВАК.
 30. **Муза Петровна Петряева** жила в г. Кировграде Свердловской области с 1930 г. Она заведовала школой ФЗС, была учителем биологии и географии, а в годы Великой Отечественной войны работала в отделе агитации и пропаганды Кировградского ГК ВКП(б). См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 42. Д. 1841. Л. 3 об., 7–7 об.
 31. Парафраз библейского стиха. Мф. 13:12: «иже бо имать, дастся ему и преизбудет (ему)».
 32. «Тейбнер» (В. G. Teubner Verlag; 1811–2008) – книжное издательство в Лейпциге, которое специализировалось на публикации латинских и греческих классиков. *Byzantinische Zeitschrift* – наиболее авторитетный немецкий журнал по византистике, основанный в 1892 г. немецким филологом Карлом Крумбахом (1856–1909). *Pauly-Wissowa (RE)* – *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* («Реальная энциклопедия науки о классической древности») – немецкая энциклопедия, посвященная истории античности, которая по праву считается наиболее подробным справочным изданием по данной тематике. Издание RE начал в 1837 г. филолог Август Паули (1796–1845), продолжил в 1890 г. историк античности Георг Виссова (1859–1931). Несколько серий энциклопедии насчитывают более 100 томов.
 33. В мемуарах Вильгельм II неоднократно отмечал свободу печати как важное достижение своей политики [1, с. 19–21, 93–94].

34. **Альфред фон Вальдерзее** (1832–1904) – германский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1900), во время подавления Ихэтуаньского восстания в Китае командовал войсками Альянса восьми держав. **Линевич Николай Петрович** (1839–1908) – русский военачальник, генерал-адъютант (1905), в 1900–1903 гг. принимал активное участие в боевых действиях против ихэтуаней, в августе 1900 г. корпус Линевича захватил Пекин.
35. **Кривоногов Василий Яковлевич** (1911–1977), доктор исторических наук (1964), профессор, зав. кафедрой истории СССР Уральского университета; специалист по истории Урала XVIII–XIX вв.
36. **Добровольский Николай Сергеевич** (1922–1975), кандидат исторических наук (1965); с 1968 по 1975 гг. являлся директором Свердловской высшей партийной школы.
37. Речь идет о межвузовской конференции по вопросам методологии и историографии исторической науки, которая проходила на историческом факультете МГУ с 23 по 28 января 1969 г. Участие в ней принимали более 200 ученых из 11 союзных республик [14].
38. Осенью 1941 г. П. О. Карышковский отказался от эвакуации, оставшись с семьей в Одессе. В период румынской оккупации он работал в университетской библиотеке и учился на историческом факультете, который окончил уже после освобождения города Красной Армией. До переезда К. Д. Петряева в Одессу П. О. Карышковский защитил кандидатскую диссертацию (1951), работал в Одесском историко-археологическом музее и на кафедре всеобщей истории ОГУ [23, с. 13–15].
39. В Сыктывкаре К. Д. Петряев женился на Евгении Ильиничне Переваловой, которая работала ассистентом на кафедре русской литературы Коми пединститута. После переезда в Одессу Е. И. Петряева защитила кандидатскую диссертацию по теме «Раннее творчество А. П. Гайдара (1924–1930 гг.)». Подробнее см.: ГАСО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 920, 921.
40. Согласно гл. I, ст. 6 «Устава Коммунистической партии Советского Союза», утвержденного XXII съездом КПСС в октябре 1961 г., «партийный стаж исчисляется со дня решения общего собрания первичной партийной организации о принятии данного кандидата в члены партии». К. Д. Петряев стал кандидатом в члены ВКП (б) в 1941 г., членом партии – с 1943 г.
41. **Вагина Полина Александровна** (1911–1970), кандидат исторических наук (1950), доцент кафедры истории СССР УрГУ. Письмо было отправлено, когда П. А. Вагина, вторая жена М. Я. Сюзюмова, уже скончалась (4 октября 1970 года).
42. С 1970 по 1975 гг. ректором Одесского университета являлся **Богатский Алексей Всеволодович** (1929–1983), доктор химических наук (1968), академик АН УССР (1976).
43. В Уставе КПСС (гл. I, ст. 7) говорилось: «порядок учета членов и кандидатов в члены партии и их перехода из одной организации в другую определяется соответствующими инструкциями ЦК КПСС». См.: Правда. 15 октября 1961. № 289 (15779). В «Инструкция об учете членов и кандидатов в члены КПСС» 1962 г. содержалось разъяснение: «Члены и кандидаты в члены партии могут переходить из одной партийной организации в другую только с разрешения райкома, горкома партии, где они состоят на учете. Коммунист, получивший согласие администрации предприятия, учреждения, правления колхоза на уход с работы по личному желанию, подает в первичную парторганизацию заявление, которое с заключением парткома, бюро или собрания первичной парторганизации направляется в райком, горком партии, где оно должно быть рассмотрено не позднее, чем в десятидневный срок. Члены и кандидаты в члены партии, которым отказано в выезде из организации, имеют право обжаловать это решение в вышестоящий партийный орган. Снятие с партийного учета членов и кандидатов в члены КПСС, перемещаемых по служебной линии, производится на основании приказов соответствующих министерств, ведомств». Известно, что К. Д. Петряев обращался в Отдел организационно-партийной работы ЦК КПСС, но положительного ответа не получил.
44. Речь идет об эпидемии холеры, во время которой в Одессе с 6 августа по 9 сентября 1970 г. был введен карантин.
45. **Кузнецов Василий Александрович** (1918–1990), доктор химических наук (1969), профессор, ректор УрГУ с 1968 по 1976 гг. В. А. Кузнецов – участник Великой Отечественной войны. См.: [Память народа](#).
46. **Тарасов Петр Кузьмич** (1926–2005), кандидат исторических наук (1966), востоковед. В 1971 году он перешел на работу в Крымский государственный педагогический институт. П.К. Тарасов – участник Великой Отечественной войны. См.: [Память народа](#). К. Д. Петряев ошибочно считал, что доцент Тарасов заведовал кафедрой. На самом деле, он был деканом исторического факультета УрГУ с 1967 по 1971 гг., а заведующим кафедрой всеобщей истории непрерывно, с 1956 по 1978 гг., являлся профессор Сюзюмов.
47. С 1971 по 1976 гг. первым секретарем Свердловского обкома КПСС являлся Рябов Яков Петрович (1928–2018).
48. В отличие от «византийских придворных интриг» ответ на загадку был простым: свердловские власти изменили адрес дома. Это привело к путанице в переписке не только с К. Д. Петряевым, но и многими другими адресатами М. Я. Сюзюмова.
49. **Барг Михаил Абрамович** (1915–1991), доктор исторических наук (1959), профессор МГПИ, специалист по истории Англии.
50. См.: «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [11, с. 67].
51. **Науменко Лев Константинович** (1933–2020), доктор философских наук (1968), профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС, специалист в области философии науки. **Югай Герасим Андреевич** (1931–2013), доктор философских наук (1964), специалист по проблемам онтологии.
52. См.: «Да кто же не знает, что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего?» [9, с.

53. **Липская Александра Владимировна** (1910–1987) – третья жена М. Я. Сюзюмова.
54. 80-летний юбилей М. Я. Сюзюмова отмечался 21 ноября 1973 года.
55. Реплика Хлестакова из «Ревизора» Н. В. Гоголя.
56. В сокращенном и переработанном виде эта работа была издана как монография [22].
57. **Хвостов Владимир Михайлович** (1905–1972), доктор исторических наук (1959), академик АН СССР (1964), директор Института истории АН СССР (1959–1967); специалист по истории нового времени и международных отношений. В. М. Хвостов – участник Великой Отечественной войны. См.: [Память народа](#).
58. Просьба К. Д. Петряева не была удовлетворена. Однако после выхода второго, переработанного, издания его «Вопросов методологии исторической науки» (Киев, 1976) в рубрике «Новые книги» многотиражки УрГУ появилась краткая аннотация за подписью библиографа Е. А. Рябоконт: «В монографии освещаются вопросы структуры теории исторической науки и ее основные методы, рассматриваются понятия: «теория», «методология», «метод» и их взаимосвязь. Делается попытка определить возможности применения в истории математических методов». См.: Уральский университет. 25 апреля 1977. № 15 (1713).

Список литературы

1. *Вильгельм II*. Мемуары, 1878–1918 / предисл. П. П. Щеголева. Пг.: Изд-во «Север», 1923. 168 с.
2. Высшая школа. Сборник основных постановлений, приказов и инструкций / под ред. Е. И. Войленко. М.: Высшая школа, 1965. Ч. 1. 431 с.
3. *Губер А. А.* Московский конгресс историков (Москва, 16–23 августа 1970 г.). // Вопросы истории. 1970. № 3. С. 3–11.
4. *Заборов М. А.* Историографические исследования о международном рабочем движении Нового времени // Вопросы истории. 1976. № 7. С. 70–85.
5. Законы истории и конкретные формы всемирно-исторического процесса. Кн. 1: Проблемы истории докапиталистических обществ / отв. ред. Л. В. Данилова. М.: Наука, 1968. 691 с.
6. *Капсалькова К. Р.* «Дни работы совещания считаю черными днями исторической науки»: М. Я. Сюзюмов о всесоюзном совещании историков 1962 года // Партийные архивы Урала. Прошлое и настоящее, перспективы развития: Материалы V межрегион. науч.- практ. конф. Нижний Тагил, 14–16 мая 2019 г. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. С. 294–303.
7. *Капсалькова К. Р.* «Германистам нужно дать битву»: переписка В. Т. Сиротенко и М. Я. Сюзюмова (1960–1970-е гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 4(29). С. 32–32. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-4-32-32.
8. *Кузьмин В. А., Капсалькова К. Р.* Из истории формирования уральской школы международников: М. Я. Сюзюмов об И. Н. Чемпалове // Научный диалог. 2019. № 8. С. 273–286. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-273-286
9. *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1967. Т. 1. С. 125–346.
10. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1968. Т. 18. С. 7–384.
11. *Ленин В. И.* О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1970. Т. 39. С. 64–84.
12. *Митюшев В. П.* Тогда ему было 45 лет... // Герценка. Вятские записки. 2013. Вып. 23. С. 32–37.
13. *Науменко Л. К., Югай Г. А.* «Капитал» К. Маркса и методология научного исследования. М.: Знание, 1968. 48 с.
14. *Орлов А. С., Соколов А. А.* Межвузовская конференция по проблемам методологии и историографии // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 171–178.
15. *Петряев К. Д.* Очерки по истории Германии начала XX века (1900–1914 гг.). Одесса: Изд-во Одесского ун-та, 1959. 355 с.
16. *Петряев К. Д.* Борьба советских историков против идеологии германского империализма. Учебно-методические указания по курсу историографии зарубежных стран. Одесса: Изд-во Одесского ун-та, 1968. 24 с.
17. *Петряев К. Д.* Мифы и действительность в «критическом пересмотре» прошлого. Очерки буржуазной историографии ФРГ. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1969. 249 с.
18. *Петряев К. Д.* Некоторые вопросы методологии источниковедения // Вопросы историографии и источниковедения всеобщей истории. Днепропетровск, 1970. С. 55–77.
19. *Петряев К. Д.* Основные методологические вопросы исторической науки. Учебно-методическое пособие для слушателей факультета повышения квалификации преподавателей общественных дисциплин средних специальных учебных заведений. Одесса: Изд-во Одесского ун-та, 1970. 23 с.
20. *Петряев К. Д.* Вопросы методологии исторической науки. Киев: Высшая школа, 1971. 163 с.
21. *Петряев К. Д.* Очерки истории рабочего движения Германии, Франции, Англии, США в 1871–1914 гг. Киев: Высшая школа, 1974. 205 с.
22. *Петряев К. Д.* Марксизм в борьбе против буржуазных концепций XIX в. об историческом процессе. Киев; Одесса: Высшая школа, 1975. 148 с.

23. Руссев Н. Д. Возвращение Икара Счастливого (субъективные заметки) // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 6. С. 11–18.
24. Сметанин В. А. Эпистонография / под ред. М. Я. Сюзюмова. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1970. 181 с.
25. Сюзюмов М. Я. Хронология всеобщая. 3-е изд. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1971. 97 с.
26. Сюзюмов М. Я. Дофеодальный период // Античная древность и средние века. 1972. Вып. 8. С. 3–41.
27. Сюзюмов М. Я. Модернизация и сепаратизация // Античная древность и средние века. 1975. Вып. 11. С. 41–51.
28. Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества // XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16–23 августа 1970 г. Доклады конгресса. М.: [б. и.], 1973. Т. 1. Ч. 3. С. 129–149.
29. Чубарьян А. О. Форум историков. К итогам XIII международного конгресса исторических наук // Вестник АН СССР. 1971. № 1. С. 104–106.

Информация об авторе

Капсалькова Карина Рамазановна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Востоковедения Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Капсалькова Карина Рамазановна, e-mail: carinne.kapsalikova@gmail.com

SCIENTIFIC PERSONNEL

Original Paper

“If there is a fierce attack on my book, don’t take it into account”: correspondence between M. Ja. Sjuzumov and K. D. Petryaev

Karina R. Kapsalykova ¹ ✉

¹ Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4163-5099>, e-mail: carinne.kapsalikova@gmail.com

Abstract:

The article is devoted to the important development aspect of Russian historical science – the discussions, 1960–1970s, against holding XIII International Congress of Historical Sciences in Moscow. An important source is the correspondence of M. Ja. Sjuzumov (1893 – 1982) with K. D. Petryaev (1917–1987) which is stored in the State Archive of the Sverdlovsk Region and covers the period from to 1976. The correspondence is published for the first time. The article is written based on developments in the field of everyday history. The author also used historical-functional and prosopographic methods. The author states absence special works about scientific biography of Petryaev, based on reliable archival materials now. The publication and analysis of this epistolographic complex confirms that these letters are important evidence of struggle of opinions of the 1960s and 1970s, which cast doubt on the myth of the undivided dominance of Marxist dogmas in Soviet historiography. The most important topic of the correspondence between the two historians was a common interest in historiosophical problems. M. Ja. Sjuzumov, justifiably criticizing the structuralist approach, proposed to intensify the systematic publication of sources with detailed comments, as well as to widely involve the possibilities of auxiliary disciplines for historical research. K. D. Petryaev worked for a long time on a systematic presentation of the methodology of history, his works became a serious achievement of Soviet historiography. He argued questioning the artificial sociologization. Author of the article analyzed letters on subject of scientific everyday life, discuss monographs, exercise books, conferences. According to the author, the publication of these letters makes it possible to make certain adjustments to the scientific biography of M. Ja. Sjuzumov. This concerns his understanding of the results of the XIII International Congress of Historical Sciences. The article is intended to focus on the scientific heritage of the Soviet historian, participant in the Great Patriotic War, K. D. Petryaev.

Keywords:

historiography, source studies, methodology of history, M. Ja. Sjuzumov, K. D. Petryaev, scientific biography, XIII International Congress of Historical Sciences

References

1. Vil'gel'm II. 1923. *Memuary, 1878–1918* [Memoirs, 1878–1918]. Petrograd: Izd. "Sever", 1923. 168 p. (In Russ.).
2. Voilenko, E. I., ed. 1965. *Vyssshaya shkola. Sbornik osnovnykh postanovlenii, prikazov i instruktsii* [Higher Schools. Collection of basic decrees, orders and instructions]. Moscow: Vysshaya shkola, 1965. Vol. 1. 431 s. (In Russ.).
3. Guber, A. A. 1970. Moskovskii kongress istorikov (Moskva, 16–23 avgusta 1970 g.) [Moscow Congress of Historians, 16–23 Aug. 1970]. – *Voprosy istorii*. 1970. No. 3. S. 3–11. (In Russ.).
4. Zaborov, M. A. 1976. Istoriograficheskie issledovaniya o mezhdunarodnom rabochem dvizhenii Novogo vremeni [Historiographic issue about international labor movement in new time]. – *Voprosy istorii*. 1976. No. 7. S. 70–85. (In Russ.).
5. Danilova, L. V., ed. 1968. *Zakony istorii i konkretnye formy vseмирno-istoricheskogo protsesssa. Vol. 1: Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [The laws of history and concrete forms of all-world historian process. Vol. 1: Problems of precapitalistic societies]. Moscow: Izd. "Nauka", 1968. 691 s. (In Russ.).
6. Kapsalykova, K. R. 2019. "Dni raboty soveshchaniya schitayu chernymi dnyami istoricheskoi nauki": M. Ja. Sjuzumov o vsesoyuznom soveshchaniii istorikov 1962 goda ["I consider the days of the meeting to be black days of historical science": M. Ja. Sjuzumov on the All-Union Conference of Historians in 1962]. – In: *Partiinnye arkhivy Urala. Proshloe i nastoyashchee, perspektivy razvitiya: Materialy V mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Nizhnii Tagil, 14–16 maya 2019 g.* Ekaterinburg: Izd. "Al'fa-Print", 2019. S. 294–303. (In Russ.).
7. Kapsalykova, K. R. 2021. "Germanistam nuzhno dat' bitvu": perepiska V. T. Sirotenko i M. Ja. Sjuzumova (1960–1970-e gg.) ["We need to give a battle to Germanists": correspondence V. T. Sirotenko with M. Ja. Sjuzumov, 1960–1970]. – *Nauka. Obshchestvo. Oborona*. 2021. Vol. 9, No. 4. S. 32–32. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-4-32-32. (In Russ.).
8. Kuzmin, V. A., Kapsalykova, K. R. 2019. Iz istorii formirovaniya ural'skoi shkoly mezhdunarodnikov: M. Ja. Sjuzumov ob I. N. Chempalove [On History of Ural School of Historians of International Relations: M. Ja. Sjuzumov about I. N. Chempalov]. – *Nauchnyi dialog*. 2019. No. 8. S. 273–286. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-273-286 (In Russ.).
9. Lenin, V. I. 1967. Chto takoe "druz'ya Naroda" i kak oni voyuyut protiv sotsial-demokratov? [What is "friends of the people" and how they waring against social-democrates?]. – In: *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii*. 5-e izd. Moscow: Gospolitizdat, 1967. T. 1. S. 125–346. (In Russ.).
10. Lenin, V. I. 1970. Materializm i empiriokrititsizm. Kriticheskie zametki ob odnoi reaktsionnoi filosofii [Materialism and empiriocriticism. Critical remarks about a reaction philosophy]. – In: *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii*. 5-e izd. Moscow: Gospolitizdat, 1968. T. 18. S. 7–384. (In Russ.).
11. Lenin, V. I. 1970. O gosudarstve. Lektsiya v Sverdlovskom universitete 11 iyulya 1919 g. [About the state. Lecture at Sverdlovsk University, July 11, 1919]. – In: *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii*. 5-e izd. Moscow: Gospolitizdat, 1970. T. 39. S. 7–384. (In Russ.).
12. Mityushev, V. P. 2013. Togda emu bylo 45 let... [Then he was 45 years old...]. – *Gertsenka. Vyatskie zapiski*. 2013. Vol. 23. S. 32–37. (In Russ.).
13. Naumenko, L. K., Yugai, G. A. 1968. „Kapital” K. Marksa i metodologiya nauchnogo issledovaniya ["Capital" by Karl Marx and the methodology of scientific research]. Moscow: Izd. "Znanie", 1968. 48 s. (In Russ.).
14. Orlov, A. S., Sokolov, A. A. 1969. Mezhhvuzovskaya konferentsiya po problemam metodologii i istoriografii [Interuniversity conference on problems of methodology and historiography]. – *Voprosy istorii*. 1969. No 5. S. 171–178. (In Russ.).
15. Petryaev, K. D. 1959. *Ocherki po istorii Germanii nachala XX veka (1900–1914 gg.)* [Essays on the history of Germany at the beginning of the 20th century (1900–1914)]. Odessa: Izd. OGU, 1959. 355 s. (In Russ.).
16. Petryaev, K. D. 1968. *Bor'ba sovetskikh istorikov protiv ideologii germanskogo imperializma*. [The struggle of Soviet historians against the ideology of German imperialism]. Odessa: Izd. OGU, 1968. 24 s. (In Russ.).
17. Petryaev, K. D. 1969. *Mify i deistvitel'nost' v "kriticheskom peresmotre" proshlogo. Ocherki burzhuznoi istoriografii FRG* [Myths and reality in the "critical revision" of the past. Essays on the bourgeois historiography of Germany]. Kiev: Izd. KGU, 1969. 249 s. (In Russ.).
18. Petryaev, K. D. 1970. Nekotorye voprosy metodologii istochnikovedeniya [Some questions of the methodology of source studies]. – *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya vseobshchei istorii*. Dnepropetrovsk, 1970. S. 55–77. (In Russ.).
19. Petryaev, K. D. 1970. *Osnovnye metodologicheskie voprosy istoricheskoi nauki* [Basic methodological issues of historical science]. Odessa: Izd. OGU, 1970. 23 s. (In Russ.).
20. Petryaev, K. D. 1971. *Voprosy metodologii istoricheskoi nauki* [Questions of methodology of historical science]. Kiev: Izd. "Vysshaya shkola", 1971. 163 s. (In Russ.).
21. Petryaev, K. D. 1974. *Ocherki istorii rabocheho dvizheniya Germanii, Frantsii, Anglii, SShA v 1871–1914 gg.* [Essays on the history of the labor movement in Germany, France, England, USA in 1871–1914]. Kiev: Izd. "Vysshaya shkola", 1974. 205 s. (In Russ.).

22. Petryaev, K. D. 1975. *Marksizm v bor'be protiv burzhuaznykh kontseptsii XIX v. ob istoricheskom protsesse* [Marxism in the struggle against the bourgeois concepts of the XIX c. about the historical process]. Kiev; Odessa: Izd. "Vysshaya shkola", 1975. 148 s. (In Russ.).
23. Russev, N. D. 1999. Vozvrashchenie Ikara Schastlivogo (sub'ektivnye zametki) [Return of Icarus the Happy (subjective notes)]. – *Stratum Plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*. 1999. No. 6. S. 11–18. (In Russ.).
24. Smetanin, V. A.; Sjuzjumov, M. Ja., ed. 1970. *Epistolografiya* [Epistolography]. Sverdlovsk: Izd. Ural'skogo universiteta, 1970. 181 s. (In Russ.).
25. Sjuzjumov, M. Ja. 1971. *Khronologiya vseobshchaya*. 3-e izd. [General Chronology]. Sverdlovsk: Izd. Ural'skogo universiteta, 1971. 97 s. (In Russ.).
26. Sjuzjumov, M. Ja. 1972. Dofeodal'nyi period [Prefeudal Period]. – *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. 1972. Vol. 8. S. 3–41. (In Russ.).
27. Sjuzjumov, M. Ja. 1971. Modernizatsiya i separatsiya [Modernization and Separatization]. – *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. 1972. Vol. 11. S. 41–51. (In Russ.).
28. Utchenko, S. L., D'yakonov, I. M. 1973. Sotsial'naya stratifikatsiya drevnego obshchestva [Social stratification of ancient society]. – In: *XIII International Congress of Historical Sciences*. Moscow, 1973. T. 1. Part 3. S. 129–149. (In Russ.).
29. Chubar'yan, A. O. 1971. Forum istorikov. K itogam XIII mezhdunarodnogo kongressa istoricheskikh nauk [Forum of historians. To the results of the XIII International Congress of Historical Sciences]. – *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1971. No. 1. S. 104–106. (In Russ.).

Information about the author

Karina R. Kapsalykova, Cand. Sci. (History), Senior Lecturer, Department of Orient Studies, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation.

Corresponding author

Karina R. Kapsalykova, e-mail: carinne.kapsalikova@gmail.com

Наука. Общество. Оборона
2022. Т. 10. № 4

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2022. Vol. 10. № 4

УДК: 630.91

DOI: 10.24412/2311-1763-2022-4-29-29

Поступила в редакцию: 24.05.2022 г.

Submitted: May 24, 2022

Опубликована: 22.09.2022 г.

Published online: September 22, 2022

Для цитирования: Лупанова Е.М. Молевой и плотовой сплав судостроительной древесины в период парусного военного флота в России // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, № 4(33). С. 29-29. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-29-29>.

For citation: Lupanova Ye. M. Raft and individual floating of shipbuilding wood in the period of sailing navy in Russia. – *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense. Moscow. 2022;10(4):29-29. (In Russ.).* <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-29-29>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2022 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2022 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

АРМИЯ, ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Оригинальная статья

Молевой и плотовой сплав судостроительной древесины в период парусного военного флота в России

Евгения Михайловна Лупанова ¹

¹ Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0266-2887>, e-mail: lupanova@kunstkamera.ru

Аннотация:

Статья является логическим продолжением предшествующих исследований автора и посвящена до сих пор неизученным аспектам техники перевозок лесоматериалов с места заготовления к верфям. В XVIII – первой половине XIX в. такие работы имели военно-стратегическое значение – от их качества зависело состояние и боеспособность судов парусного флота. Основные маршруты транспортировки были связаны с водными путями. В статье рассмотрены достоинства и недостатки плотового и молевого сплава, причины ограничения в 1810 г. и запрета в советское время. Экологический вред, причиняемый молевым сплавом, хоть и нельзя отрицать полностью, но существенно преувеличен с целью обоснования его запрета. Истинной и более существенной

причиной является невозможность организации строгого учета материалов, как следствие – более ощутимые потери. При экономии трудозатрат молевой сплав был в среднем в два раза более медленным и обходился в два раза дороже по сравнению с плотовым.

Ключевые слова:

парусный флот, судостроение, верфи, обеспечение материалами, транспортировка, молевой сплав, плотовой сплав

ВВЕДЕНИЕ

Три года назад в журнале «Наука. Общество. Оборона» была опубликована статья о транспортировке лесоматериалов из Казанской губернии в Петербургское Адмиралтейство. Обеспечение молодой столицы стратегическим сырьем для строительства Военно-морского флота являлось важным условием реализации имперского проекта. В 2019 г. мне как автору казалось, что это законченный сюжет, в котором мне удалось разобраться и расставить все точки над *i*. В статье были рассмотрены вопросы стоимости и организации перевозки, проблемы хранения древесины в местах заготовления и в пунктах назначения, способы транспортировки – гужевой и три разновидности водного: на барках, в плотах и молевой. Молевой сплав характеризовался как самый ненадежный и экологически вредный (1).

Однако новые обнаруженные материалы заставили усомниться в сделанных тогда выводах и провести дополнительные исследования процессов как сухопутных, так и водных перевозок лесоматериалов. Ряд существенных корректив, касающихся организации гужевых перевозок, был представлен мною год назад в специальной публикации [1]; настоящая статья посвящается некоторым спорным вопросам истории молевого сплава.

Пересмотреть свой взгляд на процесс водной транспортировки меня заставила обнаруженная публикация 1923 года. В ней с удивлением прочитала, что молевой сплав обходился дороже, чем плотовой, но нормальный утوب равнялся среднестатистическим потерям при плотовом гоне [2].

Таким образом пришлось усомниться в казалось бы естественной дешевизне гужевого сплава, позволяющего экономить и на сооружении плотов или барж, и на сопровождении каждой партии. Столь же само собой разумеющимися на первый взгляд выглядят и потери – часть бревен тонет, часть прибывает водой к берегам, в результате чего молевой сплав является наименее экологичным – древесина, утерянная для казны, вдобавок к тому засоряет реки, гниет, при большом количестве – влияет на ухудшение качества воды, изменение флоры и фауны, гидрологический режим рек (изменение глубины и ширины потока, деформация русла, образование островов). Внимательное чтение исследований, посвященных истории водных коммуникаций, не развеяло этих сомнений, а оставило общее впечатление распространенности ошибочных суждений на эту тему [3; 4; 5]. Преимущества и недостатки молевого и плотового сплава заслуживают особого исследовательского внимания.

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ПЛОВОГО И МОЛЕВОГО СПЛАВА

Крупные казенные перевозки производились по судоходным рекам на барках. Технология их сооружения и использования описана в указанной во вводной части статье 2019 года (1) и не вызвала никаких ответных возражений за прошедшие три года.

Сомнения возникают при рассмотрении плотового и молевого сплава. Казалось бы, молевой – простой спуск никак не связанных друг с другом бревен вниз по течению самый простой и дешевый способ, на всем протяжении водного пути груз не требует сопровождения. Самый серьезный его недостаток заключается в том, что часть материала неизбежно тонет. Для предотвращения потерь требуется качественная предварительная просушка и, хотя бы частичная («пятнистая»), окорка. Для предотвращения потерь, гонкой иногда управляют, теряя при этом преимущества в экономии трудозатрат. Еще более затратной, но и одновременно более надежной, является переправка плотов, самый надежный способ транспортировки предоставляют барки (баржи).

Плоты имеют существенный недостаток по сравнению с барками: они представляют собой существенно более простую конструкцию и потому плохо поддаются управлению. Соответственно, они были сильно подвержены столкновениям с берегами (особенно в местах поворота русла), друг с другом и с подводными преградами. Особого искусства требовал их провод через плотины. Инструкции по плотовому сплаву включают в себя ряд пунктов техники безопасности, предупреждения об авариях, которые влечет за собой их несоблюдение, порядок действий при бое плотов в различных условиях. В среднем потери при крушении плотов равнялись нормальному утону при молевом сплаве [6; 7; 8]. Исключением из этого правила был сплав лиственницы. Плотная древесина тонет вследствие длительного пребывания в воде, а предварительная сушка, призванная предотвратить утон, ведет к растрескиванию и короблению. Только в XX веке была выработана техника сушки лиственницы на корню и дополнительного подсушивания на складах, благодаря которой древесина сохраняла свои свойства, и становился возможным молевой сплав материалов [9].

Молевой сплав экономил человеческие ресурсы, но существенно проигрывал по двум другим показателям – скорость и стоимость. Плоты проходили по рекам 3-4 версты в сутки, моль – около двух. По данным опросов лесосплавщиков начала 1920-х гг. транспортировка молью оказывалась вдвое дороже гонки плотов [2].

ПОЧЕМУ МОЛЕВОЙ СПЛАВ БЫЛ ОБЪЯВЛЕН НЕЭКОЛОГИЧНЫМ

В 1970-е г. были внесены изменения в Водный кодекс (запрет молевого сплава на крупных судоходных реках), а 25 сентября 1987 г. было подписано Постановление Совета Министров РСФСР «О прекращении молевого сплава на реках и других водоемах РСФСР». В связи с обоснованием этих политических решений с 1970-1980-х гг. принято говорить, что он был самым вредным с экологической точки зрения. Именно эту практику объявляют причиной засорения рек, изменения химического состава воды, уменьшения содержания кислорода, уменьшения популяции лосося и других видов рыб [10; 11; 12]. По данным Э.Г. Истоминой, при любом виде транспортировки в среднем в XVIII-XIX вв. терялось 10% заготовленных материалов [13, с. 112]. Преувеличение потерь при молевом сплаве восходит к злоупотреблениям, связанным с продажей оплаченных государством лесоматериалов [14; 15]. Доказать хищение было практически невозможно. Естественно, что каждый плот и каждая барка ставились на учет в месте отправки, количество прибывавших в пункт назначения должно было совпадать. Аварии на пути следования были значимым событием, о них докладывали в Адмиралтейство, но нелегально было устроить аварию для того, чтобы списать украденное. Молевой сплав представляет намного более широкие возможности для махинаций. Кроме откровенных злоупотреблений имеют место мелкие хищения. Видя, что по руслу идет казенный лес, редкий крестьянин устоит от соблазна взять себе пару хороших бревен. Сезон сплава часто ограничивался весенним паводком. С падением уровня воды часть материалов естественным образом оставалась на берегу.

Реальный утон древесины при молевом сплаве оценивается сейчас в пределах 3-7% [10; 16], кроме того тонущая древесина увеличивает кормовую базу некоторых рыб за счет находящейся под корой личинок [17, с. 546]. В данном случае за риторикой защиты окружающей среды скрывается борьба против незаконного расходования государственного бюджета. Из кабинетов государственных ведомств 1960-1970-х гг. преувеличение вреда молевого сплава перекочевало на страницы исторических исследований. Запрет данного вида транспортировки повлек за собой исключение малых рек из числа водных коммуникаций для транспортировки лесоматериалов. Возобновление рубок на их берегах представляет собой непростую актуальную сейчас проблему, для решения которой предлагаются как щадящие способы перевозки, так и возобновление молевого сплава.

КАКИЕ НЕДОСТАТКИ МОЛЕВОГО СПЛАВА БЫЛИ АКТУАЛЬНЫ В ПЕРИОД ПАРУСНОГО ФЛОТА

Возвращаясь к периоду парусного флота, следует отметить, что вопрос об экологической опасности не ставился (при том, что в принципе проблемы «бережения лесов» и организации рационального лесного хозяйства занимали существенное место в повестках дня государственных учреждений и на страницах периодической печати), но обсуждался вопрос о потерях, больших по сравнению с другими способами транспортировки.

Так, в публикации 1974 г. есть ссылка на документы 1725–1726 гг. о существенных потерях материалов при молевом сплаве [18, с. 108]. Выбор между молевым и плотовым сплавом обычно определялся в зависимости от характера реки – на узких и мелких реках, реках с извилистым руслом более целесообразным был молевой сплав, на более крупных – плотовой, оптимальным же (но и требовавшим максимальных ресурсов) был перевоз на барках [19; 20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Преимуществами молевого сплава являются:

- Возможность транспортировки древесины по малым рекам, слишком узким и мелководным для прохода плотов и барок;
- Экономия трудозатрат.

2. Главным недостатком молевого сплава являются большие потери материалов и связанная с ними дороговизна доставки. Потери связаны преимущественно со сложностью организации строгого учета транспортируемых материалов и невозможностью доказательства хищений, представляемых как «нормальный утот». Длительное преувеличение количества тонущих материалов привело к формированию представлений о большом экологическом вреде, причиняемом молевым сплавом, и запрету этого вида транспортировки для сохранения окружающей среды.

3. Молевой сплав применялся на узких и мелких реках, реках с извилистым руслом более целесообразным был молевой сплав, на более крупных – плотовой, по судоходным рекам материалы везли на барках (баржах).

Примечания

1. *Лупанова Е.М.* Транспортировка лесоматериалов из Казанской губернии на петербургские верфи в XVIII – первой половине XIX века // Наука. Общество. Оборона. Москва. 2019. № 4.

Список литературы

1. *Лупанова Е.М.* Гужевая транспортировка судостроительной древесины в эпоху парусного флота в России // *Via in tempore. История. Политология.* 2021. Т.48. №3. С. 653-660.
2. *Труфанов А.А.* Очерк главных сплавных рек и транспортировки древесины Казанского края. Казань: Средне-Волжский областоп, 1923. - 424 с.
3. *Житков С.М.* Исторический обзор устройства и содержания водных путей и портов в России за столетний период 1798–1898. СПб.: тип. Мин. путей сообщения, 1900. - 264 с.
4. *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII - начале XIX века. М.: Наука, 1982. - 279 с.
5. *Широкова В.А., Снытко В.А., Чеснов В.М. и др.* Вышневолоцкая водная система: ретроспектива и современность. Гидролого-экологическая обстановка и ландшафтные изменения в районе водного пути. Экспедиционные исследования: состояние, итоги, перспективы. М.: ИИЕТ РАН, 2011. - 246 с.
6. Инструкция для лесогона. Кривой рог: Криворожский дом техники, 1941.
7. *Нефедов С.И.* Плотовый сплав леса. М.: [б.и.], 1960. - 63 с.
8. *Шарапов Н.И.* Рационализация перевозки леса в плотях в открытых водоемах. М.: Речной транспорт, 1958. - 150 с.
9. *Шульц Г.Ф.* Сплав лиственницы. М.; Л., 1959.
10. *Николаева Е.* 2009. Лес рубят – рыбы летят // Рыбачьте с нами. № 6. С. 148–150.
11. *Шункова Н.О., Ушанова В.М.* Основные причины экологических проблем реки Мана // Лесной и химический комплексы – проблемы и решения. Сб. материалов по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2017. С. 374-377.
12. *Садырин В.М.* Распределение личинок поденок (ephemeroptera) в водоемах Южного Тимана // Экологические аспекты сохранения видовой разнообразия на европейском северо-востоке России. Сыктывкар: Коми научный центр Урального отд. РАН, 1996. С. 118–127.
13. *Истомина Э.Г.* Корабельные леса Европейской России как ресурс регионального развития в XVIII-XIX вв. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 10. С. 106-119.
14. *Виноградов А.Ю., Обязов В.А., Лазарева Т.А.* 2020. Экологические проблемы молевого сплава // Журнал Белорусского государственного университета. Экология. № 3. С. 24–29.

15. Виноградов А.Ю., Ржавцев А.А. и др. О применимости молевого сплава по малым рекам в современных условиях // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. 2020. № 231. С. 110–130.
16. Корпачев В.П., Пережилин А.И. Оценка объемов топляковой древесины на реке Енисей на участке от Усть-Маны до Красноярска // Хвойные бореальной зоны. 2019. Т.37. №2. С. 118-121.
17. Виноградов А.Ю., Виноградова Т.А. и др. Экологические последствия использования малых рек для молевого сплава // Гидросфера. Опасные процессы и явления. 2019. Т.1. Вып. 4. С. 533–549.
18. Ястребов Е.В. Из истории освоения лесных ресурсов Урала // Сборник трудов Московского областного педагогического института. Вопросы природных ресурсов. М.: Тип. ТАСС, 1974. С. 107–115.
19. Васильев В.В. Обоснование параметров транспортно-технологической схемы поставки древесины в плоских сплочных единицах по принципу плот (линейка) – плот // Resources and Technology. 2021. №18(2). С. 48–78.
20. Посыпанов С.В. Метод экспериментального определения коэффициента фиктивного увеличения массы лесотранспортных единиц при их неравномерном движении в виде // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2016. Т.20. № 6. С. 122–130.

Информация об авторе

Лупанова Евгения Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII века (Музей М. В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Лупанова Евгения Михайловна, e-mail: lupanova@kunstkamera.ru

ARMY, GOVERNMENT, SOCIETY

Original Paper

Raft and individual floating of shipbuilding wood in the period of sailing navy in Russia

Yevgenia M. Lupanova ¹ ✉

¹ *Peter the Great Museum of Antropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS,
St. Petersburg, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0266-2887>, e-mail: lupanova@kunstkamera.ru*

Abstract:

The article is the sequel of previous author's work. It is devoted to some aspects of the technique of wood transportation. This kind of work were especially important during the period of sailing navies, when the qualities of ships depended on the quality of wood. Most oak wood for Russian navy was brought from the middle Volga region. The Volga was the main river of that transportation, but most woods grew quite far from it and had to be delivered first by smaller revers and horses. The thesis concerns the question of individual floating, its advantages and disadvantages, carrying capacities, labor economy, difficulties of controlling, harm for the environment. It is a common opinion that lots of woods drowned during the individual floating and polluted the rivers, however was practiced for long because it was considered much easier and cheaper as demanding less people unlabored. Actually it was twice as expensive as rafting and the wastage was in average the same if not greater. Rafts collapsed and drowned too, but it was much easier to control their amount.

Keywords:

sailing navy, ship-building, material-supply, transportation, individual floating, rafting

References

1. Lupanova Ye.M. (2021). Guzhevaya transportirovka sudostroitel'noy drevesiny v epohu parusnogo flota v Rossii [Horse-drawn transportation of the ship-building wood during the period of sailing navy in Russia]. – *Via in tempore. Istoriya i politologiya*. 2021. Vol. 48. №3. P. 653-660. (In Russ.)
2. Trufanov A.A. (1923). *Ocherk glavnykh splavnykh rek i transportirovki drevesiny Kazanskogo kraja* [The essay of main floating rivers and transporting woods in Kazan region]. Kazan': Sredne-Volzhskij oblastop. - 424 p. (In Russ.)
3. Zhitkov S.M. (1900). *Istoricheskiy obzor ustroystva i sodержaniya vodnykh putey i portov v Rossii za stoletniy period 1798–1898* [Historical survey of organizing and supporting the water ways and ports in Russia during the period 1798–1898]. St Petersburg.: tip. Min. putey soobshheniya, 1900. - 264 p. (In Russ.)
4. Istomina E.G. (1982). *Vodnye puti Rossii vo vtoroi polovine XVIII – nachale XIX veka* [Water communications of Russia in the second half of the 18th – early 19th centuries]. Moscow: Nauka, 1982. - 279 p. (In Russ.)
5. Shirokova, V.A., Snytko V.A., Chesnov V.M. i dr. (2011). *Vyshnevolockaya vodnaya sistema: retrospektiva i sovremennost'*. *Gidrologo-ekologicheskaya obstanovka i landshaftnye izmeneniya v raione vodnogo puti. Ekspeditsionnye issledovaniya: sostoyaniye, itogi, perspektivy* [The water system of Vyshniy Volochk: retrospective and modernity. Hydro-ecological research: modern state, results, perspectives]. Moscow: IIE T RAN, 2011. - 246 p. (In Russ.)
6. *Instrukcija dlya lesogona* [Wood-driver's instruction]. 1941. Krivoy rog: Krivorozhskij dom tehniki. - 13 p. (In Russ.)
7. Nefedov S.I. (1960). *Plotovoy splav lesa* [Rafting woods]. Moscow: [b.i.]. - 63 p. (In Russ.)
8. Sharapov N.I. (1958). *Ratsionalizatsiya perevozki lesa v plotah v otkrytykh vodoemakh* [Rationalization of wood transportation in rafts in the open water]. Moscow: Rechnoj transport. - 150 p. (In Russ.)
9. Shults G.F. (1959). *Splav listvennitsy* [Larch floating] Moscow, Leningrad, 1959. (In Russ.)
10. Nikolaeva E. (2009). Les rubiat – ryby letiat [Cut woods – fly fishes]. – In: *Rybach'te s nami*. № 6. P. 148–150. (In Russ.)
11. Shunkova N.O., Ushanova V.M. (2017). Osnovnye prichiny ekologicheskikh problem reki Mana [Basic principles of ecological problems of the Mana river]. – In: *Lesnoy i himicheskij kompleksy – problemy i resheniya*. Sb. materialov po itogam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnojarsk: SibGU im. M.F. Reshetneva: S.374-377. (In Russ.)
12. Sadyrin V.M. (1996). Raspredelenie lichinok podenok (ephemeroptera) v vodoemakh luzhnogo Timana [Distribution of larvae of mayflies (ephemeroptera) in water bodies of the Southern Timan]. – In: *Ekologicheskie aspekty sokhraneniia vidovogo raznoobrazchiia na evropeiskom severo-vostoke Rossii*. Syktyvkar: Komi nauchnyi tsent Uralskogo otd. RAN, 1996. P. 118–127. (In Russ.)
13. Istomina E.G. (2016). Korabel'nye lesa Evropejskoy Rossii kak resurs regional'nogo razvitiya v XVIII-XIX vv. [Naval woods of European Russia as a resource of regional development in the 18-19th centuries]. – In: *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye»*. 2016. №10. P. 106-119. (In Russ.)
14. Vinogradov A.Yu., Obyazov V.A., Lazareva T.A. (2020). Ekologicheskie problemy molevogo splava [Ecological problems of the individual floating]. – In: *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekologiya*. №3: 24–29. (In Russ.)
15. Vinogradov A.Yu., Rzhavcev A.A. i dr. (2020). O primenimosti molevogo splava po malym rekam v sovremennykh usloviyakh [On the perspective of the individual floating usage in the small rivers in modern circumstances]. – *Izvestiya Sankt-Peterburgskoj lesotekhnicheskoi akademii*. 2020. № 231. P. 110–130. (In Russ.)
16. Korpachev V.P., Perezhilin A.I. (2019). Otsenka ob'emov topliakovoy drevesiny na reke Enisey na uchastke ot Ust'-Many do Krasnoyarska [The estimation of drawn woods in the rivers Yenisei from Ust'-Many to Krasnoyarsk]. – In: *Khvoynye boreal'noy zony*. 2019. T.37. №2. P. 118-121. (In Russ.)
17. Vinogradov A.Yu., Vinogradova T.A. i dr. (2019). Ekologicheskie posledstviya ispol'zovaniya malyh rek dlia molevogo splava [Ecological outcomes of small rivers usage for the individual floating]. – In: *Gidrosfera. Opasnye processy i yavlениya*. T.1. Vyp. 4. P. 533–549. (In Russ.)
18. Yastrebov E.V. (1974). Iz istorii osvoeniya lesnykh resursov Urala [From the history of reclaiming of the forest resources at Ural]. – In: *Sbornik trudov Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta. Voprosy prirodnykh resursov*. Moscow: Tip. TASS: 107–115. (In Russ.)
19. Vasil'ev V.V. (2021) Obosnovanie parametrov transportno-tehnologicheskoy skhemy postavki drevesiny v ploskiy splotochnykh edinicah po principu pload (lineyka) – plot [Justification of the parameters of the transport and technological scheme of wood supply in flat raft units according to the raft section lines – raft principle]. – In: *Resources and Technology*. 2021. №18(2). P.48–78. (In Russ.)
20. Posypanov S.V. (2016). Metod eksperimental'nogo opredeleniya koeffitsienta fiktivnogo uvelicheniya massy lesotransportnykh edinic pri ikh neravnomernom dvizhenii v vide [Experimental determination of the imaginary coefficient of a mass increment of a timber rafting unit during non-stationary motion in water]. – *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa – Lesnoy vestnik*. 2016. Vol. 6. P.122–130. (In Russ.)

Information about the author

Yevgenia M. Lupanova, Cand. Sci. (History), Senior researcher of the Department of history of the Kunstkamera and Russian science of the 18th century (M. V. Lomonosov's museum) MAE RAS, St. Petersburg, Russian Federation.

Corresponding author

Yevgenia M. Lupanova, e-mail: lupanova@kunstkamera.ru

Наука. Общество. Оборона
2022. Т. 10. № 4

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2022. Vol. 10. № 4

УДК: 353.9(470)«1920/1921»

DOI: 10.24412/2311-1763-2022-4-30-30

Поступила в редакцию: 05.10.2022 г.

Submitted: October 5, 2022

Опубликована: 06.11.2022 г.

Published online: November 6, 2022

Для цитирования: Терехов С.А. Образование советских органов государственной безопасности в Крыму // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, №4(33). С. 30-30.

<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-30-30>.

For citation: Terekhov S. A. Formation of Soviet state security bodies in Crimea. – *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2022;10(4):30-30. (In Russ.).

<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-30-30>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2022 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2022 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

СПЕЦСЛУЖБЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Оригинальная статья

Образование советских органов государственной безопасности в Крыму

Сергей Алексеевич Терехов ¹ ✉

¹ Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба ВС РФ,
г. Москва, Российская Федерация, e-mail: S.Terekhov71@yandex.ru

Аннотация:

В 1920 году на территории европейской части современной России закончилась кровопролитная, братоубийственная Гражданская война. И несмотря на то, что с ее окончания прошел уже целый век, она до сих пор не закончена в наших умах и на страницах многочисленных изданий. Создание территориальных органов ВЧК в Крыму малоизученная тема истории отечественных спецслужб. Их деятельность распространялась на весь крымский полуостров и Севастополь. В публикации на основании ранее не известных архивных документов (Государственный архив Республики Крым, УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю, Центральный архив ФСБ России) показано образование и становление Крымской областной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности. Основной задачей крымских чекистов

стала борьба с противниками новой власти и помощь в налаживании мирной жизни после крупнейшего в истории России социально-политического кризиса. Анализ приведенных архивных источников свидетельствует, что сотрудники органов безопасности в Крыму действовали исходя из конкретной складывающейся обстановки и успешно реагировали на внешние и внутренние проблемы, стоявшие перед страной в начале 1920-х годов XX века.

Ключевые слова:

Гражданская война, государственная безопасность, КрымЧК, чекисты, ВЧК, Крым, особый отдел, Ф.Э. Дзержинский, И.И. Каминский, В.Н. Манцев

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война на Европейской части России закончилась 16 ноября 1920 г. победой Южного фронта Красной Армии во главе с М.В. Фрунзе. Русская армия с бароном П.Н. Врангелем, потерпев поражение, навсегда покинула Родину.

В советской историографии период с момента Исхода белых и до образования 18 октября 1921 года в составе РСФСР Крымской Автономной Социалистической Советской Республики получил название «установление советской власти в Крыму».

Несмотря на достаточную изученность, события 1920–1921 гг. на полуострове продолжают волновать историков. Причиной является не только наличие в российских и украинских архивах большого количества, не введенных в научный оборот исторических источников, но и трагизм и масштаб произошедшего в Крыму в течении всего одного года.

Государственное строительство советских органов власти началось в ноябре 1920 года с образования ее высшего местного органа – Крымского революционного комитета (Крымревком) во главе с известным деятелем международного революционного движения Б. М. Куном. В состав Крымревкома в разное время входили известные деятели российской революции: Р. С. Самойлова (Землячка), Д. И. Ульянов, Ю. П. Гавен и другие.

Новая власть столкнулась с целым рядом сложных проблем, многие из которых требовали немедленного решения. Гражданская война нанесла катастрофический ущерб жителям и экономике Крыма. Тяжелая экономическая ситуация в сочетании с неблагоприятными природно-климатическими условиями (малоснежная зима и засуха 1921 г.) привели к массовому голоду. Еще одной проблемой для советской власти в Крыму стало активное вооруженное сопротивление действующему режиму, принявшее форму бандитизма. После окончания Гражданской войны на территории Крымского полуострова оставалось немало противников советской власти (бывшие военные, представители буржуазии, члены администрации белых правительств и т. д.). Ситуацию осложняли планы генерала Врангеля и его окружения при поддержке других антибольшевистских сил осуществить прямое военное вторжение в Россию.

Неотъемлемой частью процесса формирования нового аппарата управления стало создание местных органов государственной безопасности.

ОСОБЫЕ ОТДЕЛЫ ЮЖНОГО И ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТОВ

Организационное строительство региональных органов ВЧК в Крыму имело свою специфику.

Основным отличием являлось то, что на первом этапе – поздней осенью 1920 года за борьбу с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности отвечали подразделения Управления Особых отделов ВЧК Южного и Юго-Западного фронтов (УООЮЮЗФ), дислоцированные в Крыму и подчинявшиеся напрямую Особому отделу ВЧК в Москве.

Созданное 21 сентября 1920 г. в Харькове по указанию Ф.Э. Дзержинского Управление под руководством В.Н. Манцева на базе Особого отдела ВЧК Юго-Западного фронта вместе с частями Красной Армии принимало активное участие в разгроме армии генерала Врангеля, обеспечивая безопасность тыла наступавших войск и контролируя политическую лояльность командного состава и красноармейцев [1, с. 38].

Непосредственно на Южном фронте, против армии генерала П.Н. Врангеля, действовали особые отделы:

- 13-й армии. Находясь вначале в Александровске, а затем в Мелитополе, в последующем зоной его ответственности стал Керченский полуостров.
- 6-й армии, расквартированной на большей части Крыма и юга Украины.
- 4-й армии, сменивший органы военной контрразведки, выведенной с полуострова 6-й армии и дислоцировавшийся в Симферополе.

В состав Управления Особых отделов ВЧК Южного и Юго-Западного фронтов также входили Особые отделы 1-ой и 2-ой Конных армий. Последние фактически сразу после освобождения Крыма от белогвардейских войск были выведены на материковую Украину для борьбы с махновцами.

Кроме того, В.Н. Манцеву подчинялся Особый отдел ВЧК Азово-Черноморских морей, отвечающий за безопасность остатков флота и всей прибрежной полосы полуострова.

Штат УООЮЗФ насчитывал 84 человека. Основной костяк его составляли чекисты, приехавшие на Украину в 1919 году. Манцеву подчинялся отряд особого назначения в составе роты красноармейцев.

Непосредственно на крымском направлении за безопасность частей Красной Армии отвечал Особый отдел Южного фронта во главе с Е.Г. Евдокимовым. Оперативной работой в военных частях занималась Оперативная часть из активного, информационного и регистрационного отделения. Кроме оперативных подразделений в составе отдела входили инспекторско-организационное и административное отделения.

Особисты с Евдокимовым прежде всего отвечали за борьбу с контрреволюцией и шпионажем в штабах, управлениях, учреждениях фронта. Особый отдел фронта, в соответствии с действующими инструкциями, имел полномочия привлекать местные ЧК и даже контролировать их работу. В случае необходимости, по ходатайству руководства ОО ВЧК, губернские чрезвычайные комиссии могли быть подчинены решением Президиума ВЧК во всех отношениях особому отделу фронта или армии [2, с. 100].

Особый отдел фронта опирался в своей оперативной работе на особые отделы армий и отдельных дивизий, входящих в Южный фронт.

Структуру особого отдела армии можно проиллюстрировать на примере Особого отдела 4-й армии фронта. Начальником отдела на начало Перекопско-Чангарской наступательной операции РККА был А.И. Михельсон, который командовал 65 чекистами, отвечавшими за агентурно-оперативную работу по борьбе со шпионажем и контрреволюцией на территории, которую занимали части и учреждения 4-й армии.

Непосредственно отдел подчинялся особому отделу фронта, а в оперативном отношении – члену Реввоенсовету армии в лице А.К. Александрова, которому направлял информационные бюллетени о текущей обстановке в частях и соединениях армии.

Чекистская работа была сосредоточена в Активной части, состоявшей из агентурного, информационного и регистрационного отделения. В агентурном отделении числилось два уполномоченных, из которых один отвечал за внутреннее наблюдение, а второй – за наружное. В информационном отделении работали четыре уполномоченных, отвечавших за сбор информации по штабу армии, управлениям санитарному, снабжения и связи. В регистрационном подразделении два письмоводителя занимались регистрацией перебежчиков, пленных и беженцев.

Особому отделу 4-й армии подчинялось шесть особых отделений дивизий армии, а также Военно-пропускной пункт № 1 и Бюро пропусков Особого отдела в Симферополе.

Особые отделения несли на себе всю тяжесть чекистской работы в боевой полосе фронта. Это были «чернорабочие» военной контрразведки.

Задачей Военно-пропускного пункта был контроль за лицами, следовавшими из пределов и в пределы прифронтовой полосы (полуостров после занятия его войсками Красной Армии до весны 1921 года считался на военном положении), а также вел наблюдение за бесперебойной и правильной работой военных эшелонов через железнодорожную станцию Симферополя.

Бюро пропусков занималось выдачей проездных разрешений на посещение Крыма, а также давало право на выезд с полуострова.

Быстрый разгром Врангеля и отказ части белогвардейцев от эмиграции стал причиной того, что в плен Красной Армии сдались (остались на полуострове добровольно) около 20-25 тыс. офицеров, солдат и казаков. Кроме бывших солдат и офицеров Русской армии на полуострове проживало более 10 тыс. беженцев и выражаясь терминологией того времени «прочего контрреволюционного элемента» [3, с. 44].

Решение задачи, что делать с военнопленными и «бывшими», станет основным направлением деятельности органов ВЧК в Крыму в конце осени 1920 года. По мнению автора, именно этим объясняется телеграмма Ф.Э. Дзержинского, направленная начальнику УООЮЮЗФ В. Н. Манцеву 16 ноября 1920 г. о блокировании выезда пленных белогвардейцев с полуострова [4, с. 410]. Получив приказ Ф.Э. Дзержинского, Манцев вместе с сотрудниками Управления Особых отделов переезжает из Харькова в Мелитополь (в ходе Перекопско-Чангарской наступательной операции в одном из зданий железнодорожного вокзала находился штаб командующего Южным фронтом).

Перестройка системы военной контрразведки на деятельность в условиях отсутствия широкомасштабных боевых действий началась с Приказа № 1 1-го Крымского Особого Пункта Особого Отдела Южного и Юго-западного Фронтов от 20 ноября 1920 года.

Согласно этому приказу *«по гор. Мелитополю и его окрестностям. Все офицеры, военные чиновники, унтер-офицеры и писари штабов и полков, солдаты добровольческой армии, а также гражданские чиновники, находящиеся на службе в учреждениях добровольческой армии и находящиеся в настоящее время в городе Мелитополь и его окрестностях, обязаны с момента выпуска данного приказа в 48-ми часовой срок зарегистрироваться в 1-м крымском особом пункте Особого отдела Южного фронта (Торговая улица, д. 20, бывшее помещение Государственного банка), которая будет производиться от 10-ти часов утра до 20-ти вечера»*. Не исполнившим данный приказ или скрывшимся белогвардейцам грозил расстрел. (1)

С этого приказа началась история «Крымской ударной группы Особого отдела ЮжЮгЗапфронтов». Ее начальником был назначен Е.Г. Евдокимов.

Накануне, 19-го ноября, В.Н. Манцев направил телеграмму начальнику 1-го крымского особого пункта, начальнику ОРТЧК, Завполитбюро (копия была телеграфно передана в РТЧК Южных железных дорог и Александровскую ГубЧК), в которой потребовал передать все дела по которым предусматривалось применение высшей меры наказания в «тройку» 1-ого Крымского особого пункта Особого отдела ЮжЮгЗапфронта на рассмотрение. (2)

Приказом № 2, подписанным В.Н. Манцевым 20 ноября, вводился запрет на въезд и выезд из Крыма и Керченского полуострова. (3)

Таким образом, основной задачей органов безопасности сразу после окончания боев за Крым стала прежде всего регистрация и проведение фильтрационных мероприятий в отношении всех лиц, оставшихся после эвакуации Врангеля.

Насколько успешно с ней справлялись сотрудники ВЧК можно судить по двум донесениям.

Первое – это донесение от 19 ноября 1920 года уполномоченным информационного отделения Крымской ударной группы К.К. Мукке о ситуации, сложившейся в Мелитополе: *«Прибывающие в большом количестве пленные-врангелевцы, имеющие в своем составе много офицеров, никем не контролируются и распускаются. Так как почти все офицеры побывали в данном месте, то боясь репрессий со стороны местной власти, они все едут на север, дабы не быть узванными»* [5, с. 399].

Второй документ – доклад о состоянии дел с содержанием пленных белых в Мелитополе заведующего регистрацией 1-го крымского особого пункта М. Березняка на имя начальника этого пункта – Н. Добродицкого: *«Довожу до вашего сведения следующее: несмотря на неоднократные переговоры с Начгарнизом города Мелитополя, меры по отношению к военнопленным врангелевской армии в смысле охраны их и заботы о них абсолютно не принимаются...»* [5, с.404].

По мере занятия частями РККА полуострова пленных врангелевцев становилось все больше. Чтобы справиться с ситуацией Евдокимов принимает решение сформировать 2-й Крымский Особый пункт. 19 ноября его начальником назначается сотрудник Особого отдела фронта Н.Д. Петров.

В российских архивах нами выявлен приказ начальника Крымской ударной группы Особого отдела Южного и Юго-западного фронтов Е.Г. Евдокимова о назначении Петрова:

«С получением сего Вы назначаетесь Начальником Крымского Особого пункта № 2 Особого отдела ЮжЮгЗапфронтов.

Предлагается немедленно приступить к организации такового и обслуживать район Сиваш-Джанкой-Перекоп...

Всю работу вверенного Вам Особого пункта главным образом сосредоточить:

1/ на розыске и арестах врангелевских офицеров, контрразведчиках и шпионах и т.д.

2/ Проводить фильтрацию проходящих военнопленных, разыскивая и выявляя среди них подозрительный элемент. Всех задержанных контрреволюционеров и подозрительных лиц со всем отобранным имуществом и вещественными доказательствами отправлять по месту нахождения Штаба Крымской Ударной Группы Особотделов Южюгзапфронтов в гор. Симферополь...». (4)

Не позднее 20 ноября Евдокимовым были утверждены «Краткая инструкция НАЧОСОБПУНКТАМ ОСОБОГО ОТДЕЛА ЮЖЮГЗАПФРОНТОВ» и «Краткая инструкция СЛЕДОВАТЕЛЯМ УДАРНОЙ ГРУППЫ ОСОБОТДЕЛА ЮЖЮГЗАПФРОНТОВ».

В ней руководителем Крымской Ударной группы перед чекистами были поставлены ряд задач:

«1/ Регистрация военнопленных по категориям:

а/ офицеры.

б/ унтер-офицеры.

в/ рядовые-мобилизованные.

г/ казаки.

д/ добровольцы.

Причем к офицерам, унтер-офицерам, добровольно примкнувшим и казакам принять особые суровые меры пресечения.

Всех мобилизованных рядовых передавать этапному коменданту или в комиссию по разгрузке военнопленных.

2/ Изъятие скрывающихся контрреволюционеров и шпионов.

3/ Взятие на учет белых и сочувствующих им.

4/ Преступления по должности.

5/ Соответствующие приказы по борьбе со спекуляцией, продовольствием и валютой, привлекая для сего соответствующие органы, но не ставя себе это прямой задачей.

6/ Борьба с бандитизмом, в контакте с военным командованием и нач. гарнизона.

7/ Сбор всех документов, списков контрреволюционеров, военной литературы белых и др. материалов, направление их в Штаб Ударной Группы по месту дислокации нарочным.

8/ Взять на учет всех белых, выселившихся в Крым из Совроссии и заграницы, обязав их подпиской о не выезде до распоряжения.

9/ Иметь наблюдение за всеми артскладами, снабжения и обмундирования, следить за правильной выкачкой оружия и обезоруживания населения».

Инструкция следователям касалась заполнения анкет военнопленных белогвардейцев. В ней Евдокимов обращал внимание на необходимость установить в ходе их допросов длительность службы в рядах Врангеля, участие в боях или в зверствах против коммунистов и красноармейцев, а также все известные сведения о деятельности контрразведывательных органов Русской армии. (5)

После занятия 14 и 16 ноября Феодосии и Керчи весь полуостров перешел под контроль РККА.

Соответственно с учетом занятия Керченского полуострова частями красной 13-й армии органы военной контрразведки данного формирования стали первыми, кто стал отвечать за борьбу с контрреволюцией в восточном Крыму.

Особый отдел 13-й армии возглавлял И.М. Данишевский. Ему подчинялось 24 особотделения соединений, входивших в ее состав.

Несмотря на процесс расформирования 13-й армии, 22 ноября Данишевский получает приказ выехать в Феодосию, где ему предстояло возглавить только сформированную армейскую «тройку» с правом вынесения приговоров высшей меры наказания для «расправы над белогвардейскими и контрреволюционными элементами». (6)

Кроме того, 26 ноября на Керченский полуостров в село Владиславовка прибывают сотрудники 1-го Особого пункта из Мелитополя, вместо которого на Украине создается 3-й пункт [3, с. 143]. Его основной задачей останется регистрация военнопленных, которых из Керчи и Феодосии отправляли на север на Украину.

Таким образом, к 26 ноября на территории крымского полуострова был сформирован будущий первоначальный контур советских органов госбезопасности. Он представлял из себя централизованную систему органов военной контрразведки – Крымской ударной группы Особого отдела Южного и Юго-западных фронтов в г. Симферополе, опиравшуюся на три Особых пункта Особого Отдела в Джанкое, Владиславовке и Мелитополе. Ее дополняли развернутые на побережье Черного моря от Евпатории до Керчи пять отделений Особого отдела Черного и Азовского морей.

Крымская ударная группа осуществляла общее руководство системой органов военной контрразведкой на полуострове, но так продолжаться долго не могло.

Параллельно военным контрразведчикам, Крымский революционный комитет предпринимает попытку создать в своей структуре местный орган по борьбе с контрреволюцией – Особый отдел Крыма [6, с. 670]. По распоряжению председателя Крымревкома Бела Куна даже был изготовлен специальный угловой штамп с надписью: «РФСР. Управление особых отделов ВЧК. Особый отдел Крыма, г. Симферополь» [1, с. 30].

Необходимость его создания диктовала сама обстановка на полуострове. Ее в своем донесении Евдокимову изложил уже упоминаемый уполномоченный информационного отделения Крымской ударной группы К.К. Мукке: *«Отступая из Симферополя, белые войска произвели в городе грабеж. Лавки табачные, винные, золотых вещей, галантерейные разбиты, разграблены бежавшими врангелевцами. В настоящее время по ночам стоящие в городе красные части производят взлом магазинов и увозят на повозках содержимое последних. Для пресечения такого явления принятые комендантом города меры охраны не привели к результатам»* [5, с. 214].

Документов о деятельности отдела в настоящее время найти не удалось. Причиной этому является тот факт, что 18 ноября председатель Крымревкома Б. Кун по согласованию с РВС Южного фронта приказом Крымревкома права Особого отдела возложил на Особый отдел 6-й армии, который располагался в г. Симферополе.

В связи с передислокацией 6-й армии на Украину в район Херсон-Одесса во второй половине ноября, функции Особого отдела Крыма на основании Приказа Крымревкома № 48 от 29 ноября 1920 года были возложены на Особый отдел 4-й армии.

Анализ первых распоряжений Крымревкома свидетельствует о том, что местные органы власти работали в тесном контакте с особистами. Так, 17 ноября 1920 года местные власти опубликовали приказ № 3, который запретил крымчанам хранить любое огнестрельное оружие. В тот же день был издан приказ № 4 об обязательной регистрации в трехдневный срок следующих категорий жителей полуострова: иностранцев; лиц, прибывших в Крым после ухода Советской власти в июле 1919 года; и всех офицеров, чиновников военного времени, солдат, работников учреждений добрармии [7, с. 250-251].

Но такое положение дел было не долгим. Регулярные части РККА в конце ноября – начале декабря покидают полуостров. 6-я армия передислоцируется на Херсонщину, еще раньше на территорию Украины выведены 1 и 2-я Конные армии для разгрома махновцев, 13-я армия расформируется, а ее органы управления вливаются в состав 4-й армии.

3 декабря 1920 года председатель Революционного военного совета Л.Д. Троцкий издал приказ № 2660/532 о создании на базе Полевого управления Южного фронта Управления Вооружённых сил Украины и Крыма. На полуострове остается 4-я армия, Особый отдел которой получает название «Особый отдел 4-ой Армии и Крыма» с подчинением 12-ти особотделений дивизий, расквартированных на территории полуострова.

Большинство личного состава Крымской ударной группы в середине декабря 1920 года возвращается на Украину в созданный при Цупчерезвычайкоме Украины Особый отдел во главе с Е.Г. Евдокимовым. На полуострове, кроме особистов 4-й армии, в Севастополе остается Особый отдел побережья Черного и Азовского морей с отделениями в Керчи и Балаклаве.

ОБРАЗОВАНИЕ КрымЧК

В годовом отчете за 1921 год Крымской областной чрезвычайной комиссии в начале раздела «Организационная история К.Ч.К.» говорится: «...19 декабря 1920 года из Москвы приехал назначенный на пост Председателя Крым Ч.К. – Каминский, которому и предстояла организация в Крыму нашего органа. Период фронтовой горячки прошел уже и существовавшие у нас два великана – Особый Отдел 4-й армии и Особый отдел Черноазморея – первый во главе с Михельсоном, а второй с Чернобровым, начали терять свое значение на территории страны,

вступающей в будничную хозяйственную эпоху... Каминский привез с собой небольшой штат сотрудников и организовал тут нечто, называвшееся Крымской ЧК...» [8, с. 14].

В крымских архивах нами выявлены два не публиковавшихся ранее документа – доклад А.И. Каминского ответственному секретарю Крымского обкома РКП(б) Р.С. Землячке (Самойловой), датированный 21 декабря 1921 года, и его же доклад, направленный 8 февраля 1921 года в адрес Ф.Э. Дзержинского [9, с. 71].

В отчете на имя председателя ВЧК в феврале 1921 года Каминский так опишет свой приезд на полуостров: «Тов. Ксенофонтовым я был командирован в Крым для работы... Уезжая из ВЧК, я получил отношение на имя тов. Манцева с просьбой оказать содействие в организации Крымской ЧК... В Симферополь прибыл 9 декабря 1920 года и того же дня получил назначение от тов. Манцева – организовать ЧК и быть председателем таковой». По словам первого руководителя крымских чекистов: «Приступая к организации Крымчека, моей первой задачей было заказать печати, штампы КрымЧК, а затем все необходимые печатные материалы в типографии и подыскание помещения...» [9, с. 72].

Крымский ревком по ходатайству Каминского выделит аванс на организацию комиссии в размере 500 тыс. рублей, но в связи с отсутствием необходимой суммы первому руководителю крымской госбезопасности выдадут всего 200 тыс., сумму которую он назовет мизерной и хватившей лишь на ремонт здания.

Местная власть передаст Каминскому одну легковую и грузовую машину для проведения «операций» и направит отряд из 35 красноармейцев в его распоряжение, который станет основой будущего батальона войск ВЧК в Крыму.

Личный состав комиссии составили переведенные из ВЧК 56 сотрудников и еще 17 будут направлены из Особых отделов войсковых частей Красной Армии.

21 декабря 1920 года на очередном заседании крымского областного комитета РКП(б) будут рассмотрены два пункта: доклад о Крымчека и утверждение ее коллегии. По первому вопросу решат выступление руководителя крымских чекистов принять к сведению и направить в ВЧК телеграмму с просьбой о направлении работников в Крым.

Первый состав Коллегии утвердят в составе: председатель – Каминский; заведующий Секретно-оперативным отделом – Полканов; секретарь – Протопопов; заведующий Административным отделом – Погребной; представитель Крымского Ревтрибунала – Курган.

После завершения первоочередных организационных вопросов придет очередь для формирования аппарата комиссии на местах. Для этого члены Коллегии КрымЧК в последнюю неделю декабря ушедшего 1920 года посетят все крымские уезды и 1 января 1921 года на очередном заседании примут решение об образовании уездной чрезвычайной комиссии в Севастополе и политбюро в Феодосии и Карасубазаре (сегодня г. Белогорск).

Из двух докладов мы можем узнать о первых результатах работы крымских чекистов.

21 декабря в местный Обком РКП(б) он напишет, что после занятия помещения сразу начались задержания и обыски. За неделю арестуют четверых жителей Симферополя за спекуляцию, восемь бандитов, одного врангелевского офицера в городском Комендантском управлении, бывшего жандарма и трех сотрудников железнодорожной ОРТЧК за превышение должностных полномочий.

Позже Каминский приведет цифры по состоянию на 15 января: «...Всего обысков – 250. Арестованных – 130, из них – 30 человек расстреляно, большинство из расстрелянных врангелевские офицеры и бандиты, в среде арестованных – 10 человек преступления по должности, как из крымской Рабинспекции и Бюро пропусков Особого отдела 4-ой Армии, затем группа арестованных сионистов...» [9, с. 73].

8 января 1921 года Каминский приказом №25 поручит коменданту КЧК И.Д. Папанину сформировать батальон при КрымЧК. Будущий дважды Герой Советского Союза и известный исследователь Арктики станет его первым командиром.

Заняв должность руководителя крымских чрезвычайных органов, Каминский пытался ограничить деятельность военных контрразведчиков обеспечением безопасности Красной Армии.

27 декабря 1920 года под руководством Каминского в г. Симферополе прошло совместное заседание Коллегии КрымЧК с руководством Особого отдела 4-й армии и местных органов государственной безопасности на транспорте. На заседании обсуждались два вопроса: о разграничении функций между местными чекистами и особистами из отдела побережья Черного и Азовского морей. По первому решили, что «Особотдел ведет работу в отношении дел чисто военных, О.Р.Т.Ч.К. и Р.Т.Ч.К. в отношении дел железнодорожного характера и Крымчека – в отношении дел гражданского характера». Для большей «контактности» участники совещания договорились ввести в состав своих коллегий представителей участников совещания с правом решающего голоса. Второй вопрос вызвал полемику и его отложили, предложив провести отдельное заседание.

Каминский оставался руководителем крымской ЧК до 19 января 1921 года, когда его сменил секретарь Ф.Э. Дзержинского С.Ф. Реденс.

С прибытием 19 января 1921 года полномочного представителя ВЧК С.Ф. Реденса в Симферополе, Севастополе и Керчи были образованы самостоятельные ЧК, непосредственно подчиненные представителю ВЧК, где они имели право вынесения смертных приговоров. В Ялтинском, Евпаторийском и Феодосийском уездах были созданы бюро только с правом ведения следственных дел, в Карасубазарском (Белогорском), Бахчисарайском и Джанкойском уездах назначены уполномоченные.

Новые специальные органы возглавили: в Керчи – Каминский, в Симферополе – М.М. Вихман, который фактически стал заместителем Реденса и в Севастополе – бывший секретарь Президиума ВЧК Василий Иванович Савинов.

28 января 1921 года М.М. Вихман подписал протокол № 1, которым был утвержден новый штат Симферопольской городской ЧК в количестве 288 единиц.

К началу 1921 года на территории Крыма окончательно оформилась система органов власти, отвечавших за обеспечение государственной безопасности и включавшей в себя территориальные органы ВЧК и подразделения военной контрразведки Вооружённых Сил Украины и Крыма.

Весной 1921 года 4-я армия расформировывается и встает вопрос о создании единой, объединяющей работу всех ЧК и Особых отделов, органа под руководством полномочного представителя ВЧК. Он обсуждался на заседании бюро Крымского обкома РКП(б) 21 января 1921 года и проведен в жизнь приказом №332 Крымского Ревкома от 18 апреля, согласно которого Симферопольская ЧК была реорганизована в Крымскую областную чрезвычайную комиссию с непосредственным подчинением ВЧК. Функции по обеспечению безопасности, дислоцированных в регионе вооруженных сил и флота переходят в созданный в КОЧК Особый отдел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание в Крыму после окончания Гражданской войны на европейской части России советских чрезвычайных органов безопасности носило противоречивый характер. Начавшись, как отмечалось в разделе «Организационная история К.Ч.К.» Отчета за 1921 год Крымской областной чрезвычайной комиссии, со «страшной неразберихи и хаотичного положения нашей работы, которое остро выражалось во взаимоотношениях с другими родственными органами», к апрелю 1921 года процесс организационного строительства первых советских органов государственной безопасности на полуострове завершился централизацией и единством. Авторы Отчета за 1921 год с гордостью констатировали, что «авторитет Крымской ЧК поднят на недостижимую высоту по сравнению с прежними временами» [8, с. 14-26].

Примечания

1. Центральный архив ФСБ России. Ф.36. Оп. 1. Д.1624. Л. 11.
2. Там же. Л.1.
3. Там же. Л.10.
4. Там же. Л. 3.
5. Там же. Л. 16, 19.
6. Там же. Л. 13.

Список литературы

1. Брошеван В. М. «Спецназ» ВЧК в Крыму. Симферополь, 2009.
2. Сафонов В. Н., Мозохин О. Б. Особый отдел против польской разведки. 1918-1921 гг. М.: Вече, 2018.
3. Тинченко Я. Ю. 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920 - 18.04.1921 // Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Книга десятая. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2021.
4. Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
5. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов, документы и материалы. Москва, 1998. Т. 1. Кн. 1.
6. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Антиква, 2008.
7. Ишин А. В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917-1922 годах. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012.
8. Прошу доложить т. Дзержинскому / Управление Федеральной службы безопасности России по Республике Крым и г. Севастополю, Крымский государственный архив. Симферополь: Таврида, 2016.
9. Терехов С. А. И.И. Каминский – первый руководитель советских органов государственной безопасности в Крыму // Парадигмы истории и общественного развития [Текст]: сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т»; под общ. ред. Е. Н. Максимовой; редкол. В. С. Авдонин [и др.]. Вып. 17-18. Севастополь: СевГУ, 2020.

Информация об авторе

Терехов Сергей Алексеевич, соискатель Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Терехов Сергей Алексеевич, e-mail: S.Terekhov71@yandex.ru

SPECIAL SERVICES: HISTORY AND MODERNITY

Original Paper

Formation of Soviet State security agencies in Crimea

Sergey A. Terekhov ¹ ✉

¹ *Research Institute (Military History) Military Academy
of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, e-mail: S.Terekhov71@yandex.ru*

Abstract:

In 1920, a bloody, fratricidal Civil War ended on the territory of the European part of modern Russia. And despite the fact that a whole century has passed since its completion, it is still not finished in our minds and on the pages of numerous publications. The creation of territorial bodies of the Cheka in the Crimea is a little-studied topic in the history of domestic special services. Their activities extended to the entire Crimean peninsula and Sevastopol. In the publication on the basis of previously unknown archival documents (the State Archive of the Republic of Crimea, the Federal

Security Service of Russia for the Republic of Crimea and Sevastopol, Central Archive of the FSB of Russia) shows the formation and formation of the Crimean Regional Emergency Commission for combating counterrevolution, sabotage and crimes by position. The main task of the Crimean security officers was the fight against opponents of the new government and assistance in establishing a peaceful life after the largest socio-political crisis in the history of Russia. The analysis of the cited archival sources shows that the security officers in Crimea acted based on the specific situation and successfully responded to the external and internal problems facing the country in the early 1920s of the twentieth century.

Keywords:

Civil war, state security, KrymChK, chekists, Cheka,
Crimea, special department, F.E. Dzerzhinsky, I.I. Kaminsky, V.N. Mantsev

References

1. Broshevan V. M. (2009). «*Spetsnaz*» VCHK v Krymu ["Special forces" of the Cheka in the Crimea]. Simferopol, 2009. (in Russ.)
2. Safonov V. N., Mozokhin O. B. (2018) *Osobyi otdel protiv pol'skoy razvedki.1918-1921 gg.* [Special Department against Polish intelligence.1918-1921]. Moscow: Veche, 2018. (in Russ.)
3. Tinchenko Ya. Yu. (2021). 12 tysyach. Krymskiye rasstrely, 20.11.1920 - 18.04.1921 [12 thousand. Crimean executions, 20.11.1920 - 18.04.1921]. IN: *Reabilitirovannyye istoriyey. Avtonomnaya Respublika Krym: Kniga desyataya* [Rehabilitated by history. Autonomous Republic of Crimea: The tenth Book]. Kiev: Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2021. (in Russ.)
4. Plekhanov A. M. (2007). *Dzerzhinskiy. Pervyy chekist Rossii* [Dzerzhinsky. The first chekist of Russia]. Moscow: OLMA Media Group, 2007. (in Russ.)
5. *Russkaya voyennaya emigratsiya 20-kh – 40-kh godov, dokumenty i materialy* [Russian military emigration of the 20s – 40s, documents and materials]. Moscow, 1998. Vol. 1. Book 1. (in Russ.)
6. Zarubin A. G., Zarubin V. G. (2008). *Bez pobediteley: iz istorii Grazhdanskoy voyny v Krymu* [Without winners: from the history of the Civil War in the Crimea]. 2nd ed., ispr. and add. Simferopol: Antiqua, 2008. (in Russ.)
7. Ishin A. V. (2012). *Problemy gosudarstvennogo stroitel'stva v Krymu v 1917-1922 godakh* [Problems of state construction in the Crimea in 1917-1922]. Simferopol: IT "ARIAL", 2012. (in Russ.)
8. *Proshu dolozhit' t. Dzerzhinskomu / Upravleniye Federal'noy sluzhby bezopasnosti Rossii po Respublike Krym i g. Sevastopolyu, Krymskiy gosudarstvennyy arkhiv* [Please report to T. Dzerzhinsky / Department of the Federal Security Service of Russia for the Republic of Crimea and Sevastopol, Crimean State Archive]. Simferopol: Tavrida, 2016. (in Russ.)
9. Terekhov S.A. (2020). I.I. Kaminskiy – pervyy rukovoditel' sovetikh organov gosudarstvennoy bezopasnosti v Krymu [I. I. Kaminsky – the first head of the Soviet state security agencies in the Crimea]. IN: *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya [Tekst]: sb. nauch. tr. / M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, FGAOU VO «Sevastop. gos. un-t»; pod obshch. red. Ye. N. Maksimovoy; redkol. V. S. Avdonin [i dr.]. Vyp. 17-18.* [Paradigms of history and social development [Text]: collection of scientific tr. / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Federation, FGAOU VO "Sevastop. gos. un-t"; under the general editorship of E. N. Maksimova; editorial board of V. S. Avdonin [et al.]. Issue 17-18]. Sevastopol: SevSU, 2020. (in Russ.)

Information about the author

Sergey A. Terekhov, Candidate of the Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Corresponding author

Sergey A. Terekhov, e-mail: S.Terekhov71@yandex.ru

УДК: 355:401(498) + 425.4(477.74) «1941/1944»

DOI: 10.24412/2311-1763-2022-4-31-31

Поступила в редакцию: 28.03.2022 г.

Submitted: March 28, 2022

Опубликована: 27.09.2022 г.

Published online: September 27, 2022

Для цитирования: Иванов В. А. Деятельность румынских спецслужб на территории Одесской области в годы Великой Отечественной войны // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, № 4(33). С. 31-31. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-31-31>.

For citation: Ivanov V. A. Activities of Romanian special services on the territory of Odessa region during the Great Patriotic War. – *Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2022;10(4):31-31. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-31-31>.

Благодарности: Автор выражает признательность А.В. Бабичу, аспиранту Черновецкого национального университета имени Юрия Федьковича, а также сотрудникам Государственного архива Одесской области за предоставленные материалы и рекомендации при работе над настоящей публикацией.

Acknowledgements: The author expresses his gratitude to A.V. Babich, a local historian, postgraduate student of the department of history of Chernovetskiy National University named after Yuriy Fedkovych, and also to the staff of the State Archive of the Odessa Region for the materials and recommendations provided during the work on this publication.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2022 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2022 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

СПЕЦСЛУЖБЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Оригинальная статья

Деятельность румынских спецслужб на территории Одесской области в годы Великой Отечественной войны

Вячеслав Александрович Иванов ¹ ✉

¹ Государственное бюджетное учреждения Республики Крым
«Центральный музей Тавриды»,
с. Мирное, Симферопольский район, Республика Крым, Российская Федерация,

Аннотация:

О противостоянии советской и румынской разведок в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии мало что известно. Если о секретных операциях спецслужб стран антигитлеровской коалиции против нацистской Германии изданы книги и защищены диссертации, то о союзниках Третьего Рейха такая информация присутствует лишь отчасти. Королевство Румыния вместе с Германией участвовала в вооруженной агрессии против Советского Союза. Для борьбы с партизанами и подпольщиками на оккупированной территории были задействованы две разведывательные структуры Румынии: тайная полиция безопасности Королевства Румыния – сигуранцы (с рум. *siguranță* – безопасность) и Специальная разведывательная служба (Serviciul Special de Informații, SSI). Географически их деятельность охватывала: Буковину, Бессарабию, Транснистрию (Винницкую, Одесскую, Николаевскую области Украинской ССР и левобережной части Молдавской ССР), а также Крым, Кубань и Северный Кавказ. В статье анализируются методы работы румынских спецслужб, на основании неопубликованных документов (фонды Государственного архива Одесской области, Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины по Одесской области). Необходимо выделить следующие аспекты их деятельности: слежку, наблюдение, конспирацию, вербовку, внедрение, изоляцию, создание лжепартизанских и лже-подпольных антифашистских групп. Вся работа была направлена на ликвидацию антифашистского Сопротивления на оккупированной румынами Одесской области. Анализ проблемы, изложенной в публикации позволяет говорить о том, что в годы Великой Отечественной войны антифашистские силы Сопротивления столкнулись с подготовленными разведывательными структурами Румынии. Разгром румынской разведки ярко демонстрирует силу партизанского подполья и показывает те невероятные усилия, которые потребовались от советских патриотов для достижения этой победы.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, сигуранца, абвер, гестапо, СД, контрразведывательная деятельность, НКВД, НКГБ, партизаны, подпольное движение, разведывательно-диверсионная группа (РДГ)

ВВЕДЕНИЕ

22 июня 1941 г. Королевство Румыния объявило войну СССР, вступив в нее на стороне нацистской Германии. Таким образом Румыния оказалась в числе стран-агрессоров. Она вошла в гитлеровскую коалицию стран «Оси». Формально румынские войска действовали независимо, но в оперативном и тактическом плане подчинялись германской группе армий «Юг».

Наступление войск королевской Румынии началось 1 июля 1941 года. К концу августа они захватили территории Бессарабии и Северной Буковины [7, с. 267]; [8, с. 256-258]; [14, с. 9-10]; [16, с. 343-344]; [29, р. 164]; [30, р. 158].

Общая численность румынских вооруженных сил в ноябре 1941 г. достигла 700 тыс. солдат и офицеров [15, с. 346].

Во время осады Одессы (5 августа – 16 октября 1941 г.) разведывательную поддержку 4-й румынской армии осуществляли: Центр №1 под руководством капитана Николае Томеску; Центр №2 под руководством майора Георге Балотеску; разведцентр «В» Генерального штаба Королевства Румынии под руководством подполковника Александра Ионеску (он же был известен в разведывательных кругах как «Алион», что расшифровывалось весьма просто: по первым буквам имени и фамилии) [9, с. 345-346]; [15, с. 116].

Отсюда закономерно возникает вопрос, каким же образом разведка Румынии получала секретную информацию? Ценным источником информации стали сведения, полученные от советских военнопленных. Использовалась и информация, получаемая от агентов, заброшенных через линию фронта. Итогом работы румынской разведки стали:

- разведанные о детальном расположении советской обороны в Одессе (в частности, как были распределены баррикады);
- сведения о местонахождении всех советских военных заводов;
- информационные сообщения об организации особых отделов НКВД и ГУГБ Отдельной Приморской армии, т. е. своих непосредственных противников.

Таким образом, как видим, в противостояние с советскими разведывательными органами и подпольно-патриотическими силами вступал хорошо подготовленный и осведомленный противник, победить которого было довольно непросто.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СИГУРАНЦЫ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОККУПАЦИИ ОДЕССЫ

После захвата г. Одессы на ее территории румынские оккупационные власти организуют собственные органы правопорядка с выделением разведывательных структур для подавления советского Сопротивления. Создаются два инспектората жандармерии (северный в г. Балта и южный в г. Одесса), которые должны были осуществлять надзор над полицией. Этот процесс осуществлял начальник субинспектор жандармерии Транснистрии и Бессарабии (штаб которого также находился в Одессе). Каждый район делился на посты, возглавляемые жандармскими субофицерами [2, с. 191]. Таким образом была выстроена четкая вертикаль власти, где каждая охранная структура была под контролем и тесным наблюдением другой. Очевидно это было сделано для того, чтобы каждая из структур не выглядела чересчур независимой и лучше выполняла приказы, поступающие от Центра.

Оккупированная румынами Одесса была разделена на префектуры, границы которых приблизительно соответствовали административным границам районов города [27]. Во главе каждого района стоял комиссар полиции, при котором была районная сигуранца, или уже нам знакомая SSI (Специальная Служба Информации). В городе штаб Центральной Префектуры полиции располагался по адресу Пушкинская, 29 и во главе нее стояли полковник Юлиан Попович и комиссар сигуранцы Никулеску. Всего по городу было организовано 9 префектур:

- Районная Префектура № 1, Красный переулок, 7 (руководители Никулеску и Лехнецкий);
- Районная Префектура № 2, ул. Пушкинская, 77;
- Районная Префектура № 3, ул. Михайловская, 34 (руководители Данилов и Версан);
- Районная Префектура № 4, ул. Пастера, 2 (руководитель Вотеску);
- Районная Префектура № 5, ул. Московская, 24 (руководитель Енаке Василий);
- Районная Префектура № 6, ул. Градоначальническая, 33 (руководители Попеску, Видрашку);
- Районная Префектура № 7, Слободка-Романов;
- Районная Префектура № 8, ул. Французский бульвар, 77 (руководители Никулеску и В. И. Беленский);
- Районная Префектура № 9, ул. Торговая, 6 [2, с. 191-192].

С целью обеспечения наилучшего контроля над ситуацией на оккупированной территории, румынские власти практиковали отпускать советских военнопленных на свободу под поручительство. Это было сделано по двум причинам: во-первых, отпускаемого из плена человека легко можно было контролировать, обеспечив его необходимыми документами, а во-вторых, румынские разведчики выясняли степень лояльности отпускаемого из плена гражданина по отношению к новой оккупационной власти.

Так, в поручительстве: от 22 апреля 1943; г. Михаил Иванчук, 39 лет, механик, проживающий в г. Одессе, украинец по национальности, Средне-Фонтанской дороги, 4 станции, ул. Перекопской дивизии № 23, паспорт № 694549 (удостоверение личности); Николай Кулаки, 63 лет, проживающий в г. Одессе, грек по национальности, Средне-Фонтанской дороги, 4 станции, ул. Перекопской дивизии № 23, паспорт № 548272 (удостоверение личности) заявляют, что хорошо знают жителя по Средне-Фонтанской дороге, 4 станции, ул. Перекопской дивизии № 23, Суценко Илью Алексеевича, 1910 г. рождения, украинца по национальности. Как видим, для румын очень важно было подчеркнуть национальную идентичность бывших граждан СССР для того, чтобы нанести удар по советской концепции интернациональности с целью ее дальнейшей дискредитации (1).

В документе упоминаются родители Ильи Алексеевича Сущенко – Алексей и Ольга Сущенко. Особо подчеркнут тот факт, что он не является членом ВКП(б), либо другой враждебной румынскому оккупационному режиму политической организации и «является благонадежным человеком, будучи хорошего поведения, что собственноручными подписями заявляем». Декларация была составлена на румынском языке с переводом на русский. Примар: с. Дмитриевки; Одесской области. Виктор Артамонов удостоверил подписи свидетелей, после прочтения ее им и соответствующего перевода на русский язык (2). Приведенный эпизод с поручительством является отличным свидетельством того, что румынские оккупационные власти тесно взаимодействовали со службами охраны порядка и госбезопасности, введя четкую и продуманную систему контроля над перемещением лиц на подконтрольной им территории. Тот же примар с. Дмитриевки Виктор Артамонов удостоверил письменные свидетельства Андрея Николаевича Кулинича, 48 лет, украинца, проживавшего на станции Ср. Фонтана № 137, и Ковтун Александры Филипповны, 36 лет, украинки, проживавшей на Дерibasовской 10 в отношении Юрия Вячеславовича Бартеньева, 1923 г. рождения, бывшего военнопленного (его отпускной билет № 1242 от 1 сентября 1941 г.), в том, что он «не является ни кандидатом, ни членом ВКП(б), либо какой-нибудь другой политической организации, и является благонадежным человеком, будучи хорошего поведения...» (3).

Отметим, что оба лица были зарегистрированы в 8-м полицейском участке г. Одессы на 1942 г. – то есть местные жители находились под пристальным вниманием румынских спецслужб, которые практически контролировали каждый их шаг.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУМЫНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР В ОККУПИРОВАННОЙ ОДЕССЕ

В тесном контакте с румынскими контрразведчиками действовали германские разведывательные структуры. В Одессе немецкие службы безопасности размещались на ул. Коблевской, 38-40 (полевая жандармерия), ул. Греческой, 45, ул. Троицкой, 1 (гестапо) и на ул. Розы Люксембург (комендатура) [2, с. 193]. Кроме того, в окрестностях Одессы некоторое время действовала «форгруппа морской разведывательной команды абвера по Черному и Азовскому морям» под руководством лейтенанта Бирмана [22, с. 124].

Эта группа была разделена на две части: первая часть абверовцев находилась в Одессе, а другая – выехала в г. Николаев, где располагалась в здании на углу ул. Никольской и Большой Морской улиц, а чуть позже был занят пункт на территории порта. Местом дислокации форгруппы Бирмана в Одессе стала территория в 22 км от города, в районе немецких колоний Страсбург, Баден, Кляйн-Либенталь и Гросс-Либенталь. Немецкие контрразведчики добывали оперативную информацию, проводя допрос пленных красноармейцев и гражданских лиц [22, с. 124].

Сигуранца в Одессе организационно делилась на районную и центральную городскую организации (4) [2, с. 193]. В большом здании на ул. Бебеля, 13-15 располагалась тюрьма сигуранцы, где держали арестованных партизан и подпольщиков, а также всех подозрительных лиц. Начальником Центра № 3 SSI Одессы являлся майор румынской армии Балотеску, позже его сменил капитан Траян Нештиану, в декабре 1942 г. – марте 1944 г. – подполковник Пержу Константин. Весьма активную помощь румынскими контрразведчиками оказывали белогвардейские политэмигранты, которых на Балканах было немало. Николай Аргир, в прошлом – подпоручик Российской Императорской армии, участник Белого движения, а в румынской армии – капитан. Он, являясь заместителем третьего шефа SSI Центра № 3 Одессы, руководил разведывательным отделом. Как отмечает исследователь А. В. Бабич, в его сферу деятельности входили следующие виды агентурной работы:

- подборка, вербовка и подготовка агенты;
- обучение диверсантов и их переброска за линию фронта, либо на случай оставления захваченной территории – в самом городе [2, с. 194].

Следует также упомянуть о контрразведывательном отделе SSI Одессы, которым заведовал капитан Димитриади и «Бюро юридик» под командованием капитана Вадуцы, а также «Бюро саботаж». Как видим, практически все ниши шпионско-диверсионной работы были заняты румынскими разведчиками. Так как продолжались боевые действия на Восточном фронте, Главным Управлением SSI был создан отдел «Агентура

Восточного фронта» «Вултуруй» («Орёл») под командованием майора Курэрау. Его заместителем являлся локотинент белоэмигрант Константин Степанович Харитонов. Штаб-квартирой «Орла» было здание на Французском бульваре в Юнкерском переулке [2, с. 194]. Кроме того, в Одессе функционировал филиал 2-го отдела Генерального штаба Королевства Румыния «Делег Стат Мажор», где держали арестованных советских диверсантов, как правило заброшенных НКВД через линию фронта. Контрразведчики также занимались выявлением участников антифашистского Сопротивления на территории Одесской области [2, с. 194]. О том, как работали румынские контрразведчики во время допросов и выбивания признаний узнаем из документов, связанных с деятельностью одесских партизан и подпольщиков.

Как видим, сигуранца тщательно и последовательно готовилась к длительному противоборству с советскими органами госбезопасности, установив контроль над всеми оккупированными территориями.

ПОДГОТОВКА К РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ И ПОДПОЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЕ В Г. ОДЕССЕ И ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

В августе 1941 г. Одесский обком партии развернул работу по созданию подпольных партийных органов и организации подпольной борьбы в тылу врага. Для борьбы в условиях румынской оккупации Одессы подбирались специальные кадры. При политотделе Приморской армии было создано отделение по работе среди партизанских отрядов и частей Красной Армии, действовавших во вражеском тылу. Это отделение выполняло ряд задач во время обороны города:

- подбирало кадры для партизанских отрядов;
- занималось вопросами вооружения и переброски диверсантов через линию фронта;
- собирало разведданные и передавало их Одесскому обкому партии, областному управлению НКВД и разведке Черноморского флота;
- создало Одесский подпольный обком КП(б)У [18, с. 352-353]; [21, с. 271]; [1, с. 76-77].

Следует сразу отметить, что благодаря созданию подпольного обкома, уже к началу оккупации советские патриоты располагали необходимыми денежными средствами, имели запасы продовольствия и вооружения. 20 августа 1941 г. из частей народного ополчения г. Одессы создается отряд особого назначения. В его состав вошли около 1200 курсантов школы межобластных курсов милиции, сотрудники городских районных отделов милиции и работники милиции, эвакуированные в Одессу из г. Измаила. На эти отряды возлагалась разведывательно-диверсионная работа в тылу врага [4, с. 87].

В конце августа 1941 г. командование Отдельной Приморской армии принимает решение о забросе разведывательно-диверсионных отрядов в тыл румынских войск. Изначально проникнуть во вражеский тыл планировалось через передний край обороны, но плотность румынских войск и контрразведывательные действия румынских спецслужб привели к тому, что реализовать задуманное не удалось. Тогда принимается решение отправить диверсантов морским путем. В ночь на 28 августа 1941 г. на борт канонерской лодки «Кубанец» был погружен специально подготовленный отряд добровольцев – «коммандос». Десант был высажен на пляже между селами Коблево и Аджиаска. Однако румынские разведчики обнаружили диверсантов-добровольцев и предупредили румынское командование. Отряд понес значительные потери и потерял командира Г. М. Цыбульского [21, 120]; [1, с. 184].

Историк С. А. Вольский подтверждает эти слова: «...потери наших войск в восточном секторе обороны были так велики, что удержать занятые рубежи стало невозможно. В батальонах и полках осталось по 35-40 процентов личного состава, а в полку морской пехоты даже еще меньше» [4, с. 85]. Вице-адмирал И. И. Азаров об этом вспоминал следующее: «Защитникам Одессы в это трудное время оказывали помощь советские патриоты, находившиеся в тылу противника. Уже в первые месяцы войны на оккупированной врагом территории стали создаваться партизанские отряды, которые не давали покоя захватчикам. Многие горожане изъявили желание пополнить ряды народных мстителей. Мы помогали им морем перебираться за линию фронта» [1, с. 137-138].

Первоначально действия партизан Одесской области в сентябре 1941 г. имели некоторый успех. Один из партизанских отрядов совершил более 10 нападений на румынские части. Вице-адмирал И. И. Азаров говорит о том, что «партизаны уничтожили более 200 солдат и офицеров, захватив оружие и боеприпасы». Северо-

западнее Одессы проводил боевые операции другой отряд. Ими было разрушено 7 мостов, в 16 местах заминирована дорога на Одессу. На этих минах подорвалось 6 вражеских автомашин с пехотинцами, погибло более 100 вражеских солдат и офицеров. Западнее Одессы оперировали другие антифашистские силы, уничтожившие 17 цистерн с горючим и 2 автоколонны с боеприпасами [1, с. 138].

О том, каким образом румынские спецслужбы противостояли советским разведчикам, свидетельствует ряд изложенных ниже эпизодов. Так, неудачно закончилась попытка воздушной высадки и легализации советских разведчиков в румынском тылу. В ночь на 8 сентября 1941 г. у с. Грицовки Одесской области были сброшены советские разведчики-диверсанты П. Прокопенко и И. Былан. Как свидетельствуют архивные документы ОГА СБУ по Одесской области, советские разведчики должны были действовать на территории Молдавии, в районе Кишинёва. К 16 сентября 1941 г. советским разведчикам удалось дойти до с. Стоянов, где они были задержаны румынскими солдатами. Причина их задержания оказалась банально простой: у них отсутствовали необходимые документы (вероятно, командование не смогло их таковыми обеспечить и поэтому случился провал). Румынское командование разведчиков доставило в Тирасполь, откуда передало в руки сигуранцы (5). После проведенного следствия дело разведчиков передали в военно-полевой суд. 22 сентября 1941 г. Одесский обком КП(б)У принял постановление об упорядочении катакомб и подвалов, где по замыслу партийного руководства, должны были укрываться от артиллерийских обстрелов жители Одессы. До 27 сентября райкомы партии и исполкомы должны были электрифицировать подземелья, оборудовать их вентиляцией, укрепить своды и расширить проходы [4, с. 70-71].

Разведывательно-диверсионные отряды на Одессчине возглавили капитан В. А. Молодцов (Бадаев), секретарь подпольного Пригородного райкома КП(б) С. Ф. Лазарев, члены райкома КП(б) У Л. Ф. Горбель, Н. А. Крылевский, Н. Н. Щерба и др. [3, с. 220-221; 18, с. 254]. В одесских катакомбах создавалась материально-техническая база для обеспечения деятельности подпольных организаций. Это давало возможность существования партизанских отрядов, действовавших в глубоком вражеском тылу. Это была чрезвычайно сложная задача, так как одесские антифашисты боролись ввиду отсутствия лесов [3, с. 221]. Одним из таких эпизодов является организация Пригородным райкомом КП(б)У складов с оружием, боеприпасами и библиотекой [21, с. 220]. Из справки о деятельности Одесского подпольного обкома КП(б) Украины за октябрь 1941 г. – апрель 1943 г. узнаем: «...Подпольному обкому и райкомам были выделены денежные средства в размере 700 рублей (в золотой валюте) и несколько золотых часов. В тайных складах подпольных райкомов было заложено 300 тысяч экземпляров листовок, продовольствие и оружие. ...Деятельность подпольщиков в это время направлялась, наряду с антифашистской агитацией, на осуществление диверсионных заданий – всемерное торможение работы предприятий, особенно тех, которые выпускают военную продукцию; срыв погрузочно-разгрузочных работ на транспорте и срыв ремонта судов, паровозов и вагонов; вывода из строя оборудования; порчу продукции; на воспрепятствование вывозке хлеба, скота и других продуктов сельского хозяйства» [17, с. 211, 212-213].

Для подпольной работы в румынском тылу были отобраны 118 коммунистов, которые составили 29 первичных организаций – «троек». Последние были объединены райкомом Одессы: Ленинским, Воднотранспортным, Ильичевским, Ворошиловским, Приморским и Пригородным [11, с. 132]. В разных районах Одессы в срочном порядке готовятся конспиративные квартиры. Главным местом сосредоточения антифашистской борьбы одесских патриотов становятся местные катакомбы. Послевоенная проверка сотрудниками госбезопасности деятельности: разведывательно-диверсионных подразделений, групп и подпольных организаций, ведущих партизанские действия против румынских оккупантов, выявила 6 партизанских отрядов, 6 подпольно-патриотических организаций и 12 антифашистских подпольных групп с общим количеством участников в 1408 человек (6). Вплоть до января 1944 г. партизанские отряды, разведывательно-диверсионные подразделения, группы и подпольные организации проводили самостоятельно боевые операции и общего руководства не имели (7). Как гласят документы ГДА СБУ, по линии резидентуры НКВД, для осуществления разведывательной и диверсионной работы в тылу врага, были оставлены две резидентуры: первая под руководством сотрудника НКВД СССР В. Молодцова (Бадаева), а вторая под руководством сотрудников УНКВД Кузнецова и «партизанский» отряд (8) Дворецкого (9).

14 октября 1941 г. семь членов Пригородного подпольного райкома КП(б)У во главе с первым секретарем С. Ф. Лазаревым, первым секретарем Овидиопольского подпольного районного комитета партии И. Г. Илюхиным и тремя членами этого райкома ушли в катакомбы в районе с. Усатово. В Нерубайских катакомбах разместился диверсионно-разведывательный отряд, которым возглавил прибывший из Москвы капитан госбезопасности В. А. Молодцов (10). Последний в своем расположении имел 60 винтовок, 7 пулеметов, около тонны тола, 200 гранат, 40 тыс. патронов, радиостанцию, полугодовой запас продовольствия и горючего [21, с. 271-272]. О том, каким образом происходил процесс размещения в катакомбах отряда Молодцова (Бадаева) подробно рассказал в своей книге генерал-полковник инженерных войск А. Ф. Хренов: «Мы (11) тут же двинулись в путь, к старому селу, раскинувшемуся в степи, в двенадцати километрах от города. По преданию, здесь когда-то селились старики запорожцы, которым тяжела стала сабля и не пол силу было рубать врагом. Отсюда и название – Нерубайское. – Предстоит нам встреча с одним человеком, – сказал Иван Ефимович, едва мы отъехали от КП. – Фамилия его Бадаев. Она вам что-нибудь говорит? Достаточно много. Он знакомил меня с катакомбами. Ну и прекрасно. Обсудим с ним ряд вопросов» [28, с. 145].

Первая встреча А. Ф. Хренова с Молодцовым (Бадаевым) произошла в августе 1941 г. – ему позарез нужен был человек, который свободно ориентировался в одесских катакомбах. То, что последний является капитаном госбезопасности, и уполномоченным вести спецоперации против румынских войск, Хренов, естественно не мог знать. Молодцов (Бадаев) привел на встречу с Хреновым двух бывших одесситов, являющихся проводниками по подземному городу. Вчетвером были обследованы катакомбы и, как отмечает Хренов, им был составлен «их подробный план» [28, с. 146]. Далее А. Ф. Хренов упоминает о том, что на той встрече Бадаеву был передан код для взрыва и были согласованы сеансы передачи радиосвязи. Основные задачи разведывательно-диверсионного отряда состояли В. А. Молодцова (Бадаева) состояли в следующем:

- оказывать помощь войскам Одесского оборонительного района (ООР) в обеспечении эвакуации;
- создать опорную базу в Савранских лесах для разведывательно-диверсионного отряда;
- опираясь на опорный пункт вести всевозможные боевые действия против оккупантов.

По сути, отряд Бадаева, представлял собой подразделение городских «герильяс», опираясь на опорные пункты в каменоломнях и в Савранском лесу, он вел боевые действия непосредственно в городе.

Прочие разведывательно-диверсионные группы возглавляли А. Ф. Солдатенко (катакомбы Ильичевского района Одессы), Е. И. Ворошилов, В. Ф. Душечкин (катакомбы поселка Кривая Балка), В. А. Калошин, В. А. Кузнецов (катакомбы под улицей имени Фрунзе) [11, с. 133].

Приведенные нами сведения выше говорят о том, что советские органы госбезопасности использовали природно-географические условия Одессы и Одесской области для развертывания полномасштабной антифашистской борьбы в тылу врага.

Из-за угрозы оккупации Одессы, подпольный обком преступил к уничтожению оборудования, заводских станков, а также к минированию ряда объектов. Всего в городе было установлено свыше 100 мин замедленного действия. Одной из целей будущего взрыва был дом на улице Маразлиевской, где находилось управление НКВД. Минированием этого здания занимался капитан 82-го инженерного батальона Е. М. Пирус. В составе батальона имелся радиотехнический взвод, имеющий оборудование, с помощью которого взрывы совершались на расстоянии [21, с. 272]; [25, с. 73-74]; [26, с. 89-90]. Непосредственно сам взрыв осуществлял взвод лейтенанта Лёха из состава 82-го саперного батальона [28, с. 212]. А вице-адмирал И. И. Азаров упоминает о том, что после 10 октября 1941 г. в Одессе остался военный инженер, полковник Г. П. Кедринский. Именно на него, как указывает вице-адмирал И. И. Азаров в своих воспоминаниях, «после ухода в Севастополь генерала Хренова была возложена подготовка к подрыву всех намеченных к уничтожению объектов» [1, с. 227]. Со своей командой он сумел успешно и скрытно завершить установку мин замедленного действия. Эта установка, управляемая по радио, безотказно сработала через 10 суток. Кроме того, полковник Г. П. Кедринский был ответственен за организацию в последние часы эвакуации Одессы взрыва на городской электростанции [1, с. 253].

После оставления Одессы советскими войсками В. А. Молодцову (Бадаеву) передали код для радиосвязи. Утром 22 октября 1941 г. тот получил радиограмму с кодовой шифровкой «Концерт на Маразлиевской начнется 22-го в 17.30». Об этом, в частности, свидетельствует в своих воспоминаниях генерал-полковник инженерных войск, А. Ф. Хренов: « – В ваш адрес, Аркадий Федорович, радио от Бадаева. ...К пяти часам вечера я уже был в расположении 82-го инженерного батальона и приказал майору Е. М. Пирусу изготовить к действию специальную станцию радиотехнического взвода. Около шести часов (нельзя было ни торопиться, ни опоздать) мы вошли в автофургон, где размещался ТОС. Сержанту, сидевшему за аппаратурой (фамилии его, к сожалению, не помню), приказали установить дублирующий прибор, точно настроенный на заданную волну. Потом я скомандовал: – Сигнал! В эфир вырвалась команда, которую ожидало одно-единственное приемное устройство. В Одессу понеслись позывные мести... Очевидцы рассказывали, что эффект от взрыва был подобен небольшому землетрясению» [28, с. 152].

Как видно, из приведенных выше материалов, взрыв был осуществлен по радиосигналу из Крыма. В результате спецоперации, как уточняют историки О. Трашка и А. Бабич, пострадало 135 румынских солдат и офицеров, в том числе генерал Йон Глугояну (12) [2, с. 241; 43]; [23, с. 93], а не более 100, как утверждали советские научные издания [21, с. 273].

Реакцией на взрыв комендатуры (а кроме того и штаб 10-й пехотной дивизии) на улице Энгельса (Маразлиевской) было то, что румынской оккупационной администрации были развязаны руки: была проведена кампания систематизированного террора, направленного не только против советских активистов, но и евреев города. До 1 января 1942 г. большая часть одесских евреев была депортирована из Одессы румынскими властями и расстреляна.

Первой мерой, направленной на ликвидацию партизанско-подпольного Сопrotивления в Одессе было издание бригадным генералом Петре Думитреску «Приказа №6», в котором говорилось об интересах, «гарантирующих безопасность армии, защиту родины и общественного порядка на территории Транснистрии». Ниже приводятся выдержки из этого приказа, опубликованные в прорумынской «Одесской газете» (13). Этот документ дал румынским контрразведчиками фактически неограниченные возможности в борьбе с движением Сопrotивления.

«II. Правонарушения против войск и представителей оккупационных властей.

Ст. 8. Запрещается прямое посягательство на жизнь и здоровье представителей оккупационных войск и сопровождающего персонала, а также на представителей властей Румынского и Союзных государств. Воспрещается также вооруженное посягательство на средства по снабжению питанием, снарядами и всякого рода материалами, принадлежащими оккупационной армии, правительственных и союзных учреждений.

...

Ст. 11. Запрещаются всякого рода саботаж, забастовки и пассивное сопротивление.

Ст. 12. Запрещаются всякого рода восстания.

III. Шпионаж.

Ст. 13. Запрещаются хранение средств связи для передачи или для приема, как-то: радиоприемники, телефоны, телеграфы, почтовые голуби и т. д. Также запрещается хранение фотографических аппаратов и необходимых к нему материалов.

Ст. 14. Запрещается хранение обнаруженных и найденных гражданскими лицами схем, планов, набросков, рисунков, а также фильмирование или фотографирование построек, убежищ, конвоев, военных колоний, поездов, железнодорожных станций, аэродромов и всяких мест или средств военного транспорта, получение информации, разведывание железных дорог и других средств сообщения...

Ст. 16. Воспрещается содействие побегу, оказание помощи, укрывательство и расквартирование шпионов, парашютистов, агентов террористов (14), сторонников врага, а также пленных.

Ст. 17. Запрещается пользоваться чужим именем с целью подпольной работы, направленной против безопасности армии...

IV. Ношение оружия.

Ст. 18. Запрещается ношение и хранение всякого рода оружия как действующего, так и испорченного, хранение взрывчатых веществ и боевых запасов.

... Ст. 23. Всякий, кто будет нападать с оружием в руках на войска или местное население, будет расстрелян на месте» (15).

Автором настоящего исследования были обнаружены документы в Государственном архиве Одесской области, которые свидетельствуют об умелой работе румынских спецслужб, направленной на выявление и постепенную ликвидацию отряда В. А. Молодцова (Бадаева). О том, каким образом румынские спецслужбы вышли на след разведывательно-диверсионной группы В.А. Молодцова (Бадаева) официальная советская историография выдвинула несколько версий.

Согласно одной из версий, которую выдвинули писатели В. Голанд и В. Желтов, первым тревожным сигналом, относительно того, как румынские контрразведчики напали на след советских патриотов, явился тот факт, что капитан румынской сигуранцы (SSI; ССИ) Николау Аргир (16) [6, с. 80] завербовал сторожа палеонтологического музея, репрессированного до войны советской властью за спекуляцию. Он рассказал Аргире, во-первых, о встрече Бадаева с руководством одесского партактива в музее в последние дни эвакуации. А во-вторых, Аргир получил от новоявленного агента «Горбуна» (под такой кличкой выводят авторы книги агента из-за врожденного физического недуга) папку с картами Дальнических катакомб. Наконец, в-третьих, сторож музея дал Аргире наводку на санаторий имени Дзержинского, где бадаевцы формировали разведывательно-диверсионный отряд [6, с. 52].

Писатель Г. М. Корольков отмечает, что для подпольщиков наступили темные времена, когда из Бухареста прибыли по заданию румынского генерального штаба агенты сигуранцы (SSI; ССИ), управления разведки Восточного фронта – полковник Георгия Ионеску, Ион Курерару и капитан Николау Аргир [12, с. 52]. В прошлом все указанные лица были сотрудниками белогвардейской контрразведки. Георгию Ионеску – Георгий Андреевич Иванов, Ион Курерару – Иван Степанович Кунин (17) и уже известный нам Николау (Николай) Аргир [12, с. 55]. Они завербовали некоего Фрибта, по версии Г. Королькова, однако советские подпольщики его ликвидировали [12, с. 59-61].

Антон Брониславович Федорович, он же Петр Иванович Бойко, решил легализоваться во время оккупации Одессы румынской армией [6, с. 100-101]. Накануне начала войны он работал директором областной конторы Украинского культурга в г. Измаиле [12, с. 63]. Так как он заведовал продовольственным магазином областного управления НКВД по Одесской области, партактив рекомендовал его на подпольную работу [12, с. 65]. Став хозяином слесарной мастерской, он взял на работу Якова и Алексея Гордиенко, помощников В. А. Молодцова, в качестве прикрытия на работу. Свою супругу, «Жеку», он устроил на работу в качестве буфетчицы в ресторан «Ша Нуар», для добычи сведений из уст румынских офицеров, любивших посещать такие богемные места [6, с. 101]. Петра Ивановича Бойко на допрос в гестапо вызвал румынский офицер. Там состоялась его вербовка как агента. Следователь потребовал от него биографические данные разведчиков, родственные и политические связи, должностные обязанности членов отряда В. А. Молодцова (Бадаева) [6, с. 102].

П. И. Бойко выдал фамилии, имена разведчиков и подпольщиков, адреса явочных квартир, количество и состояние людей в катакомбах, наличие боеприпасов, оружия, запасы продовольствия и пытался добыть шифр радиосвязи с Москвой [6, с. 138-139, 190]. У входа в катакомбы румынские контрразведчики использовали пеленгаторы, с целью засечь сигнал бадаевцев. Хотя им это не удалось, он все же вынудили Бадаева перенести рацию в более безопасное место [6, с. 115]. В самих каменоломнях у Бадаева случился конфликт с Петром Мурзовским, его заместителем [6, с. 119]. Он злоупотреблял алкоголем, нарушал не раз дисциплину в отряде, из-за него прервалась связь с Москвой и погиб радист. Очутившись в условиях катакомб, последний пытался дезертировать, но был схвачен [6, с. 125]. Кроме того, румынские войска установили круглосуточную блокаду катакомб, заваливали колодцы, служившие для антифашистов входом, пускали в катакомбы ядовитые газы, бетонировали входы и выходы [3, с. 221].

Согласно другой версии, которую выдвинул писатели Г. М. Корольков и М. С. Канюка в 1968 и 1979 гг. [12]; [10], сигуранцей был завербован некто Садовой (у Королькова Фрибта). Он указал на одну из конспиративных

квартир, официальное назначение которой было ремонт примусов и керосинок, хозяином которой, был связанный со спецгруппой В. А. Молодцова (Бадаева) Петр Иванович Бойко (18), старший лейтенант Красной Армии [10, с. 48, 51]. Возвращаясь в свою мастерскую, он был задержан агентом сигуранцы и был допрошен следователем по особо важным делам Ионом Курерару [10, с. 52; 63]; [12, с. 67-69]. На допросе Бойко избили и сломали, принудив стать осведомителем разведки. А так как знал он очень много, то в скором времени начал не только выдавать списки советских разведчиков, но и помогать устранять последних лично. Бойко (Федорович) приказал подпольщику Г. Любарскому ликвидировать связного В. Молодцова (Бадаева) Николая Горового [12, с. 72-73] в январе 1942 года. Последний видел, как командира отряда Бойко вели в сигуранцы на допрос и тот вернулся назад. Бойко поспешил убрать ненужного свидетеля.

В архивном деле имеется подтверждение данной версии, в частности там говорится о том, что в партизанский отряд командира Бадаева был внедрен румынский агент Бойко (19). На одной из явочных квартир арестовали Бадаева и Якова Гордиенко. Причем при аресте дом партизан был окружен плотным кольцом оцепления, и тут же были выставлены пулеметы.

Гордиенко посадили в общую камеру вместе с Бадаевым. Согласно архивному источнику, их водили по несколько раз на допрос и пытки. Причем румынские контрразведчики пытали его по несколько часов. Один из способов пытки, применявшейся сигуранцей, назывался «самолет». Румыны снимали у арестованного с ног ботинки, связывали ноги, потом стягивали руки вокруг согнутых в коленях ног и между ними пропускали водопроводную трубу. Концы трубы агенты сигуранцы устанавливали в специальных гнездах на двух высоких табуретах. При этом тело допрашиваемого сгибалось и начинало покачиваться между спинками пыточных станков, причем как правило голова начинала касаться пола. Испытуемого били как правило резиновыми палками по ягодицам и подошвам ног, при этом, зачастую люди теряли сознание (20).

В камере Гордиенко узнал, что Бадаева пытали на электрическом стуле, однако добиться от него признаний румынам не удалось. Из тюрьмы Гордиенко удалось передать на свободу письма. Из одного из писем мы узнаем, как работала система допросов в румынских тюрьмах: Гордиенко водили на допрос три раза, и били на протяжении 4-5 часов. Во время одного из избиений он три раза терял память, и один раз сознание. Для битья туловища использовали резину, опутанную тонкой проволокой, грабовой палкой длиной в полтора метра, а для нанесения побоев по жилам – резиновую палочку. От таких избиений у Гордиенко остались шрамы на ногах и выше. Он на время потерял слух (21).

Сбежать из тюрьмы, где содержали Я. Гордиенко не было возможности: их задумке помешало попытка бегства уголовных заключенных тюрьмы. Однако румыны предупредили их бегство и задержали уголовников (по всей видимости у них были информаторы внутри тюремного контингента, которые сообщали о планах узников, их перемещении и других важных моментах). Якова Гордиенко, одесского патриота-партизана приговорили к расстрелу и вывезли из тюрьмы на Стрельбичное поле, где расстреляли в 1942 году (22).

Сам же В. А. Молодцов (Бадаев) был арестован вместе с частью товарищей в ночь на 9 февраля 1942 г. на конспиративной квартире Бойко. 11 февраля 1942 г. сигуранца схватила его связных-подпольщиков, действующих в городе (23); [2, с. 252]. 12 июля 1942 г. В. А. Молодцов (Бадаев) был расстрелян румынскими оккупантами. С помощью бывших членов его отряда, вставших на путь предательства, румыны в июне – начале июля 1942 г. периодически прочесывали Одесские катакомбы и обнаружили место дислокации отряда, тайники с оружием и взрывчаткой, а также сейф с секретными документами [2, с. 254]. Судьба отряда В. А. Молодцова (Бадаева) была весьма трагичной: из 73 участников двух разведывательно-диверсионных отрядов, действовавших под началом Молодцова (Бадаева) 41 человек был арестован сигуранцей и расстрелян, 2 покончили собой в тюрьме, не выдержав пыток, двое погибли в бою, остальные, подвергнутые страшным истязательствам, лишь чудом удалось выжить (среди них были и те, кто, не сдержавшись от страшной боли, перешли на сторону врага) [11, с. 141-142]; [13]; [18, с. 355-356]; [19, с. 354-355]; [20, с. 244-243]; [24, с. 333-334].

Таким образом, в операции по ликвидации отряда советских разведчиков-диверсантов и одесских подпольщиков, румынские контрразведчики добились следующего:

- выявления, вербовки и создания сети осведомителей и информаторов, которые помогали предугадывать действия антифашистских сил;
- добыли карту Одесских каменоломен, заблокировали их входы и выходы;
- установили круглосуточное наблюдение за конспиративной квартирой В. А. Молодцова (Бадаева).

В ноябре 1941 г. в с. Александровка Овидиопольского района член ВКП(б) В. И. Сергиенко организовал небольшую подпольную группу. Организация быстро росла и привлекала в свои ряды все новых и новых членов: к концу декабря 1941 г. их численность уже превышала 40 человек. Подпольщики сосредоточили свои усилия на трех традиционных для тайных организаций направлениях: агитационно-пропагандистской работе, заготовке оружия и подготовке восстания против румынских захватчиков. Однако уже в октябре 1942 г. сигуранце удалось арестовать руководителя организации В. И. Сергиенко и тем самым свести на нет активность подпольщиков: новому главе организации Г. С. Николенко так и не удалось вывести их работу на прежний уровень. Пройдет еще ровно год, и румынские контрразведчики нападут на след членов группы Николенко. Все члены организации были арестованы и как боевая единица подпольная группа Николенко перестала существовать (24). В тюрьме участники подпольной группы подвергали жесточайшим пыткам и допросам, в результате чего часть подпольщиков перед приходом Красной Армии была расстреляна, а другая угнана румынами в район Гросулова и их дальнейшая судьба неизвестна. Сергиенко удалось сбежать из румынской тюрьмы, присоединиться к партизанскому отряду имени Сталина, действовавшему в районе Одессы. В дальнейшем он был заброшен в Карпаты, на помощь словацким повстанцам и в боях с немцами погиб (25).

СПОСОБЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ БОРЬБЫ СИГУРАНЦЫ С СОВЕТСКИМ АНТИФАШИСТСКИМ СОПРОТИВЛЕНИЕМ

Итогом деятельности румынской разведслужбы к 1942 г. явилось сокращение активности советских сил антифашистского Сопротивления. Еще накануне захвата г. Одессы в октябре 1941 г. румынское командование обладало сведениями о том, что в катакомбах может быть организовано партизанское движение.

В качестве примера можно также привести сведения о деятельности так называемых лжепартизанских и лжеподпольных групп, в реальности выполнявших задания румынской разведки. Так, при проведении проверки Управлением МГБ по Одесской области было установлено, что в период румынской оккупации Одессы не существовало подпольной антифашистской организации С. В. Тимошкова, уроженца г. Могилева, бывшего военнопленного (попал в немецкий плен в районе Днепропетровска в конце лета 1941 г.). Тимошков и его соратники Файн, Виншель, Зайцев, Сукач и Асмолов были завербованы сигуранцей. Следует отметить, что выполняли они свою работу достаточно продуктивно: Тимошков с соратниками, являясь якобы руководителем подпольного горкома партии, поддерживал связь с подпольными организациями г. Одессы, выявляя таким образом советских патриотов и выдавая их сигуранце, которая их немедленно расстреливала. Используя группу Тимошкова в своих целях, румынские разведчики арестовали и расстреляли Файна. Виншель, Зайцев, Сукач и Асмолов после освобождения Одессы были арестованы и осуждены к различным срокам наказания.

Судьба Тимошкова достаточно интересная: ему удалось избежать наказания как со стороны румынской разведки, так и советской: когда УМГБ Одессы арестовало нескольких главарей лжепартизанских групп, Тимошков использовал это обстоятельство в своих целях. Чтобы реабилитировать себя и скрыть результаты своей деятельности, он стал уговаривать руководителей других подпольных групп предоставить ему отчет об их деятельности. Получив необходимые документы, он составил обобщающий отчет, где выставил себя активным участником антифашистской борьбы, включив в эти данные также сведения о лицах, которые никоим образом не были причастны к партизанско-подпольному движению на территории Одесской области. Подделанный отчет Тимошков предоставил в Одесский обком КП(б)У. Однако улизнув от партийной проверки, Тимошков попал в поле зрения 5 отдела УМГБ по Одесской области и разрабатывался по версии его причастности к вражеской контрразведке (26).

Что же касается отношений Тимошкова как агента сигуранцы, то можно заключить, что к моменту освобождения Одессы румынская контрразведка практически прекратила свою работу в пределах города и области, оставив его только в качестве своего осведомителя. Когда Тимошков обратился в советские органы госбезопасности, можно предположить, что он стал двойным агентом. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Несмотря на значительные потери среди советских разведчиков, диверсантов и подпольщиков Одессы и Одесской области, патриоты продолжали борьбу с захватчиками. Румынам так и не удалось окончательно уничтожить антифашистское Сопротивление, в частности полностью перекрыть каналы связи с Москвой. Планомерная политика освобождения захваченных территорий не дала возможность в полной мере развернуть репрессивную машину сигуранцы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги деятельности румынских спецслужб в деле борьбы против антифашистского Сопротивления в Одессе и Одесской области можно констатировать следующее.

Румынской разведкой была установлена тщательная и весьма продуманная система слежки и контроль за передвижением населения. Эта система включала в себя изъятие у населения, в частности, теле- фото- и радиоаппаратуры, позволявшей добывать информацию извне, копировать и передавать советским органам госбезопасности разведанные.

Сигуранца смогла внедрить в окружение советских разведчиков их бывших коллег, по разным причинам ставших на путь сотрудничества с врагом (в частности, в результате запугивания, личной выгоды, в элементарном стремлении выжить, спасти своих близких, личной неприязни к своим бывшим сослуживцам, враждебном отношении к советскому строю, и т. д.).

Румынские контрразведчики использовали завербованных советских граждан не только в качестве информаторов, но и как «радио-кротов», посылавших искаженные разведанные в Москву с целью дезинформации, а также для обнаружения складов с оружием и боеприпасами, снаряжением. В этой радиоборьбе румынские разведчики не добились существенного результата, но снизили активность советских патриотов вплоть до конца 1943 года.

В разведывательной работе румынские спецслужбы опирались не только на бывших советских активистов, партийных функционеров, но и весьма активно использовали российских белогвардейцев и украинских националистов, организации которых были широко представлены в Одессе. Используя межнациональные, политические и идеологические разногласия между этими группировками, сотрудники сигуранцы не только добывали разведанные об СССР, но и о состоянии дел в нацистской Германии, Венгрии, Словакии и других странах «Оси».

Следует отметить, что несмотря на значительные потери среди советских разведчиков, диверсантов и подпольщиков Одессы и Одесской области, патриоты продолжали борьбу с захватчиками. Румынам так и не удалось окончательно уничтожить антифашистское Сопротивление, в частности полностью перекрыть каналы связи с Москвой. Планомерная политика освобождения захваченных территорий не дала возможность в полной мере развернуть репрессивную машину сигуранцы.

После освобождения Одессы и дальнейшего хода Великой Отечественной войны румынские разведывательные структуры полностью не были ликвидированы коммунистическими властями страны. Безусловно, какая-то часть разведчиков бежала на Запад и предложила свои услуги англосаксонскому блоку, но значительная часть осталась в Румынии и была реорганизована в секуриате.

Примечания

1. Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.
2. Там же.
3. ГАОО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 3. Л. 61.
4. Здание на ул. Пушкинской, 27.
5. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины по Одесской области (далее ОГА СБУ по ОО). Ф. 62. Оп. 3. Д. 43. Л. 17.

6. ОГА СБУ по ОО. Ф. 62. Оп. 3. Д. 37. Л. 241
7. Там же. Л. 242.
8. Отряд скорее всего являлся разведывательно-диверсионным.
9. ОГА СБУ по ОО. Ф. 62. Оп. 3. Д. 37. Л. 241
10. Оперативный псевдоним – Павел Александрович Бадаев (по фамилии жены).
11. Также имеется в виду генерал-майор Иван Ефимович Петров, командующий Приморской армией.
12. Иначе Глогожану.
13. Одесская газета. 1941. 24 декабря. № 20. С. 4.
14. В статье 16 имеются в виду советские разведчики-диверсанты, действовавшие в тылу врага. «Террористами» румыны именовали всех своих антагонистов.
15. Одесская газета. 1941. 24 декабря. № 20. С. 4.
16. Капитан румынской сигуранцы (SSI; ССИ) **Николау Аргир** – также был известен как Николай Васильевич Кочубей, Николай Васильевич Галушко, Николай Васильевич Колесниченко и Николай Петрович Глушко, фигурировал в донесениях советских патриотов под кличкой «Фукс». Н. Аргир коренной одессит, который бежал после разгрома белых в 1920 г. в Турцию, откуда перебрался в Кишинев и поступил на службу в SSI.
17. Также имеются версии Степанов, Васильев.
18. Он же Антон Брониславович Федорович.
19. Этот человек нам уже знаком под именем Антона Брониславовича Федоровича.
20. ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 225. Л. 2.
21. Там же. Л. 3.
22. Там же. Л. 4.
23. ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 100-103.
24. Там же. Л. 1.
25. Там же.
26. ОГА СБУ по ОО. Ф. 62. Оп. 3. Д. 37. Л. 245.

Список литературы

1. *Азаров И. И.* Осаждённая Одесса: о героической обороне Одессы в 1941 г. Одесса: Маяк, 1975. Изд. 3-е, доп. и перераб. – 260 с.
2. *Бабич А. В.* Одесса 1941–1944. Пережить оккупацию. Одесса: Черноморье, 2020. – 592 с.
3. *Бычков Л. Н.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 (краткий очерк). М.: Мысль, 1965. – 454 с.
4. *Вольский С. А.* Великий подвиг. Київ: Політиздат України, 1967. – 232 с.
5. *Вольский С. А.* В одесских катакомбах // Герои подполья. О подпольной работе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1970. Вып. 1. 3-е изд., испр. и доп. С. 292-331.
6. *Голанд В. Я., Желтов В. И.* Владимир Молодцов. Докум. повесть. М.: Молодая гвардия, 1974. – 192 с.
7. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 (в 6 т.) / под ред. П. Н. Поспелова. М.: Воениздат, 1961. Т. 2. 684 с.
8. История Румынии нового и новейшего времени / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Наука, 1964. – 408 с.
9. История Румынии, 1918–1970 / отв. ред. Н.И. Лебедев, А.А. Язькова. М.: Наука, 1971. – 742 с.
10. *Канюка М. С.* Мужество: (О Герое Советского Союза В. А. Молодцове). М.: Политиздат, 1979. – 79 с.
11. *Карев Г. А.* Одесса – город-герой. М.: Воениздат, 1978. – 176 с.
12. *Корольков Г. М.* В катакомбах Одессы. Докум. повесть. М.: Молодая гвардия, 1968. – 176 с.
13. *Костин Н.* Герои огненных лет: очерки о москвичах – Героях Сов. Союза / [Ин-т истории СССР АН СССР и др.; редкол.: А. М. Синицын (отв. ред.) и др.]. М.: Моск. рабочий, 1975. – Кн. 5. – 1982. – 671 с.
14. *Лебедев Н. И., Карпещенко Е. Д.* История Румынской Народной Республики: (Краткий очерк). М.: Изд-во «Междунар. отношения», 1964. – 239 с.
15. *Лебедев Н. И.* Падение диктатуры Антонеску. М.: Изд-во «Междунар. отношения», 1966. – 479 с.
16. *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М.: Наука, 1976. – 632 с.
17. Одесская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы / сост. Н. И. Зотов, И. В. Гречуха, Е. И. Цымбал. Одесса: Маяк, 1970. – 388 с.
18. Очерки истории Одесской областной партийной организации / отв. ред. Г. Д. Максименко. – Одесса: Маяк, 1981. – 539 с.
19. *Перов А.* Подвиг чекиста // Люди легенд / сост. В. Павлов, Н. Полтораков, И. Селищев. М.: Политиздат, 1966. Вып. 2. С. 340-356.
20. Подвигом прославленные: Герои Советского Союза – партизаны и подпольщики Украины в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. В. Н. Немятый, Д. Ф. Григорович, П. И. Денисенко, В. А. Замлинский; [пер. с укр. Л. П. Жаровой]. Киев: Политиздат Украины, 1985. – 382 с.
21. 73 героических дня: Хроника обороны Одессы в 1941 году / под ред. С. А. Вольского. Одесса: Маяк, 1988. 3-е изд., перераб. и доп. – 320 с.
22. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны: [Сб. док] / сост.: А. В. Валякин, А. А. Кохан. Симферополь: Главное управление СБУ в АР Крым, 2011. – 656 с.
23. *Трашка О.* Оккупация Одессы румынской армией и уничтожение еврейского населения, октябрь 1941 – март 1942 года // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 3. С.

86-123.

24. Украинская СССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.: В 3-х т / отв. ред. П. Т. Тронько, П. М. Кострыба, И. Д. Назаренко, П. М. Шморгун. – Киев: Политиздат Украины, 1975. Т. 1. – 544 с.
25. *Фадеев А. В.* Подвиг Одессы. М.: Политиздат, 1960. – 79 с.
26. *Фадеев А. В.* Подвиг Одессы. М.: Политиздат, 1963. – 3-е изд., перераб. и доп. – 96 с.
27. *Филипенко А.* Румунські спецслужби у ХХ столітті: від Сігуранци до Секуритате. – [Частина 2](#).
28. *Хренов А. Ф.* Мосты к победе. М.: Воениздат, 1982. – 349 с.
29. *Weinberg G. L.* Germany, Hitler, and World War II: Essays in Modern German and World History. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 347 p.
30. *White G. W.* Nationalism and Territory. Constructing Group Identity in Southeastern Europe. Lanham: Rowman & Littlefield, 2000. – 309 p.

Информация об авторе

Иванов Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник ГБУ Республики Крым «Центральный музей Тавриды», отдел «Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. Концлагерь «Красный», с. Мирное, Симферопольский район, Республика Крым, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Иванов Вячеслав Александрович, e-mail: slavik1855@gmail.com

SPECIAL SERVICES: HISTORY AND MODERNITY

Original Paper

Activities of Romanian special services on the territory of Odessa region during the Great Patriotic War

Vyacheslav A. Ivanov ¹ ✉

¹ *State Budget Institution of the Republic of Crimea «Central Museum of Tavrida», Simferopol – village Mirnoe, Simferopol region, Republic of Crimea, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0994-3817>, e-mail: slavik1855@gmail.com*

Abstract:

In Russian historiography, little is known about the confrontation between the Soviet and Romanian intelligence services during the Great Patriotic War. Many books and dissertations have been published about the secret operations against Nazi Germany performed by the special services of the countries of the anti-Hitler coalition, but amount of information about the allies of the Third Reich is barely comparable. The Kingdom of Romania, together with Germany, participated in the armed aggression against the Soviet Union. There were two intelligence structures of Romania involved into the fight with partisans and underground fighters in the occupied territory: the secret security police of the Kingdom of Romania – Sigurans (from Romanian siguranță – security) and the Special Intelligence Service (Serviciul Special de Informații, SSI). Geographically, their activities covered Bukovina, Bessarabia, Transnistria (Vinnitsa, Odessa, Nikolaev regions of the Ukrainian SSR and the left-bank part of the Moldavian SSR), as well as the Crimea, Kuban and the North Caucasus. The article analyzes the work methods of the Romanian special services based on unpublished documents (Funds of the State Archive of the Odessa Region, Branch State Archive of the Security Service of Ukraine for the Odessa Region). It is necessary to highlight the following aspects of their activities: shadowing, surveillance, conspiracy, recruitment, infiltration, isolation, the creation of pseudo-partisan and pseudo-underground anti-fascist groups. Their work's purpose was to eliminate the anti-fascist resistance in the occupied Odessa region. An analysis of the problem, outlined in the publication, allows us to say that during the Great Patriotic War the anti-fascist resistance forces clashed with the trained intelligence structures of Romania. The defeat of the Romanian intelligence clearly demonstrates the

strength of the partisan underground and shows the incredible efforts that were required from the Soviet patriots to achieve this victory.

Keywords:

Great Patriotic War, Siguranza, Abwehr, Gestapo, SD, counterintelligence activities, NKVD, NKGB, partisans, underground movement, reconnaissance and sabotage group

References

1. Azarov I. I., 1975, *Osazhdjonnaja Odessa: o geroicheskoj oborone Odessy v 1941 g.* [Besieged Odessa: about the heroic defense of Odessa in 1941]. Odessa: Mayak, 1975. – ed. 3rd, add. and reworked. – 260 p. (In Russ.)
2. Babich A. V., 2020, *Odessa 1941–1944. Perezhit' okkupaciju* [Odessa 1941–1944. To survive the occupation]. Odessa: Black Sea, 2020. – 592 p. (In Russ.)
3. Bychkov L. N., 1965, *Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 (kratkij ocherk)* [Partisan movement during the Great Patriotic War 1941–1945 (brief essay)]. Moscow: Thought, 1965. – 454 p. (In Russ.)
4. Volsky S. A., 1967, *Velichnij podvig* [Great feat]. Kiev: Politizdat of Ukraine, 1967. – 232 p. (In Ukrainian).
5. Volsky S. A., 1970, *V Odesskih katakombah.* – In: *Geroi podpol'ja. O podpol'noj rabote sovetskih patriotov v tylu nemecko-fashistskih zahvatchikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [V Odesskih katakombah // Heroes of the underground. About the underground work of Soviet patriots in the rear of the Nazi invaders during the Great Patriotic War]. Moscow: Politizdat, 1970. – Issue. 1. – 3rd ed., Rev. and additional – Pp. 292-331. (In Russ.)
6. Goland V. Ya., Zheltov V. I., 1974, *Vladimir Molodcov. Dokum. povest'* [Vladimir Molodtsov. Dokum. Story]. Moscow: Young Guard, 1974. – 192 p. (In Russ.)
7. *History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945 in 6 volumes, 1961* [Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza 1941–1945 v 6 t.] / ed. P. N. Pospelova. Moscow: Military Publishing House, 1961. – T. 2. – 684 p. (In Russ.)
8. *Istorija Rumynii novogo i novejshego vremeni* / otv. red. V. N. Vinogradov [History of Romania of modern and modern times / otv. ed. V. N. Vinogradov]. Moscow: Nauka, 1964. – 408 p. (In Russ.)
9. *Istorija Rumynii, 1918–1970, 1970*, [History of Romania, 1918–1970] / otv. ed. N. I. Lebedev, A. A. Yazkova. Moscow: Nauka, 1971. – 742 p. (In Russ.)
10. Karev G. A., 1978, *Odessa – gorod-geroj* [Odessa is a hero city]. Moscow: Military Publishing, 1978. – 176 p. (In Russ.)
11. Kanyuka M. S., 1979, *Muzhestvo: (O Geroe Sovetskogo Sojuza V. A. Molodcove)* [Courage: (About the Hero of the Soviet Union V. A. Molodtsov)]. Moscow: Politizdat, 1979. – 79 p. (In Russ.)
12. Korolkov G. M., 1968, *V katakombah Odessy. Dokum. povest'* [In the catacombs of Odessa. Dokum. story]. Moscow: Young Guard, 1968. – 176 p. (In Russ.)
13. Kostin N., 1985, *Heroes of fiery years: ocherki o moskvichah – Gerojah Sov. Sojuza* [Heroes of fiery years: essays on Muscovites – Heroes of Owls. Union] / editorial board: A. M. Sinitsyn (responsible editor) and others. Moscow: Mosk. worker, 1975. – Book. 5. – 1982. – 671 p. (In Russ.)
14. Lebedev N. I., Karpeshhenko E. D., 1964, *Istorija Rumynskoj Narodnoj Respubliki: (Kratkij ocherk)* [History of the Romanian People's Republic: (Brief sketch)]. Moscow: Publishing house «Mezhdunar. relations», 1964. – 239 p. (In Russ.)
15. Lebedev N. I., 1966, *Padenie diktatury Antonesku* [The fall of the dictatorship of Antonescu]. Moscow: Publishing house «Mezhdunar. relations», 1966. – 479 p. (In Russ.)
16. Lebedev N. I., 1976, *Krah fashizma v Rumynii* [The collapse of fascism in Romania]. Moscow: Nauka, 1976. – 632 p. (In Russ.)
17. *Odesskaja oblast' v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy* [Odessa region in the Great Patriotic War 1941–1945. Documents and materials] / comp. N. I. Zotov, I. V. Grechukha, E. I. Tsymbal. Odessa: Mayak, 1970. – 388 p. (In Russ.)
18. *Ocherki istorii Odesskoj oblastnoj partijnoj organizacii* [Essays on the history of the Odessa regional party organization / ed. ed. G. D. Maksimenko]. Odessa: Mayak, 1981. – 539 p. (In Russ.)
19. Perov A., 1966, *Podvig chekista.* – In: *Ljudi legend* / sost. V. Pavlov, N. Poltorakov, I. Selishhev [The feat of the security officer // People of legends / comp. V. Pavlov, N. Poltorakov, I. Selishchev]. Moscow: Politizdat, 1966. – Issue. 2. – Pp. 340-356. (In Russ.)
20. *Podvigom proslavlennye: Geroi Sovetskogo Sojuza – partizany i podpol'shiki Ukrainy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* / otv. red. V. N. Nemjatyj, D. F. Grigorovich, P. I. Denisenko, V. A. Zamlinskij; [per. s ukr. L. P. Zharovoj] [Glorified by the feat: Heroes of the Soviet Union - partisans and underground fighters of Ukraine during the Great Patriotic War / ed. ed. V. N. Nemyaty, D. F. Grigorovich, P. I. Denisenko, V. A. Zamlinsky; [per. from Ukrainian L. P. Zharovoy]. Kiev: Politizdat of Ukraine, 1985. – 382 p. (In Russ.)
21. *73 geroicheskikh dnja: Hronika oborony Odessy v 1941 godu* [73 heroic days: Chronicle of the defense of Odessa in 1941], 1988, / ed. S. A. Volsky. Odessa: Mayak, 1988. – 3rd ed., Revised. and add. – 320 p. (In Russ.)
22. *Struktura i dejatel'nost' organov germanskoj razvedki v gody Vtoroj mirovoj vojny:* [Sb. dok] [The structure and activities of German intelligence agencies during the Second World War: [Sat. doc], 2011, / comp.: A. V.

- Valyakin, A. A. Kokhan. Simferopol: Main Directorate of the Security Service of Ukraine in the Autonomous Republic of Crimea, 2011. – 656 p. (In Russ.)
23. Trashka O., 2010, Okkupacija Odessy rumynskoj armiej i unichtozhenie evrejskogo naselenija, oktjabr' 1941 – mart 1942 goda [The occupation of Odessa by the Romanian army and the extermination of the Jewish population, October 1941 – March 1942]. – *Journal of Russian and East European Historical Research*. 2010. № 3. Pp. 86-123. (In Russ.).
 24. *Ukrainskaja SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Sojuza 1941–1945 gg.: V 3-h t /* otv. red. P. T. Tron'ko, P. M. Kostryba, I. D. Nazarenko, P. M. Shmorgun [Ukrainian USSR in the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945: In 3 volumes / otv. ed. P. T. Tronko, P. M. Kostryba, I. D. Nazarenko, P. M. Shmorgun]. Kiev: Politizdat of Ukraine, 1975. – T. 1. – 544 p. (In Russ.).
 25. Fadeev A. V., 1960, *Podvig Odessy* [The feat of Odessa]. Moscow: Politizdat, 1960. – 72 p. (In Russ.)
 26. Fadeev A. V., 1963, *Podvig Odessy* [The feat of Odessa]. Moscow: Politizdat, 1963. 3-e izd., pererab. i dop. – 96 p. (In Russ.)
 27. Filipenko A., 2020, *Pumuns'ki specsłużhbi u HH stolitti: vid Siguranci do Sekuritate*. [Chastina 2](#) [Roman special services at the XX century: from Sigurantsi to Sekuritate. Part 2]. (In Ukrainian)
 28. Hrenov A. F., 1982, *Mosty k pobede* [Bridges to victory]. Moscow: Military Publishing, 1982. – 349 p. (In Russ.)
 29. Weinberg G. L., 1996, *Germany, Hitler, and World War II: Essays in Modern German and World History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 347 p. (In English)
 30. White G. W., 2000, *Nationalism and Territory. Constructing Group Identity in Southeastern Europe*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2000. – 309 p. (In English)

Information about the author

Vyacheslav A. Ivanov, Cand. Sci. (History), Junior researcher, State Budget Institution of the Republic of Crimea «Central Museum of Tavrida», Department Memorial to the victims of the fascist occupation of Crimea 1941–1944, Concentration camp «Krasny», Simferopol – village Mirnoe, Simferopol region, Republic of Crimea, Russian Federation.

Corresponding author

Vyacheslav A. Ivanov, e-mail: slavik1855@gmail.com

Наука. Общество. Оборона
2022. Т. 10. № 4

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2022. Vol. 10. № 4

УДК: 546.98

DOI: 10.24412/2311-1763-2022-4-32-32

Поступила в редакцию: 03.04.2022 г.

Submitted: April 3, 2022

Опубликована: 10.10.2022 г.

Published online: October 10, 2022

Для цитирования: Стрелец М. В. Принеманье в истории Восточной Европы [Рецензия на кн.: Карев Д.В., Дудько А.Д. Принеманье: история и люди в национальном и европейском контексте. – Гродно: ЮрСаПринт, 2021. – 268 с.] // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, №4(33). С. 32-32. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-32-32>.

For citation: Strelets M. V. Prinemanie in the History of Eastern Europe [Review: Karev D.V., Dudko A.D. Prinemanie: history and people in the national and European context. Grodno: YurSaPrint, 2021. – 268 p.] – *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense. Moscow. 2022;10(4):32-32. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-32-32>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2022 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2022 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

ИСТОРИОГРАФИЯ

Рецензия

Принеманье в истории Восточной Европы

Карев Д. В., Дудько А. Д. Принеманье: история и люди в национальном и европейском контексте. – Гродно: ЮрСаПринт, 2021. – 268 с.

Михаил Васильевич Стрелец ¹ ✉

¹ Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Республика Беларусь,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1593-7202>, e-mail: mstrelez@mail.ru

Аннотация:

Вниманию читателей предлагается рецензия на монографию «Принеманье: история и люди в национальном и европейском контексте». Её авторы – доктор исторических наук, профессор, профессор факультета искусств и дизайна Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (ГрГУ) Дмитрий Владимирович Карев и его дочь – кандидат исторических наук, доцент, доцент филологического факультета ГрГУ Анастасия

Дмитриевна Дудько. Главный вывод рецензента: наличие серьёзного научного исследования. Он сделан на основании скрупулёзного разбора всех шести разделов рецензируемого труда.

Ключевые слова:

Принеманье, Гродно, Городенское княжество, Чёрная Русь, Западная Беларусь, Литва, Польша, Россия, историко-культурное наследие, монография, наука, рецензия, экспертиза

Обложка книги

Когда 2021-й год подходил к своему завершению, в Гродно была издана монография «Принеманье: история и люди в национальном и европейском контексте» [1]. Её авторы – доктор исторических наук, профессор, профессор факультета искусств и дизайна Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (ГрГУ) Дмитрий Владимирович Карев и его дочь – кандидат исторических наук, доцент, доцент филологического факультета ГрГУ Анастасия Дмитриевна Дудько. Рукопись монографии была представлена в издательство незадолго до кончины Дмитрия Владимировича, случившейся 7 октября 2021 г. После смерти Д.В. Карева его дочь довела издательский процесс до логического конца.

Рецензируемый труд гродненских учёных состоит из Введения, шести разделов и такого структурного компонента как «Источники и рекомендательная литература».

Во Введении показан вклад различных авторов в исследование истории Гродно и Гродненщины. Прделана большая работа. Но вместе с тем существовали ниши, которые никто ни заполнял. «Среди значительного массива информации явно не хватало изданий справочного, энциклопедического характера. А именно они могли бы познакомить значительный круг читателей как гродненцев, так и гостей города с его прошлым и настоящим. Книг, в которых бы концентрированно фокусировалась информация об основных вехах истории Принеманья, его культурно-образующих центрах, исторических деятелях. Это позволило бы читателям сформировать свой «образ» Гродно и Гродненщины как одного из значимых центров европейской истории и культуры. Такое понимание своих задач вкладывали авторы этой публикации, приступая к ее созданию, с надеждой на то, что она найдет своего читателя» [1, с. 5].

Первый раздел называется «Принеманье – гродненский субрегион: от Древней Руси к еврорегиону "Неман"» [1, с. 7]. В рамках этого раздела достигнуты следующие результаты в исследовательском процессе. Выявлены основные этапы взаимоотношений проживающих на территории нынешнего еврорегиона «Неман» народов в процессе их исторического существования. Раскрыта роль исторической традиции в формировании этностереотипов в отношениях народов-соседей. Систематизированы сведения о проблемах и перспективах строительства «мостов культуры» между ними в настоящем и будущем.

Проанализированы геополитические, конфессиональные и социокультурные факторы, предопределявшие общее и особенное в состоянии межэтнических отношений белорусов, поляков и литовцев на данной территории на протяжении более чем 1300-летней истории.

Общее между всеми этапами: полиэтничность, поликонфессионализм, наличие ряда диалектов лингвокультурного сообщества Гродненщины и Белосточчины. Авторы определяют первый этап «как время активного балто-славянского синтеза в регионе, одним из следствий которого стало образование в середине XIII в. в Принеманье будущей крупной феодальной державы Восточной Европы – Великого княжества Литовского (ВКЛ)» [1, с. 8].

Второй этап охватывает середину XIII – первую половину XVI века. Это – время рождения и суверенного существования Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского. Полностью согласен с гродненскими учёными в том, что на настоящем этапе «западный регион Беларуси выступает в качестве этнополитического ядра образования государства (первая столица государства – город Новогрудок, ныне районный центр Гродненской области), где процесс синтеза западно-католической (польский элемент), языческой (балтской) и православной (восточнославянской по этнической природе) культур Беларуси приобрел максимальную

интенсивность» [1, с. 8]. Хорошо показано влияние характерного для ВКЛ этнополитического и конфессионального баланса интересов на Принеманье. Коллеги разобрались, почему этот баланс «стал все чаще нарушаться в период вхождения ВКЛ в состав I Речи Посполитой» и какие минусы это принесло для Гродно [1, с. 8].

Третий этап (вторая половина XVI – XVIII в.) вошёл в историю как «эпоха существования и контроля над этими землями новой конфедеративной державы – Речи Посполитой (1569–1795 гг.)» [1, с. 8]. Утратил ли своеобразие западный регион за эти 226 лет? Д.В. Карев и А.Д. Дудько констатировали сохранение его особенностей «прежде всего в религиозном плане» [1, с. 8]. Коллеги убедительно показали, что «в приеманском регионе мощные позиции приобрел католический костел, а с XVII в. – униатская церковь» [1, с. 8]. Выявлено ключевое влияние «событий церковно-религиозной жизни второй половины XVI–XVIII в. на специфику развития региона (ощутимая католизация, полонизация и «вестернизация» местной культуры). Преобладание польской культурной доминанты ощущалось не только в сфере шляхетской культуры Принеманья, но и униатской» [1, с. 8].

4-й период (конец XVIII в. – 1917 г.) – эпоха нахождения приеманского региона в составе Российской империи. За весь период российский император лишь один раз продемонстрировал желание обсуждать проект восстановления ВКЛ. Подобный проект был представлен Александру I М. Огинским. Но пройдёт немного времени, и проект будет положен самодержцем под сукно. Насколько белорусским был западно-белорусский регион? Как воспринимали вопрос о белорусскости западно-белорусского региона в российском обществе? Уместно ли говорить о начале формирования национального самосознания белорусов этого региона? Авторы книги исчерпывающе ответили на поставленные вопросы. «После вхождения в состав России западно-белорусский регион до середины XIX в. не рассматривался царским правительством и научной элитой империи как отдельная исторически сложившаяся этническая единица, а как часть более широкого территориального комплекса, именовавшегося "губерниями от Польши возвращенными", "Западным краем", "Западной Русью" и, наконец, "Литвой". В этом отношении показателен тот факт, что даже в середине XIX века в белорусской этнонимике название "белорус" было распространено в восточных районах края, для районов западных его областей господствующим оставалось название "литвин". В конце XVIII – первой половине XIX в. большая часть интеллигенции приеманского региона причисляла себя к "полякам-литвинам" (поляк – по национальности, литвин – по происхождению)» [1, с. 9]. Какие последствия имело данное самосознание? «Такое самосознание обусловило их ориентацию на польские культурные традиции и активное участие в национально-освободительной борьбе польского народа против царизма (восстания: 1794, 1830–1831, 1863–1864 гг.). В XIX – начале XX в. западно-белорусский регион был своеобразным "донором" для соседних культур» [1, с. 9].

5-й период (1918–1945 гг.) вполне можно считать «эпохой первых серьезных "напряжений" и конфликтов, особенно между белорусско-православной и польско-католической частями населения Западной Беларуси» [1, с. 9]. Гродненские учёные выяснили причины подобных изменений. Они поступают правильно, начиная с имевших долгосрочный характер событий XX века. А это – «Первая мировая и гражданская войны, разделы Беларуси по условиям Рижского мирного договора 1921 г., "советизация" Западной Беларуси после вхождения в состав СССР; рождение белорусской национальной идеи, белорусской национальной интеллигенции и белорусской государственности» [1, с. 9].

Берётся в расчёт и положение Западной Беларуси в составе II Речи Посполитой. Д. В. Карев и А.Д. Дудько убеждают читателя, что это было «положение аграрно-сырьевого, полукOLONиального "пасынка"», что «по отношению к белорусскому этносу проводилась с 1926 г. политика национальной ассимиляции» [1, с. 9].

6-й период имеет следующие хронологические рамки: 1945–1990 гг. В эти годы контроль над указанными территориями осуществляли СССР и Польская Народная Республика (ПНР). Тогда Москва и Варшава были стратегическими союзниками. Как же решались в то время проблемы белорусско-польско-литовских отношений в регионе? Авторы книги показывают, что акцент был сделан на политико-административные методы. Они приводят три примера применения указанных методов: «"уступка" СССР ПНР из состава Западной Беларуси Белостокской области; массовая депортация населения Литвы, нелояльно проявившего себя по отношению к СССР в годы Второй мировой войны; вооруженная борьба с отрядами польских подпольных формирований в 1945–1948 гг.» [1, с. 9-10]. Чётко показан «наиболее характерный момент этой политики – стремление создать

"дружбу народов" на принципах единой коммунистической идеологии и "пролетарского интернационализма"» [1, с. 10]. В конечном итоге «эта эпоха закончилась распадом СССР в 1991 г. и окончательным уходом народов принеманского региона по своим реальным национально-государственным "квартирам"» [1, с. 10].

После разрушения СССР, прекращения существования Совета Экономической Взаимопомощи, Организации Варшавского Договора на центрально-европейском пространстве обрели реальные очертания, новые реалии, которые в полной мере учтены авторами монографии. Польша и Литва взяли курс на интеграцию в евроатлантические структуры, Беларусь – на формирование стратегического союза с Россией. К чему пришли эти страны на сегодняшний день? Польша и Литва оказались в числе тех членов НАТО и ЕС, которые наиболее энергично проводят антибелорусскую политику. Вступила в качественно новый этап белорусско-российская интеграция.

«Формирование сегодняшнего территориального ядра Гродненской области в течение XI-XX вв. шло в непростой, изменчивой геополитической обстановке, когда десятки раз менялись границы территориальных ландшафтов Гродненского Принеманья, численность и структура его населения, характер правящих политических элит и системы управления» [1, с. 11].

Гродно удачно показан, как форпост двухвековой борьбы против крестоносцев, как центр княжества, существовавшего в XII – конце XIII века. Авторы стремились быть предельно объективными, обращаясь к спору историков о локализации столицы Городенского княжества. Они считают правильным, что этот спор «был решён в пользу Гродно-на-Немане в советское время раскопками Николая Воронина, которые в припятском Городне значительного археологического слоя не выявили, зато в Гродно вскрыли мощные культурные напластования, начиная с XI века» [1, с. 12].

Мастерски показано то время, когда городенские князья контролировали торговый путь из Немана в Днепр. Авторы видят в этом главную причину расцвета княжества. Гродненские учёные убедительно доказали, что «вторая половина XII века была периодом расцвета гродненской культуры, о котором свидетельствует особый архитектурный стиль, единственным дошедшим до нас образцом которого является Коложская церковь в Гродно» [1, с. 12].

Судя по содержанию книги, нынешнее научное сообщество не владеет той фактурой, которая позволила бы делать обобщающие выводы по всем вехам истории княжества. Коллеги выявили самое уязвимое место. В монографии читаем следующее: «После 1184 года сведения о городенских князьях из летописей пропадают. Судьба Городенского княжества в XIII веке источниками не прослеживается. Неизвестно и то, когда точно и каким образом так называемая Чёрная Русь оказалась в составе Великого Княжества Литовского» [1, с. 12].

На одном дыхании читаются страницы, посвящённые Гродненскому повету, Гродненскому воеводству. Авторы неплохо показали важную территориально-административную единицу исторического «ядра» Гродненщины в XVI-XVIII вв. – Гродненскую экономию – корольевское хозяйство в Великом княжестве Литовском.

После присоединения к Российской империи по результатам третьего раздела Речи Посполитой 1795 года Принеманье вошло в Слонимскую губернию.

Третий раздел I Речи Посполитой создал предпосылки для образования Гродненской губернии с центром в городе Гродно. Такая губерния появилась в 1801 году. Она была упразднена в 1918 году. В 1918-1944 гг. у Гродно был гораздо более низкий административно-территориальный статус. Авторы объясняли, почему так произошло.

20 сентября 1944 года всесоюзный староста М.И. Калинин скрепил своей подписью Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Гродненской области с центром в городе Гродно. Когда монография Д.В. Карева и А.Д. Дудько подписывалась в печать, области шёл уже 78-й год. Что же наиболее значимого произошло на Гродненщине за 77 лет? Она «из региона с преобладающим аграрным профилем трансформировалась в один из наиболее развитых индустриально-аграрных районов Беларуси. Индустриализация, которая заметно

набрала обороты с 50-х гг. XX века привела к созданию в области мощных производственных и строительных комплексов в городах Гродно, Лида, Сморгонь, Волковыск, Слоним, Островец: машиностроение, химическая промышленность, энергетика, предприятия АПК, хорошо развитая транспортная инфраструктура с логистическими центрами и др. В свою очередь эти тенденции в ее экономике, сопровождаемые процессами массовой урбанизации коренным образом видоизменили социальную структуру населения, 77% которого проживает сегодня в городах и поселках городского типа.

Параллельно с быстрыми социально-экономическими преобразованиями было создано и укрепилась широкая сеть центров науки, образование, здравоохранение и культуры, которые обеспечили более высокие стандарты качества жизни населения Гродненщины» [1, с. 16].

Отдельно следует сказать об областном центре. «Экономическое и культурное "сердце" региона – Гродно стремительно развивается с 50-х гг. XX века. Совместно с такими индустриально развитыми городами Гродненщины как Лида, Сморгонь, Островец, Слоним, Волковыск, формирует фундамент современной его промышленной инфраструктуры» [1, с. 17].

Раздел II «Гродно в историко-культурном ландшафте Европы (вехи истории)» отмечен наличием многих сюжетных линий. Из-за ограничения объёма рецензии мы не будем разбирать каждую из них. Сделаем акцент на том, что было сделано Д.В. Каревым и А.Д. Дудько впервые.

Первое. Раскрыто влияние неполного и полного Магдебургского права на Гродно. Приводится интересный факт. «В 1540 г. королева Бона при подтверждении магдебургского права указала войту и магистрату города иметь печать с гербом (козел, стоящий на задних ногах и обгрызающий лозу). Позднее гербом города стало изображение оленя с золотым крестом между рогами (олень св. Губерта)» [1, с. 21].

Второе. Детально исследовано инвентарное описание земель гродненской городской экономики в 1558 – 1560 гг. Это сделали королевские ревизоры С. Дыбовский и Л. Война. Они выступили при этом пионерами в описании Гродно с названиями улиц, площадей и земельных участков. Ревизоры «насчитали в городе: 716 домов, 33 улицы, 3 рынка, замок и великокняжеский (королевский) дом, 9 церквей, 2 костела, синагогу, ратушу» [1, с. 21].

Третье. Сформулированы предпосылки локальных реформ городской жизни, разработанных и осуществлённых в последней трети XVIII века гродненским старостой и надворным подскарбием ВКЛ Антонием Тизенгаузом.

Четвёртое. Установлено изменение характера социально-политического, экономического и культурного развития города Гродно после вхождения в состав Российской империи. «На первый план выступает его стратегическое значение, как одного из приграничных опорных пунктов западных рубежей империи» [1, с. 23].

Пятое. Сделаны важные уточнения по войне наполеоновской Франции против России. Выдвигается новая версия отношения местного населения к французским оккупантам. «В целом католическая община Гродненщины приветствовала приход в 1812 году французских войск, обещавших восстановление независимости Литовского княжества. Гродно на короткое время вошел в состав Литовского герцогства; в городе были созданы отряд Национальной гвардии герцогства из 290 человек и жандармерия из 856 человек, также произведен набор рекрутов в литовские пехотные и кавалерийские части. Мобилизованные в составе французской армии, они участвовали в боях с российской армией на заключительном этапе войны 1812 года, а также в кампаниях 1813 и 1814 годов» [1, с. 23].

Шестое. Профессор и доцент выяснили, почему «огромные ресурсы, потраченные с 1912 г. на строительство оборонительных сооружений вокруг города Гродно, какой-либо значительной роли в защите города от германских войск не сыграли» [1, с. 25].

Седьмое. Приводятся факты, убедительно свидетельствующие о том, что «за 1921–1939 гг. значительно возросло влияние в социально-экономической и культурной жизни города Гродно организаций еврейской

общины» [1, с. 27].

Много интересного можно почерпнуть в третьем разделе книги «В историческом центре старого Гродно (XII-XVIII вв.)». Нет никаких оснований спорить с Д.В. Каревым и А.Д. Дудько, когда они рассуждают об уникальности Гродно, как «одного из европейских городов с многовековой "родословной"» [1, с. 37]. Авторы видят её «в том, что Гродно удалось сохранить на протяжении девяти столетий существенно свое историческое "сердце" – историко-архитектурное наследие XII – XVIII вв. Последнее кажется чудом, если учесть при каких, нередко трагических обстоятельствах (войнах, пожарах, основательных не всегда продуманных реконструкциях и перестройках) менялся его историко-архитектурный ландшафт» [1, с. 37]. Гродненские учёные, конечно же, соглашались с тем, что «многое из историко-культурного наследия города безвозвратно ушло в небытие. Но сохранившиеся с XVI в. источники (письменные, картографические и иконографические), историческая топонимика Гродно позволяют нам хоть и с известным "приближением" реконструировать процесс творения основных историко-архитектурных доминант городского "ансамбля"» [1, с. 37].

Рецензент не мог пройти мимо тех страниц книги, где говорилось о «топонимическом Чернобыле» применительно к Гродно. «До сих пор жителям города так и не ясен вопрос – какое отношение имеют к истории нашего города такие деятели как К.Маркс, Я.Свердлов, С.Киров, М.Урицкий, С.Буденный и В.Чапаев. Личности несомненно, оставившие свой след в истории, но никакого отношения к истории Гродно не имевшие. Объявленный с конца 90-х гг. XX века мораторий лишь запутал естественный процесс возвращения реальной исторической памяти городу и его горожанам» [1, с. 40]. При этом Дмитрий Владимирович и Анастасия Дмитриевна учитывают специфику исторического центра Гродно. В монографии читаем: «Для исторического центра Гродно решение этой проблемы имеет не только научное, историко-познавательное значение, но и практический смысл – ликвидацию многолетней исторической амнезии и создания привлекательного брендового имиджа для многочисленных туристов (главным образом из Литвы и Польши) в период вхождения Гродно в безвизовую зону» [1, с. 40].

Профессор и доцент совершенно обоснованно считают, что «этому историческому ядру Гродно стоит уделить особое внимание, поскольку в этом "историческом квадрате" (от ул. Замковой до начала ул. Ожешко в районе ж/д вокзала, и от ул. Буденного до ул. Дзержинского) располагается подавляющее большинство историко-культурных памятников Гродно XII – начала XIX в., наиболее интересных для гостей-туристов из Беларуси и зарубежных стран. Поэтому естественно начать краткую расшифровку улиц и площадей этого района Гродно из района его исторического центра Старого и Нового Замков» [1, с. 40].

Рецензент неоднократно бывал в Гродно, посетил все семь музеев данного города. Полностью согласен с тем, что Гродно можно рассматривать как город-музей. Авторы пишут, что «активно проводится обсуждение на присвоение городу статуса "Гродно – город-музей Республики Беларусь"» [1, с. 33]. Профессор и доцент не скрывают своего позиционирования. Из содержания монографии вытекает, что они безоговорочно «за».

В архитектонику монографии органически вписывается четвёртый раздел «Регионы Гродненского Принеманья». Раздел состоит из 17 подразделов. Каждый подраздел представляет собой комплексную справку об одном из районов области. Такая справка включает исторический экскурс, информацию об экономике района, историко-культурном наследии, достопримечательностях, выдающихся уроженцах.

Пятый раздел книги называется «300 биографических "медальонов", представители политической, военной элиты, деятели культуры, науки, образования». В разделе имеются подразделы: «Эпоха средних веков и раннего нового времени (XIII – XVIII вв.)», «В орбите Российской империи (XVIII – начало XX в.)», «В эпоху войн и революций (XX – начало XXI в.)». Здесь, в порядке упомянутый ранее хронологии, даются справки биографического характера о лицах, связанных с Гродненщиной. Требования к таким справкам известны: точность содержащихся сведений, предельная аккуратность формулировок, наличие связи с Гродненщиной. Авторы открыли много новых имён, продемонстрировали энциклопедические познания. У профессора два высших образования. Доцент по базовому образованию филолог. Дмитрий Владимирович и Анастасия Дмитриевна не копировали точь-в-точь информацию из Интернета, бумажных биографических справочников, а стремились проанализировать жизнь и деятельность каждого лица, исходя из собственной компетенции. В итоге

получились справки с элементами научного анализа. Не забудем, что незабвенный Дмитрий Владимирович – один из столпов белорусской историографии. При освещении биографий коллег чувствуется рука высококлассного историографа. Очень хорошо, что авторы разместили фотографии своих героев.

Шестой раздел книги «Жемчужины историко-культурного наследия Гродненщины» также состоит из подразделов. Правда, их два: «Светская архитектура» и «Сакральная архитектура». Есть и второе отличие от остальных разделов. Здесь мы видим только подписанные слайды. Специальной текстовой информации нет. В первый подраздел вошли слайды Старого замка в Гродно, Мирского замково-паркового комплекса, Лидского замка, Дворцово-паркового ансамбля Воловичей, Дворца Друцких-Любецких, Любчанского замка, Дворца Уместовских, Дома-крепости Нонхартова, Гимназии в г. Свислочь.

Слайды каких памятников сакральной архитектуры вошли во второй подраздел? Костёл Святой Троицы (1889-1903 г.), Кафедральный костёл св. Франциска Ксаверия (Фарный костёл) (1683 г.), Большая хоральная синагога (1905 г.), Борисоглебская (Коложская) церковь (2-ая 1/2 XII в.), Свято-Успенский Жировичский монастырь (1779 г.), Костёл св. Михаила Архангела (1524 г.), Костёл Обретения Святого Креста и монастырь бернардинцев (1595 г.), Церковь св. Михаила Архангела (Михайловская) (начало XVI в.), Костёл святых Петра и Павла (1495 г.), Костёл св. Михаила Архангела (1653 г.), Костёл св. Казимира (Вселюб) (до 1433 г.), Костёл св. Михаила Архангела (1612 г.), Церковь Рождества Богородицы (Маломожейковская церковь) (1524 г.), Фарный (приходской) костёл Преображения Господня (1395 г.), Костёл Святых Петра и Павла (1674 г.), Борисоглебская церковь (XII в.).

О каждом из них в той или иной степени авторы рассказывали в предыдущих разделах. Поэтому необходимости в специальных текстах не было.

Последний структурный компонент – источники и рекомендованная литература. Он состоит из четырёх блоков: 1) неопубликованные источники; 2) опубликованные источники Нового времени (XVI – начало XX в.); 3) литература; 4) регионы Гродненского Принеманья. Первый блок свидетельствует о работе авторов в белорусских, литовских, польских, российских архивах; второй и частично третий блоки – о посещении отделов редкой книги престижных отечественных библиотек.

У книги прекрасное полиграфическое исполнение. Она вычитана. Стиль изложения вполне удовлетворительный.

Книга, безусловно, удалась. Её с большой пользой для себя прочтут профессиональные историки, культурологи, музейные работники, краеведы, туристы, специалисты по идеологической работе.

Список литературы

1. *Карев Д. В., Дудько А. Д.* Принеманье: история и люди в национальном и европейском контексте / Д.В. Карев, А.Д. Дудько. – Гродно: ЮрСаПринт, 2021. - 268 с.

Информация об авторе

Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук Брестского государственного технического университета, г. Брест, Республика Беларусь.

Автор-корреспондент

Стрелец Михаил Васильевич, e-mail: mstrelez@mail.ru

Prinemanie in the History of Eastern Europe

Karev D. V., Dudko A. D. *Prinemanie: history and people in the national and European context*. Grodno: YurSaPrint, 2021. – 268 p.

Mikhail V. Strelets¹ ✉

¹ *Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus,*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1593-7202>, e-mail: mstrelez@mail.ru

Abstract:

Readers are invited to review the monograph "Prinemanie: history and people in the national and European context." Its authors are Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Arts and Design of the Grodno State University named after Yanka Kupala (GrSU) Dmitry Vladimirovich Karev and his daughter Anastasia Dmitrievna Dudko, Cand. Sci. (History). The main conclusion of the reviewer: the presence of a serious scientific study. It is made on the basis of a rigorous analysis of all six sections of the peer-reviewed work.

Keywords:

Prynemanye, Grodno, Gorodensky Principality, Black Russia, Western Belarus, Lithuania, Poland, Russia, historical and cultural heritage, monograph, science, review, expertise

References

1. Karev D. V., Dud'ko A. D. *Prineman'ye: istoriya i lyudi v natsional'nom i yevropeyskom kontekste* [Prinemanye: history and people in the national and European context]. Grodno: YurSaPrint, 2021. – 268 p. (In Russ.).

Information about the author

Mikhail V. Strelets, Dr. Sci. (History), Prof., Professor at the Department of Social and Humanitarian disciplines of the Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus.

Corresponding author

Mikhail V. Strelets, e-mail: mstrelez@mail.ru

УДК: 930:355.354 «1910/1941»:355.01

DOI: 10.24412/2311-1763-2022-4-33-33

Поступила в редакцию: 06.10.2022 г.

Submitted: October 6, 2022

Опубликована: 29.10.2022 г.

Published online: October 29, 2022

Для цитирования: Аверченко С. В. Довоенный период развития Эксплуатационно-технической службы отечественных ВВС: зарубежная историография // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, №4(33). С. 33-33. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-33-33>.

For citation: Averchenko S. V. Pre-war period of development of the Operational and technical service of the Russian Air Force: foreign historiography. – *Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2022;10(4):33-33. (In Russ.).
<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-33-33>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2022 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2022 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

ИСТОРИОГРАФИЯ

Оригинальная статья

Довоенный период развития Эксплуатационно-технической службы отечественных ВВС: зарубежная историография

Сергей Викторович Аверченко ¹ ✉

¹ ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия
имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»,
г. Воронеж, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1831-9100>, e-mail: aviator1ww@mail.ru

Аннотация:

В статье предпринята попытка обзора зарубежной историографии развития эксплуатационно-технической службы Военно-воздушных сил России и СССР в 1910–1941 годы. Учитывая то, что специальных работ, посвященных изучению данной службы, иностранными авторами выполнено не было, в исследовании, в основном, рассматривались труды по участию военной авиации России и СССР в войнах и вооруженных

конфликтах в рассматриваемый период. Проанализирован широкий пласт зарубежных исторических научных работ, касающихся развития отечественной военной авиации и ее применения в войнах и вооруженных конфликтах периода 1910–1941 г. Кроме того, было изучено большое число историографических и библиографических монографий, указателей, сборников, статей в научных журналах, а также библиографические списки в научных трудах по истории отечественных Военно-воздушных сил и по военным конфликтам в рассматриваемый период. Выявлено освещение в них вопросов применения российских/советских ВВС и их эксплуатационно-технической службы. Показано, что зарубежная военно-историческая наука не смогла уделить должного внимания развитию этой одной из ведущих службы ВВС, ограничившись лишь упоминаниями некоторых фактов ее деятельности. Выявлена полная неизученность темы в зарубежной исторической науке и разобраны объективные факторы, объясняющие отсутствие военно-исторических трудов по ней. Проведенный анализ выявил в целом степень изученности зарубежными учеными вопросов развития и боевого применения российских/советских ВВС в период с 1910 по 1941 год и может быть полезен всем последующим исследователям.

Ключевые слова:

зарубежная историография, довоенный период, межвоенный период, Первая мировая война, Гражданская война, вооружённый конфликт, Военно-воздушные силы, ВВС, инженерно-авиационная служба, ИАС, эксплуатационно-техническая служба, ЭТС

ВВЕДЕНИЕ

В рассматриваемый период, с 1910 года по 22 июня 1941 г., непосредственной технической эксплуатацией авиатехники в отечественных Военно-воздушных силах (ВВС) занималась эксплуатационно-техническая служба (ЭТС). На нее возлагались задачи организации «четкой и безаварийной работы материальной части в строевых частях, училищах и школах ВВС и обеспечения постоянной боевой готовности самолетов, моторов, вооружения и специального оборудования» (1). Инженерно-технический состав (ИТС) службы выполнял подготовку авиационной техники (АТ) к полётам, регламентные работы, осмотры и доработки, мелкий и средний ремонт на самолётах, моторах, вооружении и оборудовании.

В предыдущих работах автор рассмотрел изученность довоенного периода истории ЭТС в отечественной историографии (2). В данной статье предпринята попытка выявить изученность данной темы зарубежными историками.

Особенностью настоящего исследования явилось то обстоятельство, что в зарубежной исторической науке история эксплуатационно-технической службы российской/советской военной авиации в период 1910–1941 г. вообще не изучалась. К такому выводу, изучив иностранную историографию развития Красной Армии и Флота до 1941 г., пришел в 1993 г. доктор исторических наук (д.и.н.) С. А. Мишанов [20]. За прошедшие с того времени почти три десятилетия автором также не выявлено ни одной специализированной работы иностранных авторов по истории ЭТС отечественных ВВС. Поэтому автору пришлось рассматривать общую зарубежную литературу по истории ВВС России/СССР в 1910–1941 г. и труды по применению российской/советской военной авиации в войнах и вооруженных конфликтах в этот период. Во многом рассматривать изученность заявленной темы в зарубежной историографии пришлось по историографическим, источниковедческим и библиографическим работам по участию отечественных вооруженных сил в этих военных конфликтах.

ОБЩИЕ РАБОТЫ

В качестве основных общих работ, в которых рассматривалась история отечественных ВВС за рубежом, стоит отметить книги английского летчика и историка Роберта Джексона «Красные соколы. Советские Военно-воздушные силы в боях. 1919–1969» (1970 г.) [54], американского исследователя Александра Бойда «Советские Военно-воздушные силы с 1918 года» (1977) [42] и шведского автора Леннарта Андерссона «Советские самолеты и авиация 1917–1941» (1994) [39]. Но в этих работах основное внимание уделено организационному развитию ВВС СССР, а вопросы ЭТС вообще не затронуты. Также в них не рассмотрен российский период развития отечественной военной авиации до 1917 года. Поэтому при дальнейшем изучении темы мы

попытались найти материалы по истории эксплуатационно-технической службы отечественных ВВС в зарубежной литературе, посвященной участию Военно-воздушных сил России/СССР в войнах и вооруженных конфликтах с 1910 по 1941 год.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Истории российского Военного воздушного флота в годы Первой мировой войны (ПМВ) посвящены две серьезные работы, вышедшие в США. Первой в 1995 г. была опубликована совместная американско-российская книга Алана Дуркоты, Тома Дарсей и Виктора Куликова «Российская императорская воздушная служба: знаменитые пилоты и самолеты Первой мировой войны» [47]. Следующим в 2010 г. вышел двухтомный труд американского авиатора и историка Августа Блума «Российский Военно-воздушный флот в Первой мировой войне» [41]. Несмотря на большие объемы книг, основное внимание в них уделено российским асам ПМВ, применяемым аэропланам и хронологии событий. Лишь у Блума иногда упоминаются технические неисправности на АТ и количество ремонтируемых самолетов.

Тот же А. Блум в 2008 году составил большой библиографический список опубликованных материалов, относящихся к деятельности авиации Восточного (русского) фронта ПМВ [40]. В России в преддверии 100-летия начала Первой мировой войны Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) подготовил указатель литературы по участию России в ПМВ за 20 предыдущих лет (2013) [29] и сборник обзоров по историографии ПМВ (2014) [25]. Внимательно изучив эти справочные материалы, мы приходим к выводу, вопросы работы ЭТС российской военной авиации в годы ПМВ в зарубежной историографии не отражены.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

По вопросам применения военной авиации в годы Гражданской войны в России автору не известно ни одной иностранной научной работы. Пришлось тщательно проверить по историографическим трудам. В России на эту тему были изданы два серьезных труда. Сначала, в 2000 г. в Архангельске вышла монография д.и.н. В. И. Голдина «Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии» [9]. Затем, к 100-летию начала Гражданской войны ИНИОН РАН выпустил специальный сборник по историографии [26]. В 2019 г. В. И. Голдин опубликовал статью о современном состоянии историографии данной темы [8]. Кроме того, региональным и национальным историографиям по Гражданской войне в России посвящены статьи С. И. Кузнецовой и Б. Е. Штейн (английская и американская историография, 1956 г.) [18], профессора Калифорнийского университета в Санта-Крузе (США) П. Кенеза (западная, 1996) [15] и сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН к.и.н. Г. Н. Романовой (китайская, 2001) [28]. Исследовав данные историографические работы, мы приходим к выводу, что вопросы применения ВВС в Гражданской войне в России в зарубежной историографии не получили освещения.

КОНФЛИКТ НА КВЖД В 1929 г.

Обзор зарубежной историографии по конфликту на КВЖД в основном пришлось делать по библиографическим спискам трудов по данному конфликту, как отечественных, так и иностранных. Были проанализированы библиографии следующих книг: 1) выпущенной в 1989 г. Институтом военной истории МО СССР под редакцией к.и.н. В. П. Зимонина «Конфликт на КВЖД» (подстрочная библиография) [16]; 2) российских синологов докторов исторических наук В. М. и М. В. Крюковых «КВЖД 1929» (2017) [17, с. 597–609]; 3) сотрудника Канзасского университета (США) Майкла Уолкера «Китайско-советская война 1929 года: война, о которой никто не знал» (2017) [60, с. 361–378] и 4) российского историка А. М. Пастухова «Конфликт на КВЖД» (2022) [24, с. 562–273]. Кроме того, в 2014 г. была опубликована статья исследователей из Санкт-Петербурга Г. Б. Дудченко и В. П. Казанцева по китайской историографии событий на КВЖД [11]. Изучив данные работы, видим, что применение советских ВВС в целом, и, в том числе, их ЭТС, в данном конфликте в зарубежной историографии не освещено.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ 1936–1939 гг.

В вопросах изучения гражданской войны в Испании, лидирующие позиции за рубежом занимают собственно испанская и англо-американская историографии. Библиография испанской войны насчитывает более 20 тыс. только книжных изданий [27, с. 503]. Тем не менее, в силу различных причин до конца XX века за рубежом не было подготовлено ни одной серьезной научной работы по участию в гражданской войне в Испании советских ВВС. Лишь в 1999 г. Министерство обороны Испании выпустило книгу Абеллана Эстанислао «Советские истребители в воздушной войне в Испании» [48]. Но в данной работе основное внимание автор уделил тактико-техническим характеристикам советских истребителей, сравнению их с противостоявшими самолетами франкистской авиации и результатам воздушных боев. Вопросы технической эксплуатации самолетов советских добровольцев остались за границами интересов автора. В 2006 г. в Испании вышла в свет объемная книга Карлоса Кидончи «История Военно-воздушных сил Испанской Республики» [44]. Ее автор не является ни профессиональным историком, ни авиатором. Поэтому в данной работе большой объем собранного фактического материала не подвергнут историческому или профессиональному авиационному анализу. В книге уделено достаточно внимания участию в войне советских авиаторов-добровольцев и их самолетам, но вопросы технической эксплуатации авиационной техники советских летчиков не освещены.

В поисках другой иностранной литературы по применению советских ВВС в гражданской войне в Испании автором были проанализированы библиографические списки лучших отечественных и уже упомянутых испанских работ по теме: 1) книг Ю. Рыбалкина «Операция "X"» (2000) [30, с. 129–143]; 2) С. Абросова «В небе Испании» (2003) [1, с. 427–429] и «Воздушная война в Испании» (2008) [2, с. 594–600]; 3) Эстанислао [48, р. 193–220] и 4) Кидончи [44, р. 1117–1119]. Также были внимательно изучены публикации по зарубежной историографии Гражданской войны в Испании. В целом ее рассматривали ярославский историк к.и.н. С. С. Соловьев (2006) [32] и Т. М. Фадеева (2018) [34]. Анализ англо-американской историографии темы в 2009 и 2017 годах представлял д.и.н. М. В. Новиков [21], [22]. Испанскую историографию вопроса анализировали сотрудник Университета Саламанки (Испания) Хуан Родригез (2007) [59] и докторант Университета Карлоса III (Мадрид, Испания) И. В. Родригез-Булгакова (2016) [27]. Тщательно изучив эти библиографические и историографические труды и опубликованные книги, мы приходим к выводу, что вопросы организации технической эксплуатации авиатехники советскими добровольцами в Испании в зарубежной историографии остались не затронутыми.

СОВЕТСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ В КИТАЕ, 1937–1940 гг.

Тема участия советских авиаторов-добровольцев в борьбе Китая с японской агрессией в западной историографии не рассматривалась. Да и в целом, организация и боевые действия ВВС Китая в 1931–1941 гг. мало интересовали западных и японских исследователей. Из опубликованной литературы заслуживают упоминания лишь японские монографии о боевых действиях их ВВС [38] и морской авиации [43] в Китае в 1937–1945 гг. Но в них китайской авиации уделено крайне мало внимания, лишь иногда указывается ее состав на отдельных участках фронта. По сути, эти монографии являются не историческими исследованиями, а сухими отчетами.

Китайская историография по этой теме достаточно обширна – более 270 работ, но, в основном, представлена она журнальными публикациями [37, с. 21]. Это объясняется тем, что в современном коммунистическом Китае не очень любят вспоминать гоминдановский период своей истории. Изучению китайской литературы историками других стран препятствует языковой барьер. Поэтому автор проанализировал публикации по китайской историографии вопроса, вышедшие в 2010-е годы на русском языке. Первым в 2015 г. с обзором китайской литературы по деятельности советских авиаторов-добровольцев в Китае выступил профессор Института новой истории при Академии общественных наук Китая д.и.н. Чэнь Кайкэ [37]. Затем, в 2017 г. совместную статью по китайской историографии Второй мировой войны представили сотрудник Института стратегического сотрудничества между Россией и Китаем при Университете Цинхуа Ван Ци и представители Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого С. В. Кулик и Д. Д. Смирнова [4]. И, наконец, в 2019 г. обзор китайской историографии по вопросу советской помощи Китаю в антияпонской войне опубликовали магистранты Российского университета дружбы народов Пан Тай и Сунь Имин [23]. Проанализировав китайскую историографию участия советской военной авиации в антияпонской войне, можно сделать однозначный вывод, что вопросы эксплуатационно-технической службы в советских авиационных подразделениях, прибывших в Китай, остались не изученными. В основном китайские ученые уделяли внимание количественным показателям

советской помощи (самолетами и личным составом), маршрутам ее доставки, результатам боевых вылетов и личным качествам советских пилотов. Сами китайские исследователи отмечают, что собственно военная составляющая действий советской авиации в Китае остается малоизученной [23, с. 141]. Кроме Китая, ученые других стран оставили участие советских авиаторов в антияпонской войне в 1937–1940 гг. без внимания.

ХАСАН, 1938 г.

Для выявления освещенности работы эксплуатационно-технической службы советских ВВС в конфликте у оз. Хасан автор проанализировал библиографические списки лучшего западного исследования по истории данного конфликта – книги профессора азиатских исследований в Университете Сан-Диего (США) Элвина Кукса «Советско-японская борьба за Чангуфенг–Хасан, 1938» (1977) [46, с. 383–394] и кандидатской диссертации японского исследователя Кота Касахары, защищенной в 2020 г. в Санкт-Петербургском государственном университете, «Советско-японский пограничный конфликт на озере Хасан 1938 г. в архивных материалах Японии» [13, с. 5–13]. Анализ не выявил ни одной специальной работы за рубежом, посвященной участию советских ВВС в конфликте.

ХАЛХИН-ГОЛ, 1939 г.

Воздушному противостоянию в Советско-японском вооруженном конфликте в районе р. Халхин-Гол зарубежные исследователи тоже не уделили должного внимания. По этой теме издана всего одна серьезная работа болгарского летчика и историка Димитара Недялкова «В небе Номонхана». Издание стало откровением для западного читателя, малоознакомленного с событиями, разворачивавшимися на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии в конце 1930-х годов, и выдержало три издания – одно на болгарском [58], и два на английском языках [56], [57]. В книге хорошо описаны группировки ВВС СССР и Японии в зоне конфликта, применявшиеся самолеты и результаты воздушных боев, указаны победы и потери противостоящих сторон. Но вопросы эксплуатационно-технической службы ВВС РККА на Халхин-Голе автор не рассмотрел.

Есть еще английское издание книги Владимира Котельникова «Воздушная война на Халхин-Голе» [55], но это российский автор, поэтому мы ее не рассматриваем.

Проанализировав библиографические списки работы Недялкова [57, р. 199–206], лучших западных работ по Халхин-Голу – «Номонхан. Япония против России» профессора азиатских исследований Университета Сан-Диего (США) Элвина Кукса (1990) [45, р. 1181–1238] и сотрудника Национального совета по евразийским и восточноевропейским исследованиям в Вашингтоне (США) Стюарта Голдмана «Номонхан. 1939» (2012) [53], а также выполненного на высоком научном уровне современного исследования монгольского дипломата и историка д.и.н. Равдангийн Болда «Ограниченная война» [3, с. 543–559], автор не обнаружил других научных работ по применению советской авиации в этом конфликте.

Также для выявления зарубежных исследований по советским ВВС на Халхин-Голе автором были проанализированы историографические статьи по теме. В общем отечественную и зарубежную историографию по событиям на Халхин-Голе рассматривали сотрудники Института востоковедения РАН д.и.н. Е. Л. Катасонова (2009) [14] и д.и.н. М. И. Гольман (2013) [10]. Российско-монгольскую историографию исследовали в своих публикациях сотрудники Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН д.и.н. Л. В. Курас, к.и.н. Б. Д. Цыбенков и к.и.н. Э. В. Батунаев (2014 и 2019 г.) [19], [35], [36]. Проанализировав весь комплекс опубликованных зарубежных работ по Халхин-Голу, мы приходим к выводу, что работа ЭТС советских ВВС в данном конфликте иностранными авторами не изучалась.

СЕВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939–1940 гг.

Применение ВВС Красной армии в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. является наиболее изученным за рубежом эпизодом из всей довоенной истории отечественной военной авиации. Это все благодаря энтузиазму и энергии одного человека – финского историка д.тех.н. Карла-Фредерика Геуста. К настоящему времени из-под его пера вышли три серьезные работы по этой теме (в пяти изданиях).

Первой в соавторстве с россиянами С. В. Тиркельтаубом (участником Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.) и Г. Ф. Петровым в 2004 г. была опубликована книга «ВВС Балтийского флота в Зимней войне» [52]. Это был доработанный К.-Ф. Геустом (путем добавления сведений с финляндской стороны) вариант российской книги С. В. Тиркельтауба и В. Н. Степакова «Советская морская авиация на Балтике в войне 1939–1940 годов» (2000) [33]. Авторы дали хронологию участия ВВС Краснознаменного Балтийского флота (ВВС КБФ) в боевых действиях, но напрямую работу эксплуатационно-технической службы ВВС КБФ не рассматривали. Зато работа сопровождается объемными приложениями, в которых можно найти количество вышедших из строя по техническим причинам самолетов и моторов, а также не выполненных из-за отказов техники боевых заданий, списки погибших летчиков и техников. Там же приведены документы, в которых упоминаются отдельные факты, касающиеся работы ЭТС ВВС КБФ.

Затем, в 2011 г. вышла книга К.-Ф. Геуста «Зимняя война в воздухе» [50], посвященная боевым действиям ВВС Красной армии в рассматриваемом конфликте. Автор проделал огромную работу по систематизации сведений по участию в войне советских авиационных объединений, соединений и частей, вплоть до отдельных эскадрилий и авиационных баз. В прилагаемых таблицах есть сведения о воздушных победах и потерях. Но работе ЭТС ВВС КА в данной книге уделено намного меньше внимания, чем в предыдущей.

В 2014 г. на русском языке был издан обобщенный труд К.-Ф. Геуста по применению всей военной авиации СССР, как сухопутной, так и морской, в войне 1939–1940 гг. – «ВВС РККА на финской войне» [7]. Труд, безусловно, монументальный, но в нем, как и в предыдущей книге, основное внимание уделено датам, цифрам, номерам частей и периодам участия их в войне, победам и потерям. У автора получился замечательный справочник по участию в Зимней войне советских ВВС. Но такие вопросы, как тактика ВВС, различные виды обеспечения боевых действий военной авиации, в том числе и работа ЭТС ВВС, остались не рассмотренными. То же относится и к вышедшим в 2020 г. изданиям этого труда на финском [49] и английском [51] языках.

Зарубежную историографию Зимней войны подробно рассмотрел финский историк, профессор кафедры исследований России Хельсинкского университета, доктор философии Тимо Вихавайнен. В 2009 году он опубликовал соответствующую статью в сборнике, посвященном 70-летию начала войны [5], а в следующем году Петрозаводский государственный университет издал текст его лекции по этому вопросу отдельной брошюрой [6]. Профессор Вихавайнен отмечал, что западная историография Советско-финляндской войны крайне мала, и основной вклад в ее изучение внесли финские и советские/российские ученые [5, с. 119].

Неожиданно большое количество литературы по Зимней войне написали украинские (в н.в. российские) исследователи. Украинскую историографию вопроса осветил сотрудник Центрального музея Тавриды (г. Симферополь, Республика Крым) к.и.н. В. А. Иванов [12].

В поисках литературы по Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. огромную помощь исследователям оказывает библиографический список литературы по этой теме, подготовленный Национальной библиотекой Республики Карелия [31]. При внимательном изучении историографических и библиографических работ научных трудов по работе эксплуатационно-технической службы ВВС СССР во время Советско-финляндской войны не выявлено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая рассмотрение зарубежной историографии развития эксплуатационно-технической службы отечественных ВВС в период до начала Великой Отечественной войны, мы приходим к выводу, что иностранные историки совершенно не уделили внимания исследованию этой одной из важнейших служб Военно-воздушных сил. Даже при изучении применения российских/советских ВВС в военных конфликтах 1910–1940 гг. они не рассматривали работу ЭТС. По нашему мнению, это обусловлено объективными причинами.

Во-первых, зарубежных историков, которые зачастую представляют страны, с которыми как раз и воевала Россия/СССР, более интересует развитие своих вооруженных сил, и ВВС в частности. Изучению участия

российских/советских ВВС в военных конфликтах посвящены всего две книги по Первой мировой войне на английском языке [41], [47], и три по Советско-финляндской (в пяти изданиях) на финском, английском и русском [7], [49], [50], [51], [52].

Во-вторых, языковой барьер – не все зарубежные историки знают русский язык, чтобы работать в российских архивах.

В-третьих, удаленность от зарубежных исследователей документальных источников. Поехать на достаточно долгий срок поработать в архивах в другой стране весьма дорого для историка любой страны, и, в основном, это бывает возможно при участии в каком-либо заказном, оплачиваемом со стороны (государством или компаниями), проекте.

В-четвертых, чтобы взяться за рассмотрение истории эксплуатационно-технической службы российских/советских ВВС в любой период времени, необходимо иметь понятие об объекте и предмете исследования. Следовательно, за эту тему могут взяться только состоявшиеся авиационные инженеры с соответствующим образованием и опытом практической работы. Видимо, таковые среди зарубежных историков отсутствуют.

Подводя итог нашему исследованию, мы приходим к выводу, что зарубежным историкам и тем иностранным любителям истории военной авиации, которые заинтересуются историей эксплуатационно-технической службы российских/советских ВВС в период до 1941 г., придется изучать ее по трудам советских и российских авторов. В свою очередь российским историкам почерпнуть по данной теме из работ иностранных исследований практически нечего.

Примечания

1. Наставление по эксплуатационно-технической службе ВВС Красной армии (НЭТС ВВС 40). 2-е изд. М.: Воениздат, 1942. С. 9. До конца 1940-х годов в технической и популярной литературе слово "эксплуатация" писалось через «о» – эксплуатация. Соответственно, и рассматриваемая служба называлась – эксплуатационно-технической.
2. *Аверченко С. В.* Довоенный период развития Эксплуатационно-технической службы отечественных ВВС: советская историография (1945–1990). // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 3. DOI: 10.24411/2311-1763-2020-10248; *Аверченко С. В.* Довоенный период развития Эксплуатационно-технической службы отечественных ВВС: современная российская историография (1992–2020 гг.). // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 4. DOI: 10.24411/2311-1763-2020-10261; *Аверченко С. В.* Работа эксплуатационно-технической службы отечественной военной авиации в военных конфликтах 1910–1941 гг. Анализ изученности темы по защищенным диссертациям // Военно-исторический журнал. 2021. № 12. С. 100–107.

Список литературы

1. *Абросов С.* В небе Испании 1936–1939 годы. О советских летчиках-истребителях, воевавших в Испании. М.: Б. и., 2003. - 432 с.
2. *Абросов С.* Воздушная война в Испании. Хроника воздушных сражений 1936–1939 гг. М.: Яуза, Эксмо, 2008. - 608 с.
3. *Болд Р.* Ограниченная война: военно-дипломатическая история сражения у реки Халхин-Гол. М.: Изд-во «Весь Мир», 2019. - 568 с.
4. *Ван Ци, Кулик С. В., Смирнова Д. Д.* К вопросу о китайской историографии Второй мировой войны // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 35–47.
5. *Вихавайнен Т.* Историография Зимней войны в Финляндии / Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию Советско-финляндской войны. М.: ИКЦ «Академкнига». 2009. С. 119–132.
6. *Вихавайнен Т.* Финляндская историография Зимней войны: лекция. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. - 17 с.
7. *Геуст, Карл-Фредерик.* ВВС РККА на финской войне. СПб.: Историко-культурный центр Карельского перешейка, 2014. - 376 с.
8. *Голдин В. И.* Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 3. С. 258–274.

9. *Голдин В. И.* Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: Изд-во «БОРГЕС», 2000. - 280 с.
10. *Гольман М. И.* События на Халхин-Голе в российской и зарубежной историографии // Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века. Сборник статей. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 102–111.
11. *Дудченко Г. Б., Казанцев В. П.* Китайская историография конца XX – начала XXI вв. по темам, связанным с КВЖД // Общество и государство в Китае: 44-я научная конференция. Т. XLIV. Ч. 1. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. С. 453–457.
12. *Иванов В. А.* Изучение Советско-финляндской войны в украинской историографии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2018. № 18(2). С. 256–285.
13. *Касахара Кота.* Советско-японский пограничный конфликт на озере Хасан 1938 г. в архивных материалах Японии: факты и оценки. Дисс. канд. ист. наук. С-Пб., С-Пб. гос. ун-т. 2020. - 315 с.
14. *Катасонова Е. Л.* Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы / Япония 2009. Ежегодник. М.: «АИРО-XXI», 2009. С. 271–293.
15. *Кенез П.* Западная историография гражданской войны в России / Россия XIX – XX вв. Взгляд зарубежных историков. М.: Наука, 1996. С. 181–196.
16. Конфликт на КВЖД: Из истории Советских Вооруженных Сил / Под ред. В. П. Зимонина. Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. - 176 с.
17. *Крюков В. М., Крюков М. В.* КВЖД 1929: Взрыв и эхо. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017. - 623 с.
18. *Кузнецова С. И., Штейн Б. Е.* Английская и американская историография Октябрьской революции, иностранной интервенции и Гражданской войны в России // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 147–158.
19. *Курас Л. В.* Халхин-Гол. Год 1939: современная российско-монгольская историография (к 75-летию победы) // Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии: материалы межд. науч. конф., посвящённой 75-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. 14–18 сентября 2014 г. С-Пб.: ИП Шемякина Р.С., 2014. С. 114–123.
20. *Мишанов С. А.* Строительство Красной Армии и Флота, 1921 – июнь 1941 гг.: (Анализ западной историографии): Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02, Гуманит. акад. Вооружен. Сил. Москва, 1993. - 468 с.
21. *Новиков М. В.* Британские историки о гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2. С. 31–47.
22. *Новиков М. В.* Советская военная помощь Испанской республике в 1936–1939 гг. в интерпретации англо-американских историков // Российская история. 2017. № 4. С. 123–133.
23. *Пан Тай, Сунь Имин.* Китайская историография о вопросах помощи СССР Китаю в антияпонской войне: состояние изученности и ее недостаточность // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VIII международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Вып. 9. Часть 2 / Отв. ред. А. В. Друзяка. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 137–144.
24. *Пастухов А. М.* Конфликт на КВЖД. Война, которую все решили забыть. М.: Пятый Рим, 2022. - 576 с.
25. Первая мировая война: Современная историография: Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Любин В. П., Минц М. М. М.: ИНИОН РАН, 2014. - 231 с.
26. Революция и Гражданская война в России: Современная историография: Сборник статей, обзоров и рефератов / Отв. ред. В. П. Любин; ред.-сост. М. М. Минц. М.: ИНИОН РАН, 2018. - 223 с.
27. *Родригез-Булгакова И.* Испанская историография Гражданской войны 1936–1939 гг. / Русский Сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов, Пол Чейсти. М.: Модест Колеров, 2016. С. 503-516.
28. *Романова Г. Н.* Важна объективность. Китайская историография событий Октябрьской революции 1917 г., Гражданской войны, интервенции на Дальнем Востоке России // Россия и АТР. 2001. № 4. С. 88–95.
29. Россия в Первой мировой войне: Указатель литературы 1992-2011 гг. (Препринт) / Сост. Слива А. И.; Отв. ред.: Большакова О. В. М.: ИНИОН РАН, 2013. 98 с. // Интернет-ресурс – сайт «[ИНИОН РАН](#)».
30. *Рыбалкин Ю.* Операция «Х». Советская помощь республиканской Испании (1936–1939). М.: «АИРО-XX», 2000. - 152 с.
31. Советско-финляндская война, 1939–1940 г. Список литературы // Интернет-ресурс – сайт «[Национальной библиотеки Республика Карелия](#)».
32. *Соловьев С. С.* Современная зарубежная историография советской и международной помощи Испанской республике в годы гражданской войны (1936–1939) // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 2. С. 40–43.
33. *Тиркельтауб С. В., Степаков В. Н.* Против Финляндии. Советская морская авиация на Балтике в войне 1939–1940 годов. СПб.: Б&К, 2000. - 68 с.
34. *Фадеева Т. М.* Современная историография второй Республики и гражданской войны в Испании (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История. 2018. № 2. С. 157–170.
35. *Цыбенков Б. Д., Батунаев Э. В.* Халхин-Гол: к изучению современной монгольской историографии // Власть. 2019. № 5. С. 248–254.
36. *Цыбенков Б. Д., Курас Л. В., Батунаев Э. В.* Современная монгольская историография событий на р. Халхин-Гол // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 4. С. 52–67.
37. *Чэнь Кайке.* Помощь добровольческих подразделений Военно-воздушных сил СССР в истории Китая (обзор научных исследований) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3–2. С. 20–34.
38. Air Operations in the China Area, July 1937 – August 1945 (Japanese Monograph № 76). Tokyo: Headquarters, USAFFE and eighth U.S. Army (rear); Office of the Chief of military history department of the

- Army, 1956. - 222 p.
39. *Andersson, Lennart*. Soviet Aircraft and Aviation 1917–1941. London: Putnam Aeronautical, 1994. - 361 p.
 40. *Blume, August G*. Research material relating to WWI Eastern Front aviation activities. 2008 // Интернет-ресурс «[Учебная библиотека](#)».
 41. *Blume, August G*. The Russian military air fleet in World War I. Atglen, PA: Schiffer military history, Vol. 1: A chronology, 1910–1917. 2010. - 334 p.; Vol. 2: Victories, losses, St. George awards, Romanian and French awards. 2010. - 396 p.
 42. *Boyd, Alexander*. The Soviet Air force since 1918. New York: Stein a. Day, 1977. - 259 p.
 43. China Incident. Naval Air Operations (July – November 1937) (Japanese Monograph № 166). USA: Historica Aviation Publications Reprint, 1951. - 184 p.
 44. *Cidoncha, Carlos Saiz*. Aviación republicana. Historia de las fuerzas aéreas de la República Española (1931-1939). Madrid: Almena Ediciones, 2006. - 1120 p.
 45. *Coox, Alvin D*. Nomonhan. Japan against Russia. 1939. Stanford, California: Stanford University Press, 1990. - 1276 p.
 46. *Coox, Alvin D*. The anatomy of a small war: the Soviet-Japanese struggle for Changkufeng-Khasan, 1938. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1977. - 409 p.
 47. *Durkota Alan, Darcey Tom, Kulikov Victor*. The Imperial Russian Air Service: Famous Pilots and Aircraft of World War I. Mountain View, CA: Flying Machines Press, 1995. - 566 p.
 48. *Estanislao, Abellan Agius*. Los cazas soviéticos en la guerra aérea de España 1936–1939. Cronología operativa de los Polikarpov I-15 «Chato», e I-16 «Mosca» en el conflicto Espanol. Madrid: Ministerio de Defensa, 1999. - 220 p.
 49. *Geust, Carl-Fredrik*. Punailmavoimat talvisodassa. Helsinki, Finland: Koala, 2020. - 352 p.
 50. *Geust, Carl-Fredrik*. Red Stars, Vol. 7. The Winter War in the Air. Tampere, Finland: Apali Oy, 2011. - 350 p.
 51. *Geust, Carl-Fredrik*. Red Wings in the Winter War 1939–1940. Sandomierz, Poland: Stratus, 2020. - 352 p.
 52. *Geust, C.-F., Tirkeltaub S., Petrov G*. Red Stars, Vol. 5. Baltic Fleet Air Force in the Winter War. Tampere, Finland: Apali Oy, 2004. - 192 p.
 53. *Goldman, Stuart D*. Nomonhan, 1939: The Red Army's victory that shaped World War II. Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 2012. - 226 p. (Книга в электронном виде на Интернет-ресурсе «[Bookfrom](#)»).
 54. *Jackson, Robert*. The red falcons: The Soviet air force in action, 1919–1969. Brighton: Clifton books, 1970. - 236 p.
 55. *Kotelnikov, Vladimir*. Air War Over Khalkhin Gol: The Nomonhan Incident. Berdford, UK: SAM Publications, 2010. - 112 p.
 56. *Nedialkov, Dimitar*. Japan against Russia in the Skies of Nomonhan. Sofia: Propeller Publishing, 2005. - 127 p.
 57. *Nedialkov, Dimitar*. Japan against Russia in the Skies of Nomonhan. May–September 1939. 2nd ed. Manchester: Crecy Publishing, 2011. - 250 p.
 58. *Недялков, Димитър*. В небето над Халхин Гол. София: Еър Груп 2000, 2005. - 136 с.
 59. *Rodríguez, Juan Andrés Blanco*. La historiografía de la guerra civil española // Hispania nova. 2007. № 7. P. 741–772.
 60. *Walker, Michael M*. The 1929 Sino-Soviet War: the war nobody knew. Lawrence, Kansas: University press of Kansas, 2017. - 400 p.

Информация об авторе

Аверченко Сергей Викторович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории войн и военного искусства ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Аверченко Сергей Викторович, e-mail: aviator1ww@mail.ru

HISTORIOGRAPHY

Original Paper

Pre-war period of development of the Operational and technical service of the Russian Air Force: foreign historiography

Sergey V. Averchenko ¹ ✉

¹ Air Force academy named after professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin,

Abstract:

This article attempts to review the foreign historiography of the development of the operational and technical service of the Air Forces of Russia and the USSR in 1910-1941. Considering that no special works devoted to the study of this service were carried out by foreign authors, the study mainly considered works on the participation of military aviation of Russia and the USSR in wars and armed conflicts during the period under review. The author analyzes a wide range of foreign historical scientific works concerning the development of domestic military aviation and its use in wars and armed conflicts of the period 1910-1941. In addition, a large number of historiographical and bibliographic monographs, indexes, collections, articles in scientific journals, as well as bibliographic lists in serious scientific works on the history of the Russian Air Force and military conflicts in the period under review were studied. The coverage of the issues of the use of the Russian/Soviet Air Forces and their operational and technical service is revealed in them. It is shown that foreign military-historical science could not pay due attention to the development of this one of the leading Air Force services, limiting itself only to mentioning some facts of its activities. The complete unexplored nature of the topic in foreign historical science is revealed and objective factors explaining the absence of military-historical works on it are analyzed. The analysis revealed, in general, the degree of study by foreign scientists of the development and combat use of the Russian / Soviet Air Forces in the period from 1910 to 1941 and can be useful to all subsequent researchers.

Keywords:

foreign historiography, pre-war period, interwar period, World War I, Civil War, armed conflict, Air Force, engineering and aviation service, operational and technical service

References

1. Abrosov, S. 2003, *V nebe Ispanii 1936–1939 gody. O sovetskikh letchikakh-istrebitelyakh, vovavshikh v Ispanii* [In the sky of Spain 1936–1939. About Soviet fighter pilots who fought in Spain]. Moscow: B. i., - 432 s. (In Russ.).
2. Abrosov, S. 2008, *Vozdushnaya voina v Ispanii. Khronika vozdushnykh srazhenii 1936–1939 gg.* [The air War in Spain. Chronicle of the air battles of 1936–1939]. Moscow: Yauza, Eksmo publ., - 608 s. (In Russ.).
3. Bold, R. 2019, *Ogranichennaya voina: voenno-diplomaticheskaya istoriya srazheniya u reki Khalkhin-Gol* [Limited war: the military-diplomatic history of the battle at the Khalkhin-Gol river]. Moscow: Izd. «Ves' Mir» publ., - 568 s. (In Russ.).
4. Van, Tsi, Kulik, S. V., Smirnova, D. D. 2017, K voprosu o kitaiskoi istoriografii Vtoroi mirovoi voiny [On the question of Chinese historiography of the Second World War]. IN: *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2017. № 1. S. 35–47. (In Russ.).
5. Vihavainen, T. 2009, *Istoriografiya Zimnei voiny v Finlyandii* [Historiography of the Winter War in Finland]. IN: *Zimnyaya voina 1939–1940 gg. Issledovaniya, dokumenty, kommentarii. K 70-letiyu Sovetsko-finlyandskoi voiny*. Moscow: IKTs «Akademkniga» publ., S. 119–132. (In Russ.).
6. Vihavainen, T. 2010, *Finlyandskaya istoriografiya Zimnei voiny: lektsiya* [Finnish historiography of the Winter War: lecture]. Petrozavodsk: Izd. PetrGU publ., - 17 s. (In Russ.).
7. Geust, Karl-Frederik. 2014, *VVS RKKA na finskoi voine* [The Red Army Air Force in the Finnish War]. St. Petersburg: Istoriko-kul'turnyi tsentr Karel'skogo peresheika publ., - 376 s. (In Russ.).
8. Goldin, V. I. 2019, *Grazhdanskaya voina v istorii Rossii: istoriografiya, sovremennye podkhody, podgotovka novogo akademicheskogo izdaniya* [Civil war in the history of Russia: historiography, modern approaches, preparation of a new academic publication]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii*. 2019. T. 9. № 3. S. 258–274. (In Russ.).
9. Goldin, V. I. 2000, *Rossiya v grazhdanskoi voine. Ocherki noveishei istoriografii (vtoraya polovina 1980-kh – 90-e gody)* [Russia in the Civil War. Essays on modern historiography (the second half of the 1980s – 90s)]. Arkhangel'sk: Izd. «BORGES» publ., - 280 s. (In Russ.).
10. Gol'man, M. I. 2013, *Sobytiya na Khalkhin-Gole v rossiiskoi i zarubezhnoi istoriografii* [Events on Khalkhin-Gol in Russian and foreign historiography]. IN: *Khalkhin-Gol: vzglyad na sobyitiya iz XXI veka. Sbornik statei*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN publ., S. 102–111. (In Russ.).
11. Dudchenko, G. B., Kazantsev, V. P. 2014, *Kitaiskaya istoriografiya kontsa XX – nachala XXI vv. po temam, svyazannym s KVZhD* [Chinese historiography of the late XX – early XXI centuries on topics related to the KVZhD]. IN: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: 44-ya nauchnaya konferentsiya*. T. XLIV. Ch. 1. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN publ., S. 453–457. (In Russ.).
12. Ivanov, V. A. 2018, *Izuchenie Sovetsko-finlyandskoi voiny v ukrainskoi istoriografii* [The study of the Soviet-Finnish war in Ukrainian historiography]. IN: *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni*. 2018. № 18(2). S. 256–285. (In Russ.).

13. Kasakhara, Kota. 2020, *Sovetsko-yaponskii pogranichnyi konflikt na ozere Khasan 1938 g. v arkhivnykh materialakh Yaponii: fakty i otsenki*. Dis. ... kand. ist. nauk [The Soviet-Japanese border conflict on Lake Hassan 1938 in archival materials of Japan: facts and estimates. Cand. hist. sci. diss.]. S-Pb. gos. un-t. St. Petersburg, - 315 s. (In Russ.).
14. Katasonova, E. L. 2009, *Khalkhin-Gol: 70 let spustya. Istoriografiya problemy* [Khalkhin-Goal: 70 years later. Historiography of the problem]. IN: *Yaponiya 2009. Ezhegodnik*. Moscow: «AIRO-XXI» publ., S. 271–293. (In Russ.).
15. Kenez, P. 1996, *Zapadnaya istoriografiya grazhdanskoi voiny v Rossii* [Western historiography of the Civil War in Russia]. IN: *Rossiya XIX – XX vv. Vzglyad zarubezhnykh istorikov*. Moscow: Nauka publ., S. 181–196. (In Russ.).
16. Zimonin, V. P., ed. 1989, *Konflikt na KVZhD: Iz istorii Sovetskikh Vooruzhennykh Sil* [The conflict on the KVZhD: From the History of the Soviet Armed Forces]. Khabarovsk: Kn. izd-vo publ., - 176 s. (In Russ.).
17. Kryukov, V. M., Kryukov, M. V. 2017, *KVZhD 1929: Vzryv i echo* [KVZhD 1929: Explosion and echo]. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN publ., - 623 s. (In Russ.).
18. Kuznetsova, S. I., Shtein, B. E. 1956, *Angliiskaya i amerikanskaya istoriografiya Oktyabr'skoi revolyutsii, inostrannoi interventsii i Grazhdanskoi voiny v Rossii* [English and American historiography of the October Revolution, foreign intervention and the Civil War in Russia]. IN: *Voprosy istorii*. 1956. № 11. S. 147–158. (In Russ.).
19. Kuras, L. V. 2014, *Khalkhin-Gol. God 1939: sovremennaya rossiisko-mongol'skaya istoriografiya (k 75-letiyu pobedy)* [Khalkhin-Goal. The year 1939: modern Russian-Mongolian historiography (to the 75th anniversary of the victory)]. IN: *Prigranichnoe sotrudnichestvo: istoricheskie sobytiya i sovremennye realii: materialy mezhd. nauch. konf., posvyashchennoi 75-letiyu Pobedy sovetskikh i mongol'skikh voisk na reke Khalkhin-Gol*. 14–18 sentyabrya 2014 g. St. Petersburg: IP Shemyakina R.S. publ., S. 114–123. (In Russ.).
20. Mishanov, S. A. 1993, *Stroitel'stvo Krasnoi Armii i Flota, 1921 – iyun' 1941 gg.: (Analiz zapadnoi istoriografii)*: Dis. ... d-ra ist. nauk [Construction of the Red Army and Navy, 1921 – June 1941: (Analysis of Western historiography). Doct. hist. sci. diss.] Gumanit. akad. Vooruzh. Sil. Moscow, - 468 s. (In Russ.).
21. Novikov, M. V. 2009, *Britanskie istoriki o grazhdanskoi voine v Ispanii 1936–1939 gg.* [British historians about the Spanish Civil War of 1936–1939]. IN: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2009. № 2. S. 31–47. (In Russ.).
22. Novikov, M. V. 2017, *Sovetskaya voennaya pomoshch' Ispanskoi respublike v 1936–1939 gg. v interpretatsii anglo-amerikanskikh istorikov* [Soviet military aid to the Spanish Republic in 1936–1939. in the interpretation of Anglo-American historians]. IN: *Rossiiskaya istoriya*. 2017. № 4. S. 123–133. (In Russ.).
23. Pan Tai, Sun' Imin. 2019, *Kitaiskaya istoriografiya o voprosakh pomoshchi SSSR Kitayu v antiyaponskoi voine: sostoyanie izuchennosti i ee nedostatochnost'* [Chinese historiography on the issues of the USSR's assistance to China in the anti-Japanese war: the state of knowledge and its insufficiency]. IN: Druzyaka, A. V. ed. *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Blagoveshchensk – Kheikhe, Tyan'tszin', Pekin, 20–28 maya 2019 g.)*. Vypusk 9. Chast' 2. Blagoveshchensk: Izd. BGPU publ., S. 137–144. (In Russ.).
24. Pastukhov, A. M. 2022, *Konflikt na KVZhD. Voina, kotoruyu vse reshili zabyt'* [Conflict on the KVZhD. The war that everyone decided to forget]. Moscow: Pyaty Rim publ., - 576 s. (In Russ.).
25. Lyubin, V. P., Mints, M. M., eds. 2014, *Pervaya mirovaya voina: Sovremennaya istoriografiya: Sb. obzorov i referatov* [The First World War: Modern historiography: Collection of reviews and abstracts]. Moscow: INION RAN publ., - 231 s. (In Russ.).
26. Lyubin, V. P., Mints, M. M., eds. 2018, *Revolyutsiya i Grazhdanskaya voina v Rossii: Sovremennaya istoriografiya: Sbornik statei, obzorov i referatov* [Revolution and Civil War in Russia: Modern historiography: A collection of articles, reviews and abstracts]. Moscow: INION RAN publ., - 223 c. (In Russ.).
27. Rodrigez-Bulgakova, I. 2016, *Ispanskaya istoriografiya Grazhdanskoi voiny 1936–1939 gg.* [Spanish historiography of the Civil War of 1936–1939]. IN: Airapetov, O. R., Kolerov, M. A., Menning, Bryus, Polunov, A. Yu., Cheisti, Pol., eds. *Russkii Sbornik*. T. XX: SSSR i Grazhdanskaya voina v Ispanii 1936–1939. Moscow: Modest Kolerov publ., S. 503–516. (In Russ.).
28. Romanova, G. N. 2001, *Vazhna ob"ektivnost'. Kitaiskaya istoriografiya sobytii Oktyabr'skoi revolyutsii 1917 g., Grazhdanskoi voiny, interventsii na Dal'nem Vostoke Rossii* [Objectivity is important. Chinese Historiography of the events of the October Revolution of 1917, the Civil War, and the intervention in the Russian Far East]. IN: *Rossiya i ATR*. 2001. № 4. S. 88–95. (In Russ.).
29. Bol'shakova, O. V., red. 2013, *Rossiya v Pervoi mirovoi voine: Ukazatel' literatury 1992–2011 gg. (Preprint)* [Russia in the First World War: Index of literature 1992–2011. (Preprint)]. Moscow: INION RAN publ., 2013. - 98 s. [[on-line](#)]. (In Russ.).
30. Rybalkin, Yu. 2000, *Operatsiya «X». Sovetskaya pomoshch' respublikanskoi Ispanii (1936–1939)* [Operation «X». Soviet aid to Republican Spain (1936–1939)]. Moscow: «AIRO-XX» publ., - 152 s. (In Russ.).
31. *Sovetsko-finlyandskaya voina, 1939–1940 gg. Spisok literatury* [[on-line](#)]. (In Russ.).
32. Solov'ev, S. S. 2006, *Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya sovetskoj i mezhdunarodnoj pomoshchi Ispanskoi respublike v gody grazhdanskoi voiny (1936–1939)* [Modern foreign historiography of Soviet and international aid to the Spanish Republic during the Civil War (1936–1939)]. IN: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 2006. № 2. S. 40–43. (In Russ.).
33. Tirkel'taub, S. V., Stepakov, V. N. 2000, *Protiv Finlyandii. Sovetskaya morskaya aviatsiya na Baltike v voine 1939–1940 godov* [Against Finland. Soviet naval aviation in the Baltic in the war of 1939–1940]. St. Petersburg: B&K publ., - 68 s. (In Russ.).
34. Fadeeva, T. M. 2018, *Sovremennaya istoriografiya vtoroi Respubliki i grazhdanskoi voiny v Ispanii (obzor)* [Modern historiography of the Second Republic and the Spanish Civil War (review)]. IN: *Sotsial'nye i*

- gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5. Istoriya. 2018. № 2. S. 157–170. (In Russ.).*
35. Tsybenov, B. D., Batunayev, E. V. 2019, Khalkhin-Gol: k izucheniyu sovremennoi mongol'skoi istoriografii [Khalkhin-Gol: to the study of modern Mongolian historiography]. IN: *Vlast'*. 2019. № 5. S. 248–254. (In Russ.).
 36. Tsybenov, B. D., Kuras, L. V., Batunayev, E. V. 2019, Sovremennaya mongol'skaya istoriografiya sobytiy na r. Khalkhin-Gol [Modern Mongolian historiography of events on the Khalkhin-Gol river]. IN: *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*. 2019. № 4. S. 52–67. (In Russ.).
 37. Chen', Kaike. 2015, Pomoshch' dobrovol'cheskikh podrazdelenii VoЕННО-vozdushnykh sil SSSR v istorii Kitaya (obzor nauchnykh issledovaniy) [Assistance of volunteer units of the USSR Air Force in the history of China (review of scientific research)]. IN: *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2015. № 3–2. S. 20–34.
 38. *Air Operations in the China Area, July 1937 – August 1945 (Japanese Monograph № 76)*. Tokyo: Headquarters, USAFFE and eighth U.S. Army (rear); Office of the Chief of military history department of the Army, 1956. - 222 p. (In English).
 39. Andersson, Lennart. 1994, *Soviet Aircraft and Aviation 1917–1941*. London: Putnam Aeronautical, 1994. - 361 p. (In English).
 40. Blume, August G. 2008, *Research material relating to WWI Eastern Front aviation activities*. 2008. [\[on-line\]](#). (In English).
 41. Blume, August G. 2010, *The Russian military air fleet in World War I*. Atglen, PA: Schiffer military history, Vol. 1: A chronology, 1910–1917. 2010. - 334 p.; Vol. 2: Victories, losses, St. George awards, Romanian and French awards. 2010. - 396 p. (In English).
 42. Boyd, Alexander. 1977, *The Soviet Air force since 1918*. New York: Stein a. Day, 1977. - 259 p. (In English).
 43. *China Incident. Naval Air Operations (July – November 1937) (Japanese Monograph № 166)*. USA: Historica Aviation Publications Reprint, 1951. - 184 p. (In English).
 44. Cidoncha, Carlos Saiz. 2006, *Aviación republicana. Historia de las fuerzas aéreas de la República Española (1931–1939)*. Madrid: Almena Ediciones, 2006. - 1120 p. (In Spanish).
 45. Coox, Alvin D. 1990, *Nomonhan. Japan against Russia. 1939*. Stanford, California: Stanford University Press, 1990. - 1276 p. (In English).
 46. Coox, Alvin D. 1977, *The anatomy of a small war: the Soviet-Japanese struggle for Changkufeng-Khasan, 1938*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1977. - 409 p. (In English).
 47. Durkota Alan, Darcey Tom, Kulikov Victor. 1995, *The Imperial Russian Air Service: Famous Pilots and Aircraft of World War I*. Mountain View, CA: Flying Machines Press, 1995. - 566 p. (In English).
 48. Estanislao, Abellan Agius. 1999, *Los cazas soviéticos en la guerra aérea de España 1936–1939. Cronología operativa de los Polikarpov I-15 «Chato», e I-16 «Mosca» en el conflicto Espanol*. Madrid: Ministerio de Defensa, 1999. - 220 p. (In Spanish).
 49. Geust, Carl-Fredrik. 2020, *Punailmavoimat talvisodassa*. Helsinki, Finland: Koala, 2020. - 352 p. (In Finnish).
 50. Geust, Carl-Fredrik. 2011, *Red Stars, Vol. 7. The Winter War in the Air*. Tampere, Finland: Apali Oy, 2011. - 350 p. (In English).
 51. Geust, Carl-Fredrik. 2020, *Red Wings in the Winter War 1939–1940*. Sandomierz, Poland: Stratus, 2020. - 352 p. (In English).
 52. Geust, C.-F., Tirkeltaub S., Petrov G. 2004, *Red Stars, Vol. 5. Baltic Fleet Air Force in the Winter War*. Tampere, Finland: Apali Oy, 2004. - 192 p. (In English).
 53. Goldman, Stuart D. 2012, *Nomonhan, 1939: The Red Army's victory that shaped World War II*. Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 2012. - 226 p. [\[on-line\]](#). (In English).
 54. Jackson, Robert. 1970, *The red falcons: The Soviet air force in action, 1919–1969*. Brighton: Clifton books, 1970. - 236 p. (In English).
 55. Kotelnikov, Vladimir. 2010, *Air War Over Khalkhin Gol: The Nomonhan Incident*. Berdford, UK: SAM Publications, 2010. - 112 p. (In English).
 56. Nedialkov, Dimitar. 2005, *Japan against Russia in the Skies of Nomonhan*. Sofia: Propeller Publishing, 2005. - 127 p. (In English).
 57. Nedialkov, Dimitar. 2011, *Japan against Russia in the Skies of Nomonhan. May–September 1939*. 2nd ed. Manchester: Crecy Publishing, 2011. - 250 p. (In English).
 58. Недялков, Димитър. 2005, *В небето над Халхин Гол*. София: Еър Груп 2000, 2005. - 136 с. (In Bulgarian).
 59. Rodríguez, Juan Andrés Blanco. 2007, La historiografía de la guerra civil española. IN: *Hispania nova*. 2007. № 7. P. 741–772. (In Spanish).
 60. Walker, Michael M. *The 1929 Sino-Soviet War: the war nobody knew*. Lawrence, Kansas: University press of Kansas, 2017. - 400 p. (In English).

Information about the author

Sergey V. Averchenko, Cand. Sci. (History), teacher of the Department of history of wars and military art of the Air Force academy named after professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin, Voronezh, Russian Federation.

Corresponding author

Sergey V. Averchenko, e-mail: aviator1ww@mail.ru

Наука. Общество. Оборона
2022. Т. 10. № 4

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2022. Vol. 10. № 4

УДК: 355 + 930.2

DOI: 10.24412/2311-1763-2022-4-34-34

Поступила в редакцию: 27.07.2022 г.

Submitted: July 27, 2022

Опубликована: 23.09.2022 г.

Published online: September 23, 2022

Для цитирования: Сеницын М. В. К вопросу об использовании методик менеджмента, кибернетики и военно-исторической науки при изучении органов управления // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, №4(33). С. 34-34. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-34-34>.

For citation: Sinitsyn M. V. To the question of the using some methods of management, cybernetics and military history in studies of command structures. – *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2022;10(4):34-34. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-34-34>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2022 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2022 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Обзорная статья

К вопросу об использовании методик менеджмента, кибернетики и военно-исторической науки при изучении органов управления

Максим Владиславович Сеницын^{1, 2} ✉

¹ Институт всеобщей истории РАН,
г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4480-5789>, e-mail: m.v.sinitsyn@yandex.ru

² Институт перспективных исследований проблем искусственного интеллекта
и интеллектуальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4480-5789>, e-mail: m.v.sinitsyn@yandex.ru

Аннотация:

Вопросы исследования систем управления большими коллективами не теряют своей актуальности и в настоящий момент рассматриваются сразу несколькими дисциплинами. В части исследования органов военного управления на текущий момент возникло пересечение как минимум трех дисциплин: военной истории,

управления (менеджмента) и кибернетики. В данной статье приводится их разбор для анализа применимости методик при исследовании систем управления вооруженными силами в части определения набора параметров, необходимых для изучения. В части военных наук рассматриваются методики военно-теоретических трудов А.В. Свечина и Б.М. Шапошникова, рассматривавших военное дело с точки зрения искусства, а также методы теории военного управления, в которых была сделана попытка формализовать управленческий процесс и вывести законы управления. Представлены подходы кибернетических наук к описанию моделей управления и формализации их параметров, которые, на взгляд автора, в отдельности на текущий момент не позволяют выявлять закономерности и являются прежде всего прикладным инструментом для автоматизации процессов. Кроме того, анализируется методологическая база наук и трудов об управлении, три подхода (процессный, системный и ситуационный) к рассмотрению управленческой деятельности, а также «бессубъектная концепция» управления Г.П. Щедровицкого, которая опирается на «систему мыследеятельности» и не берет в расчет личностные характеристики субъекта управления. В заключении исследования приводится набор параметров, необходимых для изучения исторического опыта деятельности органов военного управления стратегического и оперативного уровня: организационная структура, подготовка кадров, характеристика высшего командного состава, уровень военной мысли, материальное и морально-психологическое обеспечение действующей армии.

Ключевые слова:

управление, менеджмент, военная история, военная наука, кибернетика, военное искусство

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы исследования органов управления в военное время не теряют своей актуальности, так как наглядно позволяют изучить исторический опыт работы организационных структур, который, как правило, не имеет исторических ограничений для применения. Однако закономерен вопрос о методиках такого рода исследований. Как описать процессы управления и как выявить динамику их развития, какие параметры важны для научного анализа?

Критериями научности исследования являются предметность, позволяющая воспроизвести знания в деятельности человека, выявление причинно-следственных зависимостей на уровне законов, и на основе их – проективность, позволяющая рассчитывать протекание событий в будущем или их состояние в прошлом [12, с. 68].

В данной работе с учетом трех дисциплин – военной истории, управления и кибернетики, сделана попытка обобщить их опыт в части выявления параметров для изучения управленческих структур.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

В области военной истории функции управления рассматривались в части военной истории и военного искусства, которое делилось на стратегию и тактику, а начиная с 20-х гг. XX века между ними выделяется также и оперативное искусство.

При этом здесь также присутствует вопрос считать ли стратегию искусством или наукой. К.Клаузевиц (1) исходил из требования о неоспоримой точности, предъявляемой к наукам, поэтому писал о стратегии как об искусстве. Немецкий философ И. Кант писал, что наукой можно считать любое систематизированное описание человеческой деятельности [26, с. 17].

По данному вопросу разногласия возникли уже в первые годы строительства РККА: в мае 1922 г. по инициативе Л.Д. Троцкого проведена дискуссия «Военная наука среди других наук», на которой и Троцкий, и Свечин, отрицали возможность существования военной науки, полагая, что «война не наука, а практическое искусство, умение» и что «военное искусство не имеет своих специфических принципов, ибо они являются общими для всякой борьбы — от дискуссии и бокса до борьбы между трудом и капиталом» [7, с. 8]. В противовес им М.В. Фрунзе и его сторонники доказывали, что «военное дело, используя достижения и знания из различных областей

науки, имеет свою собственную теорию, свои специфические знания о строительстве, подготовке армии и флота, вооруженной борьбе, которые никакие другие науки, кроме военной, познать не могут» [7, с. 8].

Однако в вопросах обобщения опыта, задания объективного инструментария военной науки с целью последующего применения, следует признать, что они должны быть самостоятельно проанализированы человеком как субъектом управления. Военный теоретик А.В. Свечин в предисловии к своему труду «Стратегия» (1926) писал, что «Настоящий труд ставит себе скромную задачу — явиться только напутствием к самостоятельной стратегической работе, помочь читателю занять и исходное положение и дать ему несколько широких перспектив, чтобы содействовать скорейшему выходу стратегического мышления из закоулков и тупиков на прямую дорогу» [26, с. 23].

Так и сам теоретический материал Свечина если не является шаблоном, он должен способствовать выработке новых решений на основании ранее полученных знаний. В этой работе содержатся и позиции Свечина по целому ряду важных вопросов, в том числе о значении науки и теоретических знаний, опыта прошлого и военной истории. В частности, он писал: «...история военного искусства является совершенно необходимым введением к настоящему труду; без такого введения мы рискуем остаться совершенно непонятыми. Не остановив предварительно своего внимания на важнейших военных явлениях истории, не омеблировав своего мышления рядом военно-исторических фактов, мы подвергаемся опасности заблудиться в абстрактных положениях теории стратегического искусства; польза, которую мы из нее извлечем, будет пропорциональна тому опыту и военно-историческому багажу, которым мы располагаем, приступая к занятиям по стратегии. [...] Все содержание стратегии представляет, по существу, размышление над военной историей. *И стратегия, по завету Клаузевица, должна избегать перехода от формы размышления, к жесткому руслу точно отчеканенного учения из правил, выводов и заключений*» [26, с. 23] (курсив мой – М.С.).

А.А. Кокошин в своём труде в главе «Метод и методология научного исследования у Свечина» характеризовал его «отсутствием дидактичности» и «принципиальной важностью знания военной истории» [15, с. 126]. Метод изучения стратегии Свечина – размышление над военной историей. Аналогичная позиция высказана Б.М. Шапошниковым в труде «Мозг армии», где он указывал, что «не нужно доказывать всю полезность и необходимость изучения того или иного вопроса в военном деле путем исторических примеров» [36]. Тем самым Шапошников ставил задачей исследования «на конкретном историческом примере проследить жизнь "мозга армии" и из нее сделать нужные нам выводы и поучения для наших дней» [36].

Труд Шапошникова характерен в части методики исследования: определяется исторический контекст событий (военные, политические и дипломатические события в начале XX в.), организационная структура Генерального штаба и особый упор делается на описание деятельности высших должностных лиц, прежде всего – начальника Генерального штаба Конрада фон Хётцендорфа.

В годы Великой Отечественной войны в Генеральном штабе функционировал отдел (с 1944 г. – управление) по использованию опыта войны. Однако, во-первых, отдел работал по «проблемному» принципу, аккумулируя материалы под решение текущих задач, а во-вторых – охватывал максимум оперативный уровень штаба фронта [4].

Полноценное развитие теория управления Вооруженными силами получила в СССР в 1960 – 70-е гг., выделившись в отдельную дисциплину. В 1968 г. на базе кафедры по разработке вопросов автоматизации и механизации управления войсками в Военной академии Генерального штаба была создана кафедра управления войсками. В.Ф. Савченко в своей статье «Теория военного управления история и современность» [25] методологию изучения описал на основе четырех законов управления:

1. зависимости структуры системы управления от организационной структуры Вооруженных Сил, группировки войск (сил) в регионе, используемой ими боевой техники, вооружения и решаемых задач;
2. сохранения единства организационно-методологических основ управления на всех уровнях (звеньях);
3. зависимости методов работы органов управления от применяемых в системе управления технических средств;
4. зависимости эффективности решения задач управления от наличия времени, объема и содержания используемой информации.

Вышеизложенные законы обозначают два объекта исследования – взаимодействие между органами управления и их организационно-штатную структуры. Этот подход был применён, в частности, В.А. Жилиным в труде «Система органов управления оперативно-стратегического звена: прошлое, настоящее, будущее» [9], где объектом исследования выступили именно организационные структуры.

Таким образом постепенно произошёл переход от восприятия военной истории как базы для изучения военного искусства, как это декларировалось в трудах Шапошникова и Свечина, к строго формализованным методам. Существенно снизилось внимание к человеческому фактору как младших, так и высших командных кадров, а также к вопросам их подготовленности в части военной мысли. Были попытки учесть фактор подготовки кадров за счет использования индекса развития человеческого потенциала [1], однако таким подходом невозможно измерить уровень военной мысли и специального военного образования.

Военная наука в силу своей высокой близости к искусству оперирует прежде всего принципами и законами. М.А. Гареев справедливо утверждал, что «даже хорошо разработанная теория сама по себе мало что дает, если ею не овладеют кадры», а также что в послевоенное время «односторонне подчеркивалось значение теоретических знаний и недооценивалась необходимость воспитания у командных кадров и штабных офицеров ряда качеств» [8, с. 3]. Поэтому необходимо, чтобы в исследовании вопросов управления разрабатывался вопрос подготовки командных кадров и применения ими своих знаний.

КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В 1948 г. Н. Винером в своём труде положено начало кибернетике – науке об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе. Само слово образовано за счёт латинизации древнегреческого слова *kybernetes*, обозначавшего рулевого на корабле [39]. В 1830-х во Франции в лексиконе отмечено слово *cybernétique*, обозначавшее «искусство управления». От однокоренного греческого *kubernáo* (вести, управлять) пошло и английское выражение *to govern* – управлять. Таким образом, кибернетика как наука фактически поставила вопрос о поисках закономерностей в управлении объектами. Однако, в рамках этой работы в основном использовался аппарат технических наук. Основной идеей книги Н. Винера «Кибернетика» стала возможность технического представления биологических процессов математическими моделями, в силу чего наука и приобрела популярность среди инженеров и в рамках разработки вопросов управления в технических системах – по опыту и подобию управлению человеком.

В целом в первой половине XX в. наблюдался рост влияния технических наук на гуманитарные плоскости. Уже в годы Второй мировой войны на Западе и особенно в Великобритании начало активно развиваться научное направление по «Исследованию операций» (англ. *Operations research*) [38; 40]. Начальная задача состояла во внедрении новых технологий (радары, корректирующие бомбы и применение стратегической авиации) в военную сферу, а также в создании систем поддержки принятия решений (2) для военных по их применению. В 1944 г. выходит книга Дж. фон Неймана «Теория игр и экономическое поведение» [23], в которой был задан математический аппарат для описания двух противоборствующих сторон.

Впоследствии направление по исследованию операций расширилось и до систем по расчету применения вооруженных сил, особенно в тактическом звене. В послевоенное время полученные знания стали активно применяться США в гражданской сфере [2, с.12].

В СССР интерес к кибернетике появляется в 1960-х гг. В 1970 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова был организован факультет вычислительной математики и кибернетики. В военной науке в этот период отмечается резкий рост трудов по кибернетике и формализации управленческой деятельности – это работы Ю. Г. Мильграма [22], П. Н. Ткаченко [31], Ю. В. Чуева [35], Ю.Н. Сушкова «Кибернетика в бою» [29] и многие другие [5; 27; 30]. Кибернетическая система представлена на рисунке ниже.

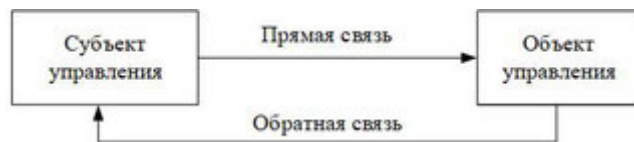

Рисунок 1 – Кибернетическая система

Предмет исследования кибернетики обозначен В.Ф. Турчиным следующим образом: «Кибернетика изучает организацию систем в пространстве и времени, то есть то, каким образом связаны подсистемы в систему и как влияет изменение состояния одних подсистем на состояние других подсистем. Основной упор делается ...на организацию во времени, которая в случае, когда она целенаправленна, называется управлением» [32; цит. по: 17, с. 97].

К методам кибернетики относятся алгоритмизация, использование обратной связи, метод машинного эксперимента, метод «чёрного ящика», системный подход, формализация [13].

Системный подход определяет модель управления как ряд подсистем, объектов и субъектов управления, связанных прямыми и обратными связями, и является инструментом формализации.

Методы алгоритмизации и формализации представляют собой деление системы управления на множество элементов, функционирующих по выявленным алгоритмам. Зачастую формализация оказывается неполной и не может покрыть все параметры системы.

Метод обратной связи основывается на необходимости обработки данных о внешней среде системы управления, и выявлению необходимых методов реагирования на изменения.

Метод «черного ящика» позволяет не делить систему на элементы, а исследовать лишь внешние воздействия на систему управления и её реакции. На текущий момент технологии искусственного интеллекта только переходят к этапу «объяснимого искусственного интеллекта» (англ. *Explainable AI*). Соответственно даже при построении хорошо работающей системы оказываются не выявленными закономерности исторического процесса развития органов управления.

Кроме того, кибернетическая модель не сможет объяснить процесс синтеза идей и решений, так как роль личности в ней минимизирована, а модель сведена до уровней субъекта и объекта управления, а также процесса взаимодействия между ними и внешним миром.

КОНЦЕПЦИЯ Г.П. ЩЕДРОВИЦКОГО И УПРАВЛЕНИЕ КАК НАУКА

До начала XX века менеджмент или управление не выделялись в отдельный самостоятельный род деятельности и следовательно описывались как искусство на теоретической основе общенаучных дисциплин. Например, для гражданских чиновников согласно Указу от 6 августа 1809 г. устанавливались экзамены по четырём дисциплинам «Науки словесные», «Правоведение», «Науки исторические» и «Науки математические и физические» [34].

В Пажеском корпусе, который с 1802 г. являлся заведением военно-учебным, в число изучаемых в корпусе предметов входили: Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, история, география, арифметика, алгебра, начальная и высшая геометрия, тригонометрия, физика, статика и механика, артиллерия и фортификация, рисование и черчение, танцы, фронт, верховая езда и фехтование. Учеников камер-пажеского класса особо предписано было знакомить с «историей о трактатах и переговорах государственных», о «политическом отношении государства и о правлениях европейских», а также «упражняться в деловом слого на трех упомянутых языках» [33].

Произведения на тему управления М. Цицерона «О государстве», Н. Макиавелли «Государь», Платона «Государства» писались на основе эмпирических данных и формальной логики, тем самым определяя управление как искусство.

В конце XIX – первой половине XX в. в период научно-технической революции резко возросло количество гуманитарных наук и научных дисциплин. Выделились и оформились такие учения как социология, политология, культурология. Господствующее в то время материалистическое восприятие мира способствует и увеличению роли технических наук.

Менеджмент как наука об управлении зародился в начале XX века. Среди основателей науки выделяют Ф. Тейлора, Г. Форда, М. Вебера, А. Файоля. Советская школа была представлена такими деятелями как А.А. Богданов, А.К. Гастев, О.А. Ерманский, П.М. Керженцев, Н.А. Амосов.

Западная школа ставила во главу угла практическую ценность менеджмента, в исследованиях предметом изучения выступали организационные структуры, а ключевая задача ставилась как повышение эффективности производства.

Основополагающим трудом А.А. Богданова стала «Тектология» (от греч. *τέκτων* – плотник, строитель, творец и *λόγος* – слово, учение), которую он обозначил как всеобщую организационную науку. «Не может и не должно быть иной точки зрения на жизнь и мир, кроме организационной» [3, с. 71] — писал он в своей работе. Будучи приверженцем эмпирического подхода, позитивистом, Богданов стремился к универсализации знания о принципах эволюции и ставил организационную деятельность во главу прогресса и развития. Выработанный Богдановым системный подход, где есть одно ядро (организационное), на которое уже наслаиваются иные идеи, также впоследствии нашел своё отражение в исследовании управления.

Подход Богданова в первые годы советской власти развития не получил в связи с критикой работы В.И. Лениным в статье «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» [18]. Другие советские исследователи Научной организации труда больше уходили в практику, нежели чем в философию. Керженцев писал в основном о производительности и об интенсивности труда. А.К. Гастев, ученик А.А. Богданова, возглавлявший созданный последним в 1920 г. Центральный институт труда СССР (ЦИТ), также провозглашал «принципиальное единство методов управления механическими, биологическими и социальными процессами» [16, с. 4]. В дальнейшем Гастев занимался в ЦИТе рационализаторской и практической деятельностью. В 1939 г. Гастев был расстрелян, а институт закрыт за «идеалистические» мировоззрения. Хотя, на взгляд автора, более механистического, материалистического и антиутопического взгляда на процессы управления придумать было сложно.

**Человек, — это МЕХАНИЗМ, созданный
СТИХИЙНОЙ ЭВОЛЮЦИЕЙ природы.**

Наша задача:

РАЗВИТЬ по разработанным системам,
УТОЧНИТЬ,
АВТОМАТИЗИРОВАТЬ,
УСКОРИТЬ,

**работу этого механизма, чтобы действи-
тельно сделать человека-работника**

ВСЕМОГУЩИМ.

Рисунок 2 – Плакат ЦИТ СССР

В 1940 г. на базе ликвидированного ЦИТ СССР в составе Наркомата авиационной промышленности СССР был создан Трест организации авиационной промышленности «Оргавиапром», который возглавил П.Г. Щедровицкий.

В послевоенное время его сын, Г.П. Щедровицкий заложит фундамент философской школы, которая будет заниматься изучением организационных функций. Во многом подход Г.П. Щедровицкого будет схож с А.А. Богдановым, прежде всего в плане системного подхода.

Щедровицкий ядром системы определил инструмент получения знания, методологию. Далее, словно помещая метод в человеческий разум, основным ядром при принятии решений получалось человеческое мышление. Щедровицкий отрицал присущий М. Веберу упор на личность, из которого следует харизматический тип управления (по Веберу харизма – «это некое качество индивида, в силу которого он слывет одаренным сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по крайней мере, особо исключительными, никому больше не доступными силами и способностями или считается посланцем богов, совершенством и поэтому вождем» [6, с. 279]). То есть для Щедровицкого вопрос ставится не «какие кадры», а «как кадры обучены». Тем самым он отвергал роль личности в истории, заменяя её системой мышления индивидуумов.

Методика Щедровицкого по словам его ученика В.Е. Лепского оказалась с «бессубъектной ориентацией» [19, с. 22-24, 87], причем саму по себе бессубъектность развития России в том же труде Лепский называл главной проблемой страны. Согласно концепциям Щедровицкого, даже не человек (личность) формирует решение, а его мышление. Щедровицкий указывал, что «не человек мыслит, а мышление мыслит через человека. Человек есть случайный материал, носитель мышления» [37, с. 120]. Последнее таким образом является «искусственно-естественным», то есть имеет как в меньшей степени собственные, так и приобретенные черты. Вслед за этим тезисом Щедровицким и его соратниками было сформулировано такое понятие как «система мыследеятельности», которую можно считать своеобразным аналогом операционной системы компьютера в человеке. Спорным у школы являлись и суждения, что оргуправленческое мышление можно массово внедрять. В рамках последнего был придуман механизм «организационно-деятельностных игр» (ОДИ), на которых в игровой форме слушателям преподносились те или иные принципы. Фактически в рамках ОДИ создавалась

виртуальная реальность, вырабатываемая модератором. Участник ОДИ после игры признавал игровой опыт как свой собственный несмотря на то, что этот опыт был задан искусственно.

Ратуя за универсализм методов, выводил их Щедровицкий на основании индукции и разбора опыта прошлого. Получаемые им схемы принятия управленческих решений являлись скорее принципами. Тем самым Щедровицкий не уходит далеко от методов военных теоретиков А.В. Суворова (3), К. фон Клаузевица, А.В. Свечина и даже Сунь Цзы, также вырабатывавших свои принципы на основе эмпирического опыта. Однако, их труды вошли скорее в каноны военного искусства. Принцип различен с теорией именно тем, что его ещё необходимо уметь применять. В «Истории военного искусства» под редакцией Ротмистрова писалось, что «Военное искусство потому и называется искусством, а не ремеслом, что оно требует не только знаний, но и таланта» [11, с. 24].

Щедровицкий же напротив, считал «систему мыследеятельности» неким императивом. В результате инструмент познания (методология) оказался отдельно от самого процесса познания мира. Де-факто Щедровицким была разработана лишь методика изучения управленческой деятельности, основанная на выявлении присущих индивиду методов принятия решений и обучению этим методам.

Следует отметить, что особое внимание организационной деятельности в СССР было вызвано именно материалистическими догмами в советской философии. Диалектика Гегеля и произведения Маркса, Энгельса и Ленина приводили к мысли, что возможно найти закономерности развития мышления и логически его формализовать.

Вместо опыта, именно на основании которого ранее и строилась управленческая иерархия (чем выше выслуга лет и возраст, тем выше звание), во главу угла ставится некий механизм мышления. В то же время следует сделать вывод, что правы и те, и другие – важен как опыт, так и способность мыслить нужными категориями и образами. Поэтому в военной науке существует дисциплина «История военной мысли». Кроме того, важностью для науки обладают именно объективные закономерности, законы, принципы и правила с описанием влияния человеческого фактора на процесс принятия решений.

Ключевым достижением школы Щедровицкого стало понимание ограниченности человеческого мышления, давшее толчок изучению семиотики и культурологических границ человеческого восприятия окружающего мира.

Важнейшим моментом также являлась рефлексия, аналогичная каналу обратной связи в кибернетике. Щедровицкий широко использовал это понятие, в переводе означающее «обращенный назад». Слово использовалось как «самоанализ», то есть рефлексия оказалась синонимичной «обратной связи» в кибернетике. Однако рефлексия может быть на уровнях восприятия, эмоций, на уровне логики. И это значительно шире, чем просто обратная связь (рефлексия) — это получение знаний о мире на основании полученного опыта, который может быть как личным, историческим или литературным, так и научным – то есть познание мира шло в рамках изучения той или иной науки. Значительное сужение понятия «рефлексии» в угоду диалектике привело к подмене понятий в учении Щедровицкого, которое достаточно широко распространено и в современных исследованиях по проблемам управления [20].

Уход от анализа субъекта и объекта управления и их влияния на управленческий процесс негативно сказался на научной ценности результатов трудов Г.П. Щедровицкого и его сподвижников. В частности, личностные факторы: опыт, воля и моральный дух (мотивация), – оказались не учтены в СМД-методологии.

Вместе с тем, проблема мотивации широко исследовалась в менеджменте, где описаны: 1) концепция иерархии потребностей А. Маслоу, 2) трехфакторная модель потребностей Д. Мак-Клелланда, 3) теории «Х» и «У» Д. Мак-Грегора, 4) Двухфакторная теория Ф. Герцберга, 5) Теория справедливости Дж. Адамса, 6) теория ожиданий В. Врума [10, с. 140-142]. Также выделялись четыре метода мотивации: духовная, материальная, наградная и девиантная [10, с. 142-147]. Вышеописанные подходы больше подходят для описания построенного по западному образцу современного бизнеса, нежели чем для описания органов военного управления.

В целом следует отметить, что в ряде исследований по проблемам управления, написанных с точки зрения технических наук, процесс управления как конструктор «инженерно разбирается» на ряд модулей, каждый из которых детализируется и исследуется [24]. В результате вместо понимания управления как искусства или как науки оно превращается в строгую техническую систему.

В более практико-ориентированных работах по теории управления присутствуют три подхода к её изучению [21, с. 10-14]. Процессный подход рассматривает управление как упорядоченную систему непрерывных функций планирования, отдачи распоряжений и контроля. Системный подход возник в результате сближения с кибернетическими методами и представляет процесс управления как модель управления с множеством субъектов и объектов управления, прямыми и обратными связями. Ситуационный подход особое внимание уделяется внешней среде, с которой взаимодействует система управления, тем самым любое управленческое решение является относительным и должно быть рассмотрено в историческом контексте – тем самым данный подход крайне близок к методу историзма в исторических науках.

Таким образом, необходимо заметить, что методики изучения управления в отличие от кибернетики охватывают не только изучение организационных структур, а также систему мышления личности и процесс принятия ею решений в контексте социальных рамок. Кроме того, в них куда большее влияние оказывают междисциплинарные и общенаучные подходы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подходы всех трех дисциплин (кибернетики, военного искусства и управления) могут быть совмещены в рамках военно-исторического исследования.

Важно отметить, что разделы военного искусства: стратегия и оперативное искусство, – представляют собой отражения двух управленческих функций. Первая состоит в том, чтобы обозначить стратегический путь решения проблемы. Это затрагивает выработку консенсуса в высших эшелонах власти по вопросам управления страной и вооруженными силами. Так формируется некое пространство, поле, внутри которого нижестоящим органам управления придется решать те или иные задачи. Вторая задача – операционная. Если первая отвечает за постановку задач, то вторая – за их решение.

Соединение этих двух функций в один управленческий процесс создаёт бесконечное пространство для исследования, то есть мы получаем непрерывный процесс управления с обратной связью, который не может быть решен математическими методами. В этом ключевое отличие человеческих систем от управления в технических системах, построенных по принципу обратной связи. В технике известно какое состояние устройство должно быть задано, оно может быть определено путем математических вычислений. В человеческой же деятельности проблема выработки и постановки задачи актуальна в связи с постоянной проблемой неопределенности, которая в последующем может также возникать даже уже в ходе исполнения принятых решений.

В части исследования организации рационально применять системный подход, рассматривающий связи между органами управления и их внешней средой, однако, при этом, следуя традициям изучения военного искусства, особое внимание следует уделять роли личностей (4), принимавших решения и уровню подготовки кадров.

В части изучения мышления командного состава необходимо рассматривать уровень развития военной теории, а также систему подготовки кадров, используя аппарат исторической науки. Кроме того, необходимо учитывать мотивационные характеристики и моральный дух, как командования, так и подчиненных структур.

Наконец, в части изучения процессов в динамике, следуя принципу историзма и анализируя обратную связь, – необходимо исследовать закономерности изменения методов и форм управления в зависимости от ранее принятых решений. Кроме того, нельзя не забывать, что люди и техника представляют собой, согласно наукам об управлении, социотехническую систему и, следовательно, невозможно оценивать действия лиц,

принимающих решения без анализа доступных материальных ресурсов, как это и приводится в методах изучения теории управления Вооруженными силами.

Примечания

1. «Цель науки — одно лишь знание; цель искусства — умение». См. *Клаузевиц К.* О войне. М.: Госвоениздат, 1934. С.77
2. Дан современный термин.
3. Три принципа «глазомер, быстрота, натиск». См. *Суворов А.В.* Наука побеждать. М.: Воениздат, 1987.
4. Лиц, принимающих решения (ЛПР) в управленческой терминологии.

Список литературы

1. *Андреев А.Ф.* Проблемы теории управления в военном деле // Вестник Академии военных наук. 2008. № 3(24).
2. *Ашкенази В.О.* Применение теории игр в военном деле. М.: Советское Радио, 1961.
3. *Богданов А.А.* Тектология. Кн.1. М.: Экономика, 1989.
4. *Васильев Н.М.* Работа Генерального штаба по обобщению опыта войны в 1941-1945 годах // Военная мысль. 1994. №5.
5. Введение в исследование операций. М.: Наука, 1968.
6. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии Т. 1. Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
7. *Гареев М.А.* О военной науке и военном искусстве // Военно-исторический журнал. 1993. № 5.
8. *Гареев М.А.* О военной науке и военном искусстве // Военно-исторический журнал. 1993. № 6.
9. *Жилин В.А.* Система органов управления оперативно-стратегического звена: прошлое, настоящее, будущее. М., 2001.
10. *Зиновьева Е.В., Пузыревский Л.С.* Мотивация и менеджмент // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 3.
11. История военного искусства. Т. 1. М. : Воениздат, 1963.
12. История и философия науки. Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2014.
13. Кибернетика / Большая российская энциклопедия [[электронная версия](#)].
14. *Клаузевиц К.* О войне. М.: Госвоениздат, 1934.
15. *Кокошин А.А.* Выдающийся российский военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. М.: Издательство Московского университета, 2013.
16. *Кравченко А.И.* Социальный инженеризм в эпоху советской власти // Социология. 2017. № 2.
17. *Курносоев Ю.В., Конотопов П.Ю.* Аналитика: методология, технология и организация информационно-аналитической работы. М.: Издательство «Русаки», 2004.
18. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Изд-во политической литературы, 1986.
19. *Лепский В.Е.* Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015.
20. [Материалы Института развития им. Г.П. Щедровицкого.](#)
21. *Макаров В.М.* Теория менеджмента. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012.
22. *Мильграм Ю.Г.* Исследование операций и алгоритмизация боевых действий. М.: Военно-воздушная инженерная академия имени Н. Е. Жуковского (ВВИА), 1968.
23. *Нейман фон, Дж.* Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970.
24. *Новиков Д.А.* Методология управления. М.: Либроком, 2011.
25. *Савченко В.Ф.* Теория военного управления: история и современность // Военная мысль. 2007. № 11. С. 50-58.
26. *Свечин А.* Стратегия. М.: Военный вестник, 1927.
27. *Скрипкин В.А.* Математические методы исследования операций в военном деле. М.: МГУ, 1972.
28. *Суворов А.В.* Наука побеждать. М.: Воениздат, 1987.
29. *Сушков Ю.Н.* Кибернетика в бою. М.: Воениздат, 1972.
30. *Тараканов К.В.* Математика и вооруженная борьба. М.: Воениздат, 1974.
31. *Ткаченко П.Н.* Математические модели боевых действий. М.: Советское радио, 1969.
32. *Турчин В.Ф.* Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е. М.: ЭТС, 2000.
33. *Уваров И.А.* Рождение военной интеллигенции России (Пажеский корпус) // Интеллигенция и мир. 2011. № 3.
34. Указ 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники» // Система [ГАРАНТ](#).
35. *Чуев Ю.В.* Исследование операций в военном деле. М.: Воениздат, 1970.
36. *Шапошников Б.М.* Мозг армии. В 3-х книгах: Кн. 1. М.-Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1927.

37. Щедровицкий Г.П. На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М.: Шк. культ. пол., 2004.
38. Charles R. Shrader. History of Operations Research in the United States Army. [Vol. I: 1942-62](#). WASHINGTON, D.C., 2006.
39. Cybernetics // [Online Etymology Dictionary](#).
40. McCloskey J.F. OR Forum — The Beginnings of Operations Research: 1934–1941. Operations Research, 35(1), 143–152. doi:10.1287/opre.35.1.143.

Информация об авторе

Синицын Максим Владиславович, аспирант Института всеобщей истории РАН, младший научный сотрудник Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Синицын Максим Владиславович, e-mail: m.v.sinitsyn@ya.ru

WORKS OF YOUNG SCIENTISTS

Review

To the question of the using some methods of management, cybernetics and military history in studies of command structures

Maxim V. Sinitsyn^{1, 2} ✉

¹ *Institute of World History RAS,
Moscow, Russian Federation,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4480-5789>, e-mail: m.v.sinitsyn@yandex.ru

² *MSU Institute for Artificial Intelligence, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4480-5789>, e-mail: m.v.sinitsyn@yandex.ru

Abstract:

The issues of research on the management of large teams do not lose their relevance and are currently being considered by several disciplines at once. In terms of the study of military command structures, at the moment there is an intersection of at least three disciplines: military history, management and cybernetics. This study provides their review to analyze the applicability of techniques in the study of command structures of the armed forces in terms of determining the set of parameters necessary for the study. In the part of military sciences are considered, the methods of military-theoretical works of A.V. Svechin and B.M. Shaposhnikov, reviewing military affairs from the point of view of art, as well as methods of the theory of military management, in which an attempt was made to formalize the management process and derive the laws of management. The approaches of cybernetic sciences to the description of control models and the formalization of their parameters are described, which, in the author's opinion, are not allowed separately at the moment. In addition, are reviewed the methodological base of sciences and works on management and three approaches (process, system and situational) to the consideration of management activities, as well as the "subject-free concept" of G.P. Shchedrovitsky's management, which is based on the "system of mental activity" and does not take into account the personal characteristics of the subject of management, are analyzed. The conclusion of the study provides a set of parameters necessary for studying the historical experience of the activities of the strategic and operational level military command bodies: organizational structure, personnel training, characteristics of the highest command staff, the level of military thought, material and moral and psychological support of the army.

Keywords:

References

1. Andreev A.F. (2008). Problemy teorii upravleniya v voennom dele [Problems of control theory in military affairs]. – *Vestnik Akademii voennyh nauk*. 2008. № 3(24).
2. Ashkenazi V.O. (1961). *Primenenie teorii igr v voennom dele* [Application of game theory in military affairs]. M.: Sovetskoe Radio, 1961.
3. Bogdanov A.A. (1989). *Tektologiya* [Tectology]. Kn.1. M.: Ekonomika, 1989.
4. Vasil'ev N.M. (1994). Rabota General'nogo shtaba po obobshcheniyu opyta vojny v 1941-1945 godah [The work of the General Staff on the generalization of the experience of the war in 1941-1945]. – *Voennaya mysl'*. 1994. № 5.
5. *Vvedenie v issledovanie operacij* [Introduction to operations research]. M.: Nauka, 1968.
6. Veber M. (2016). *Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii. T.1. Sociologiya* [Economy and society: essays on understanding sociology T. 1. Sociology]. M.: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2016.
7. Gareev M.A. (1993). O voennoj nauke i voennom iskusstve [On military science and military art]. – *Voennostoricheskij zhurnal*. 1993. № 5.
8. Gareev M.A. (1993). O voennoj nauke i voennom iskusstve [On military science and military art]. – *Voennostoricheskij zhurnal*. 1993. № 6.
9. Zhilin V.A. (2001). *Sistema organov upravleniya operativno-strategicheskogo zvena: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The system of control bodies of the operational-strategic level: past, present, future]. Moscow, 2001.
10. Zinov'eva E.V., Puzyrevskij L.S. (2008). Motivaciya i menedzhment [Motivation and management]. – *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2008. № 3.
11. *Istoriya voennogo iskusstva* [History of military art]. T. 1. M.: Voenizdat, 1963.
12. *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2014.
13. Kibernetika [Cybernetics]. – In: [Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya](#).
14. Klauzevic K. (1934). *O vojne* [About the war]. Moscow: Gosvoenizdat, 1934.
15. Kokoshin A.A. (2013). *Vydayushchijsya rossijskij voennyj teoretik i voenachal'nik Aleksandr Andreevich Svechin. O ego zhizni, ideyah, trudah i nasledii dlya nastoyashchego i budushchego* [Prominent Russian military theorist and military leader Alexander Andreevich Svechin. About his life, ideas, works and legacy for the present and future]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013.
16. Kravchenko A.I. (2017). Social'nyj inzhenerizm v epohu sovetskoj vlasti [Social engineering in the era of Soviet power]. – *Sociologiya*. 2017. № 2.
17. Kurnosov Yu.V., Konotopov P.Yu. (2004). *Analitika: metodologiya, tekhnologiya i organizaciya informacionno-analiticheskoy raboty* [Analytics: methodology, technology and organization of information and analytical work]. Moscow: Izdatel'stvo «Rusaki», 2004.
18. Lenin V.I. (1986). *Materializm i empiriokriticizm. Kriticheskie zametki ob odnoj reakcionnoj filosofii* [Materialism and empirio-criticism. Critical Notes on a Reactionary Philosophy]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1986.
19. Lepskij V.E. Evolyuciya predstavlenij ob upravlenii (metodologicheskij i filosofskij analiz) [Evolution of ideas about management (methodological and philosophical analysis)]. Moscow: Kogito-Centr, 2015.
20. [Materialy Instituta razvitiya im. G.P. Shchedrovickogo](#) [Materials of the Institute of Development G.P. Shchedrovitsky].
21. Makarov V.M. (2012). *Teoriya menedzhmenta* [Theory of management]. SPb.: Izd-vo Politekhn. un-ta, 2012.
22. Mil'gram Yu.G. (1968). *Issledovanie operacij i algoritimizaciya boevyh dejstvij* [Research of operations and algorithmization of combat operations]. Moscow: Voennovo-zhukovskaya inzhenernaya akademiya imeni N. E. Zhukovskogo (VVIA), 1968.
23. Nejman fon, Dzh. (1970). *Teoriya igr i ekonomicheskoe povedenie* [Game Theory and Economic Behavior]. Moscow: Nauka, 1970.
24. Novikov D.A. (2011). *Metodologiya upravleniya* [Management methodology]. Moscow: Librokom, 2011.
25. Savchenko V.F. (2007). Teoriya voennogo upravleniya: istoriya i sovremennost' [Theory of military control: history and modernity]. – *Voennaya mysl'*. 2007. № 11. S. 50-58.
26. Svechin A. (1927). *Strategiya* [Strategy]. Moscow: Voennyj vestnik, 1927.
27. Skripkin V.A. (1972). *Matematicheskie metody issledovaniya operacij v voennom dele* [Mathematical methods for researching operations in military affairs]. Moscow: MGU, 1972.
28. Suvorov A.V. (1987). *Nauka pobezhdat'* [Science to win]. Moscow: Voenizdat, 1987.
29. Sushkov Yu.N. (1972). *Kibernetika v boyu* [Cybernetics in combat]. Moscow: Voenizdat, 1972.
30. Tarakanov K.V. (1974). *Matematika i vooruzhennaya bor'ba* [Mathematics and armed struggle]. Moscow: Voenizdat, 1974.
31. Tkachenko P.N. (1969). *Matematicheskie modeli boevyh dejstvij* [Mathematical models of combat operations]. Moscow: Sovetskoe radio, 1969.
32. Turchin V.F. (2000). *Fenomen nauki: Kiberneticheskij podhod k evolyucii* [Phenomenon of Science: A Cybernetic Approach to Evolution]. Izd. 2-e. Moscow: ETS, 2000.
33. Uvarov I.A. (2011). Rozhdenie voennoj intelligencii Rossii (Pazheskij korpus) [The Birth of the Russian Military Intelligentsia (Page Corps)]. – *Intelligenciya i mir*. 2011. №3.
34. *Ukaz 6 avgusta 1809 g. «O pravilah proizvodstva v chiny po grazhdanskoj sluzhbe i ob ispytaniyah v naukah dlya proizvodstva v kollezhskie asesory i statskie sovetniki»* [Decree of August 6, 1809 "On the rules for

УДК: 94(438).071/.073/.074 + 929 Пилсудский

DOI: 10.24412/2311-1763-2022-4-35-35

Поступила в редакцию: 13.10.2022 г.

Submitted: October 13, 2022

Опубликована: 31.10.2022 г.

Published online: October 31, 2022

Для цитирования: Курганский А. А. Юзеф Пилсудский о возрождении польского государства // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, №4(33). С. 35-35.

<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-35-35>.

For citation: Kurganskii A. A. Józef Piłsudski about the Polish state's rebirth. – *Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2022;10(4):35-35. (In Russ.).

<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-35-35>.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект №20-39-90011 «Эволюция концепции Междуморья во внешней политике Польши в межвоенный период».

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the RFBR grant, project number 20-39-90011 «The evolution of the concept of Intermarium in the foreign policy of Poland in the interwar period».

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2022 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2022 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Персоналии

Юзеф Пилсудский о возрождении польского государства

Анатолий Анатольевич Курганский ¹ ✉

¹ Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
г. Калининград, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3145-6831>, e-mail: anatkurg@yandex.ru

Аннотация:

Основатель возрожденного после Первой мировой войны польского государства Юзеф Пилсудский продолжает оставаться одним из самых почитаемых политических деятелей в истории Польши. Его взгляды на польскую

государственность, способы ее восстановления и укрепления сформировались в период до провозглашения независимости Польши и были реализованы во время пребывания его во главе независимого польского государства. В статье на основании документов, вышедших из-под пера Пилсудского, и мемуарной литературы предпринята попытка выявить истоки и содержание этих взглядов, проанализировать их эволюцию в изменявшихся геополитических условиях. В работе делается вывод, что в качестве инструмента борьбы за «освобождение» Польши от России Пилсудский провозгласил социалистическое движение с особой польской спецификой, эксплуатируя тем самым социалистические идеи ради достижения национальных целей. Его взгляды сформировались под влиянием польской мессианской идеи, воплощенной в творчестве классиков романтической поэзии. Ставка на бескомпромиссную борьбу с самодержавием сначала привела его к союзу с Японией, а позже с Австро-Венгрией и Германией. Ближе к концу Первой мировой войны уже состоявшийся революционер-военачальник, командующий польскими легионами, отрекшийся от союза с немцами и посаженный ими в Магдебургскую крепость, приобрел образ мученика и главного борца за возрождение независимой Польши. Так окончательно складывается его легенда, которая и позволила Пилсудскому после войны стать начальником независимого польского государства, а позже, в результате государственного переворота 1926 г., установить свою единоличную власть во главе авторитарного режима «санации».

Ключевые слова:

Юзеф Пилсудский, Польша, Польская социалистическая партия, мессианство, Ягеллонская идея, Первая мировая война, российско-польские отношения

ВВЕДЕНИЕ

Юзеф Клеменс Пилсудский (1867–1935) справедливо считается отцом-основателем современного польского государства. С юности принимая участие в национальном движении, он пытался реализовать свои взгляды сначала как социалист-революционер, позже как руководитель военизированных формирований стрелков, затем в годы Первой мировой войны создав боевые отряды польских легионов, выступавшие на стороне Тройственного союза. В 1918 г. Пилсудский стал «временным начальником» возрожденной Польши и добровольно оставил свой пост в 1922 году. В результате Майского переворота 1926 г. он оказался во главе режима «санации» и оставался авторитарным правителем вплоть до своей смерти в 1935 году.

Вся его жизнь была связана с Польшей, которую он стремился не просто вернуть на карту Европы, но и укрепить настолько, чтобы она смогла противостоять сильным европейским державам. Прежде всего речь шла о противостоянии с Германией и Россией, которых он считал главными противниками независимости Польши. Эти и другие взгляды Пилсудского на внешнюю и военную политику восстанавливаемого государства были сформированы у него до провозглашения независимости страны 11 ноября 1918 года. К этому времени 50-летний Юзеф Пилсудский прошел большой путь от социалиста-революционера и ссыльного до главнокомандующего польскими стрелками и бригадой польских легионеров. В это время была в основном сформирована «легенда Пилсудского», благодаря которой он и пришел к власти и стал одной из ключевых фигур в истории Польши. В статье предпринимается попытка выявить, под воздействием каких факторов сформировались и эволюционировали взгляды Пилсудского на восстановление независимости Польши и внешнюю политику польского государства.

Личность Пилсудского благодаря фанатично преданным сторонникам еще в межвоенный период была причислена к числу наиболее выдающихся поляков в истории. Известно, что к нему с уважением относился папа Иоанн Павел II, а первый президент посткоммунистической Польши, которая считается как бы продолжением межвоенной Речи Посполитой, а не коммунистической ПНР, Лех Валенса также публично демонстрировал почтение к памяти этого польского лидера [5, с. 98-99]. Основатели ныне правящей польской национал-консервативной партии «Право и Справедливость» Лех и Ярослав Качиньские всегда заявляли о том, что считают себя последователями Юзефа Пилсудского [6, с. 83].

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Фигура Ю. Пилсудского всегда привлекала внимание историков и политологов, в особенности польских, российских, украинских, белорусских и, как следствие, историография его жизни и деятельности чрезвычайно обширна. Среди работ можно отметить несколько фундаментальных трудов. В российской историографии главным специалистом по новейшей истории Польши и автором единственной биографии Пилсудского является Г. Ф. Матвеев. Помимо характеристики основных вех жизни и деятельности первого маршала Польши, автором представлен критический анализ сложившихся в научной литературе и публицистике мифов о нем [7; 8]. Планы Ю. Пилсудского по воссозданию сильного польского государства – «Великой Польши» – рассматривали Я. Я. Гришин, М. З. Галиуллин и В. Е. Туманин [1]. О взглядах Пилсудского на мессианскую идею в сравнении с идеями русского православного мессианства писал С. В. Морозов [9]. И. К. Ким проанализировал новейшую польскую историографию о взглядах Пилсудского в сравнении с идейными установками его основного политического конкурента Р. Дмовского на фоне других деятелей санационного лагеря [2; 3].

Среди польских специалистов по биографии Пилсудского можно выделить А. Гарлицкого, написавшего его самую обстоятельную биографию и давшего всестороннюю оценку его роли в образовании независимого польского государства [13]. Интересный взгляд на биографию Пилсудского представлен в совместном труде Д. и Т. Наленч, которые достаточно критично рассмотрели деятельность своего героя, прежде всего учитывая психоэмоциональные особенности личности Пилсудского в мотивах принятия им различных решений [10]. Историк В. Сулея, напротив, попытался развенчать существующую критику Пилсудского в историографии, называя себя его «апологетом» [20]. Серьезный анализ политики Пилсудского в отношении России проведен А. Новаком [16; 17]. В. Побуг-Малиновский считается одним из первых авторов, составивших подробную биографию Ю. Пилсудского, представив его как героя и «главного основателя» независимой Польши, а также введя в научный оборот большое количество неопубликованных источников [19]. Несомненную важность для изучения биографии Пилсудского представляет 4-х томное издание «Календарь жизни Юзефа Пилсудского 1867–1935», подготовленное В. Енджеевичем и Я. Чисеком [15]. П. Цихорацкий проанализировал исторические мифы о Пилсудском, укоренившиеся в исторической памяти поляков [12].

Украинский историк Г. А. Королев представил интересный анализ взглядов и деятельности Ю. Пилсудского в контексте развития Ягеллонской идеи в польской политической мысли [4]. Белорусский историк А. А. Крутиков исследовал историческую память и историческую политику относительно фигуры Пилсудского в Польше [5].

В целом в отечественной историографии отсутствуют работы, в которых бы предпринималась попытка проанализировать факторы формирования взглядов Юзефа Пилсудского на восстановление польского государства вместе с анализом его деятельности на этом пути до того момента, когда он стал во главе независимой Польши в 1918 году.

Основными источниками настоящего исследования послужили документы, автором или составителем которых был сам Пилсудский: письма, публицистические статьи, политические декларации, комментарии, заметки, стенограммы выступлений, обращения, тексты лекций, прочитанных им, целые исторические произведения, написанные Пилсудским, воспоминания, которые опубликованы в первых четырех томах его десятитомного собрания сочинений [18]. Кроме того, были привлечены мемуары современников.

ИСТОКИ ВЗГЛЯДОВ

Будущий основатель независимой Польши родился в богатой шляхетской семье литовских поляков в родовом имении Зулув на территории Литвы. Его отец Юзеф Винсенты происходил из старинного рода Гинетовичей, которые были известны с 1413 года. Мать Пилсудского Мария также была из знатного и богатого польско-белорусско-литовского дворянского рода. Семья Пилсудских всегда была связана с польским национальным движением, его отец был участником Январского восстания 1863-1864 гг.

Польские элиты и участники национального движения стремились не просто добиться независимости Польши от России, но и воссоздать Речь Посполитую в границах до 1772 г., включая украинско-белорусские земли бывшего польско-литовского государства, получившие название восточных кресов. Идея воссоздания независимой Польши в ее «исторических» границах называется Ягеллонской по имени польско-литовской династии, при

которой состоялось объединение Польши с Великим княжеством Литовским и была создана Речь Посполитая. Характерными чертами ягеллонской Польши являются: полиэтничный характер, мультикультурность и многоязычность, с одновременными процессами полонизации и притеснением «диссидентов» – приверженцев христианства не католического вероисповедания. Такая Польша является сильной державой на пространстве Центральной и Восточной Европы и основным ее конкурентом за достижение геополитического доминирования в регионе является Россия.

С Ягеллонской идеей была связана польская мессианская традиция, которая была распространена в сфере культуры и искусства. Польский мессианизм развивался прежде всего под влиянием произведений польских поэтов романтического направления – Адама Мицкевича, Юлиуша Словацкого и Зигмунта Красиньского. Согласно религиозным мессианским сюжетам, Польша должна «воскреснуть» как государство и служить примером для других народов в создании Царства Божия на Земле [11, с. 61]. По мнению приверженцев мессианской идеи, Польша являлась форпостом католичества и всей западной цивилизации, поэтому ей на протяжении веков угрожал «варварский восток», и миссия «особенного» польского народа заключается в «освобождении» проживающих там народов от «деспотии» и «многовековой тирании» [11, с. 56-57].

С.В. Морозов, характеризуя основные идеи международной политики будущего польского диктатора, отмечает, что мессианизм Пилсудского предполагал «раздел России и построение на ее территории Великой Польши, в связи с чем ему не были чужды мысли о собственном особом предназначении в польской истории» [9, с. 147]. Связанным с мессианской идеей являлся и распространенный в польской культуре миф о древнегреческом Прометее, который дал людям огонь, чем вызвал гнев богов и пострадал от них. Аллегии «польского Прометея» присутствуют практически во всех сферах культуры и искусства.

Юзеф Пилсудский получил традиционное воспитание в духе польских национальных традиций. В своей известной статье «Как я стал социалистом» 1903 г. он подробно рассказал про воспитание со стороны матери: «Мать, непримиримая патриотка, даже не пыталась скрыть от нас боль и разочарование, вызванные поражением восстания (1), да, она воспитывала нас, сделав акцент на необходимости продолжать борьбу с врагом Отечества. С самого раннего детства нас знакомили с произведениями наших поэтов, с особым уклоном на запрещенные произведения, нас учили польской истории, покупали только польские книги. Этот революционный патриотизм не имел конкретной социальной направленности. Из наших поэтов мать больше всего любила Красиньского, а я с детства восхищался Словацким, который также был моим первым учителем демократических принципов» [18, т. II, с. 46]. Воспитание в духе польского мессианства оказало большое влияние на Юзефа и его старшего брата Бронислава (2).

По мнению исследователей польского мессианства, его суть можно охарактеризовать так: все поэты-романтики и философы верили в приход мессии, который спасет народ от зла и страданий, причем таким мессией может быть, как харизматическая личность, так и некоторая группа людей [11, с. 57]. Можно предположить, что Юзеф Пилсудский считал себя такой личностью, предназначение которой восстановить независимость Польши. Этим и объяснялись его дальнейшие действия в этом направлении, в том числе и по созданию военизированных отрядов, которые Пилсудский со своими сторонниками стремился сделать прообразом польской армии. Ведущий российский историк-полонист Г.Ф. Матвеев отмечает, что именно мать воспитала в Пилсудском «желание сделать все от него зависящее для воскрешения Польши» [7, с. 16].

Пилсудский учился в 1-й виленской мужской гимназии, которая была основана на месте Виленского университета, упраздненного в 1832 году. Этот университет был *alma mater* Адама Мицкевича и Юлиуша Словацкого, для Пилсудского этот факт был особенно знаменательным, и он его неоднократно подчеркивал в своих публицистических работах. Еще со времен учебы Юзеф Пилсудский в качестве пути для восстановления польского государства избрал национально-освободительную борьбу.

СОЦИАЛИЗМ

После пяти лет ссылки в Сибири (1887–1892), под воздействием эмоциональных потрясений от «самоуправства и произвола властей», он вступил в Польскую социалистическую партию (ППС), со временем даже стал одним

из лидеров ППС на территории России (3). Будучи увлеченным популярными идеями социализма и видя «несправедливость общественно-политического строя», Пилсудский в своих публицистических работах призывал к борьбе против «эксплуататорского класса», «военно-политического режима» и «царской деспотии и тирании» в Польше. Провозглашенная ППС борьба за свободу польского пролетариата сочеталась с борьбой против царизма и в качестве необходимого условия для построения социализма рассматривалось создание независимой демократической Польши. Вступив на путь революционной борьбы, Пилсудский фактически идею «польского социализма» представлял как инструмент «польского мессианства» для освобождения не только поляков, но и других народов от «полицейского режима» и «царской деспотии»; он заявлял, что «социализм в Польше неразделим с идеей независимости». В середине 1890-х гг. он писал: «Величайшим врагом польского рабочего класса является российский царизм» [18, t. I, s. 79]. Будучи участником международных социалистических конгрессов, Пилсудский пытался представить образование независимого польского государства как «неотъемлемое политическое требование международного рабочего движения» [18, t. I, s. 148].

Пилсудский и его сторонники определяли два этапа становления социализма в Польше. Прежде всего следовало освободить Царство Польское от российской власти и построить «демократическое польское государство», а затем приступить к решению собственно пролетарской задачи — борьбе за создание общества социальной справедливости [8, с. 133].

Один из мифов, касающихся Пилсудского, вокруг которого продолжают вести дискуссии биографы главы польского государства касается того, был ли он на самом деле идейным социалистом. Факты говорят о том, что в течение примерно двадцати лет он считал себя социалистом, полностью посвящая себя нелегальной партийной работе, рискуя свободой, даже был арестован, бежал из психиатрической лечебницы в Санкт-Петербурге и все равно продолжал быть одним из руководителей партии. Справедливым представляется, что Пилсудский видел в социализме прежде всего силу, дестабилизирующую прежний строй, а тем самым способную завоевать независимость Польши [10, с. 25]. Взгляды Пилсудского совпали с установками ППС, которая сочетала в своей программе национальные и социальные лозунги. Партия выступала за то, чтобы в состав будущей независимой Польши вошли белорусские, литовские и украинские земли. Он отмечал: «Социалист в Польше должен стремиться к независимости страны, а независимость – первостепенное условие победы социализма в Польше» [18, t. II, s. 52-53]. В связи с этим для Пилсудского борьба за социализм в тот момент не представлялась возможной и эффективной без борьбы за независимость.

Относительно других непольских территорий и их возможной принадлежности к независимой Польше Пилсудский сформулировал свою позицию в годы работы в ППС. По поводу литовского социализма он отмечал, что ППС «стоит во главе социалистов в Литве», с чем всегда не соглашались литовские социалисты [18, t. I, s. 201-202]. В 1899 г. Пилсудский в письме одному из своих ближайших соратников в это время, этнографу, специалисту по национальному вопросу в России Леону Василевскому подробно описал свои взгляды по поводу будущего отношения с «соседними народностями», составляющими национальные окраины Российской империи [22, s. 36-46]. Он считал Литву и Белоруссию «одним целым» и поэтому должна быть общей политика в национальном вопросе по отношению к ним. Пилсудский это объясняет единообразием правовых, административных и исторических условий в этих двух частях бывшей Речи Посполитой. Он отмечал также, что такое же единообразие «преобладает и в этнографическом составе, и в общественных отношениях, разумеется, за исключением того, что в одном случае фон литовский, а в другом белорусский» [22, s. 39]. Еще одним фактором он называет религиозный вопрос: в Белоруссии «главным образом видим католическую и до недавних пор униатскую (4) части [населения], на которые мы можем рассчитывать в будущем». Характеризуя трудности, связанные с самоопределением белорусского народа, он добавлял: «О белорусах вполне достаточно сказать пару слов, что они неопределенны в своих национальных чувствах, и стоит упомянуть о гонениях на их язык и религию» [22, s. 41].

Относительно Литвы Пилсудский пояснял Василевскому: «Необходимо указать и доказать, что по многим причинам Литва является продолжением Польши, поэтому там огромный процент поляков, польский язык в городах, большое влияние польской культуры, одним словом, поляки – важная составная часть страны, и этому способствует общий фактор исторической традиции, участие в польских восстаниях, революциях и в социалистическом движении литовцев – поляков... У Литвы нет другого пути, как идти, тесно сплотившись с

нами, потому что революционное движение в Польше, благодаря культурной общности, всегда найдет отклик в Литве...» [22, s. 40-41].

По поводу Украины и украинцев один из лидеров ППС в России делал ставку на австрийскую концепцию формирования украинского национального движения: «Малороссия... в ней за счет литературы и фактов истории следует распространять знания о галицийских русинах (5) с их относительной свободой и существующей там (6) социалистической партией, которая должна оказывать влияние на их собратьев, оказавшихся в результате разделов в составе России» [22, s. 43]. В обстоятельном письме Пилсудский также описывал возможный потенциальный союз в борьбе против самодержавия с эстонцами, латышами, финнами, народами Кавказа, прежде всего грузинами и армянами, а также молдаванами. При этом еврейский вопрос он сознательно обходил стороной, считая его «щекотливым» и предлагая рассматривать его лишь в близкой ему Литве [22, s. 45].

Резюмируя свое обстоятельное письмо Леону Василевскому, Пилсудский писал о подготовке революции в его родной Литве. Лучшим вариантом для перечисленных народов, по его мнению, стал бы договор с Польшей с целью защиты интересов каждой народности – поляков, литовцев, белорусов и евреев. Основываясь на исторической ягеллонской традиции, он выступал за свободное развитие и устранение всякого преимущества одной национальности над другой, чего необходимо добиваться особенно ввиду «огромного переплетения национальных отношений», сформировавшегося в этом регионе. Он заключал, что для борьбы с российским самодержавием «эту задачу должны ставить социалисты всех национальностей в Литве, и именно к этому стремится ППС в своей работе на территории Литвы и считает необходимым против такого серьезного врага... теснейшее объединение ППС и социалистов всех национальностей Литвы для общей борьбы» [22, s. 42]. Приведенные положения решения национального вопроса на границах России могут считаться основными его идеями, согласно которым Пилсудский проводил политику до конца своей жизни, в том числе отойдя от социализма и находясь во главе независимого польского государства, лишь подстраивая их под меняющиеся геополитические условия.

Пилсудский отдельно в статье для газеты социалистов «Роботник» («Robotnik») писал о схожести Польши и Финляндии и призывал к совместной с финнами революционной борьбе против общего врага [18, t. I, s. 265-268].

Он был глубоко убежден в прочности связей Польши с восточными кресами и необходимости их вхождения в состав возрожденного польского государства. В 1902 г., в качестве редактора «Роботника», он писал: «Литву и Польшу связывают многочисленные узы совместной истории и культуры, которые с обеих сторон создают общую почву для борьбы трудящихся за свои права» [18, t. II, s. 21]. Он отмечал, что поляки составляют большинство местных депутатов в Вильно, Ковно и Гродно (последний, как и некоторые другие белорусские города, он считал польско-литовским). Пилсудский также пояснял свою аргументацию: «Наша земля, родившая Костюшко и Мицкевича, видела лучших патриотов, боровшихся не только против иноземцев, но и против порабощения народа своими хозяевами. Но в нынешних условиях этот благороднейший патриотизм должен вести не куда-нибудь, а в наши ряды под красное знамя социализма» [18, t. II, s. 27].

По поводу будущего государственного устройства рожденной в результате успеха революции независимой Польши Пилсудский писал в 1903 г. в контексте революционной борьбы поляков, литовцев и белорусов: «Мы не хотим сказать, что мы враги литовской или белорусской культуры. Да, мы убеждены, что от ее развития во многом зависит счастье трудящихся и успехи социализма среди литовцев и белорусов, героические усилия литовского народа по созданию и развитию родной культуры вызывают у нас уважение и искреннее сочувствие... Естественно, что ни слияние социалистических организаций в Литве, ни их союз с ППС в Царстве Польском не предрешат формы будущего государственного устройства на территории, охватываемой этими организациями. Распадется ли она на две-три полностью самостоятельные, независимые республики, или они сольются в какую-нибудь более или менее тесную федерацию, это вопрос будущего, который, вероятно, будет решаться свободными и обладающими правосознанием трудящимися Польши, Литвы и Руси (7)» [18, t. II, s. 222-223].

ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА

Одно из наиболее известных писем, вышедших из-под пера Юзефа Пилсудского, было подготовлено им во время его путешествия через Европу и Америку в Токио во время Русско-японской войны летом 1904 года. Пилсудский подготовил развернутое обращение в МИД Японии с просьбой поддержать революционное движение на западе Российской империи, чтобы Россия воевала на два фронта – против революции на западе и с Японией на востоке [18, t. II, s. 249-258]. Он просил поддержать финансово сепаратистские настроения среди таких народов, как поляки, литовцы, белорусы, украинцы и латыши, финны, а также указывал на то, что народы Кавказа «также склонны к сепаратизму», прежде всего, грузины и армяне. По его мнению, Польша являлась «движущей силой революционного движения и антироссийских настроений», способных «разбить Российскую империю».

Продолжая развивать свою мысль, Пилсудский указывал, что после отделения эти и некоторые другие национальные окраины европейской части России и Кавказа должны были объединиться в федерацию, создавая некий буфер для обеспечения безопасности Польши. Заручиться поддержкой Японии для реализации своих масштабных планов ему не удалось, тем не менее, он согласился передавать Токио информацию разведывательного характера о российских войсках в европейской части России. Это обращение стало первым изложением Пилсудского идейных основ движения, которое позже получило название «прометеизм» (8).

В тот момент у него не было четкого осознания будущей конфигурации границ Польши. Г.Ф. Матвеев отмечает, что Пилсудский был политиком с нестандартным мышлением, умел быстро осмыслить складывающуюся ситуацию и принимать не всегда оптимальные, но оправданные решения. Он признавался, что ему всю жизнь претили любые доктрины, поэтому он не оставил конкретного поэтапного плана действий ни одной из своих политических программ [7, с. 70].

Ориентацию Пилсудского на Японию в противостоянии с Россией ничем иным, кроме присущего ему прагматизма в деле решения польского вопроса в России, не объяснить. Свои антироссийские настроения Пилсудский объяснял тем, что они всего лишь отвечали национальным польским интересам. «Не было в Польше человека, который бы не молился, чтобы эти японцы, пусть даже посланные дьяволом, победили. “Пусть бьют, пусть бьют проклятых москалей!” – было общим пожеланием. Настал момент долгожданного освобождения. Однако нам не хватало веры в то, что это желание сбудется», – отмечал Пилсудский через несколько лет после окончания Русско-японской войны [18, t. III, s. 144].

После неудачной для России войны с Японией и Первой русской революции Ю. Пилсудский окончательно убедился в том, что восстановить независимость страны можно лишь с оружием в руках, для чего в ППС еще в 1904 г. им была создана тайная боевая организация. Из-за расхождения во взглядах с более молодыми членами партии, готовыми к совместной борьбе за социалистическую революцию с другими народами империи Романовых с целью достижения «всеобщего блага», в 1906 г. в партии произошел раскол. Пилсудский остался в ППС-революционной фракции, которую и возглавил. Он и его сторонники перешли к организации террористических актов и диверсий против властей Российской империи, устройству так называемых «эксов» (от слова «экспроприация») по добыче денег для формирования военизированных отрядов.

Для освобождения Польши из-под власти Романовых, по мнению Пилсудского, необходимо было создать боеспособную польскую армию, что возможно было сделать в Австро-Венгрии, в Галиции. Ставка на Австро-Венгрию в деле восстановления независимости Польши для лидера революционного движения польских социалистов объясняется тем, что в империи Габсбургов поляки уже почти 50 лет имели автономию, в королевстве Галиция и Лодометрия действовал Сейм, в котором поляки занимали 2/3 мест, на польском языке велось преподавание в Ягеллонском университете в Кракове, а также и во Львовском, поляки стремились стать третьим имперским народом вместе с австрийцами и венграми. Наместниками края там были в основном поляки. Это являлось главным условием для создания будущей национальной польской армии в двуединой монархии, которая должна была «освободить Царство Польское от российских оккупантов».

В это время он писал в «Работнике»: «Революция, которую мы хотим осуществить, – это война двух армий, нашей – революционной, народной, с правительственной, оккупационной... Революция – это борьба за власть,

реализованная насильственными средствами в относительно короткое время» [18, t. III, s. 6-7]. Во Львове в конце июня 1908 г. при участии Пилсудского создается тайная вооруженная организация – Союз активной борьбы (САБ). Через некоторое время в Галиции создаются отряды стрелков, а сам он начинает сотрудничество с Генеральным штабом вооруженных сил Австро-Венгрии.

С этого времени Пилсудский активно стал заниматься изучением военного дела и стратегии вооруженной борьбы, читал классические труды по военному искусству Наполеона и Хельмута фон Мольтке (Старшего). Под влиянием своих родителей и общения с другими участниками Январского восстания он занялся изучением его истории, выступал с лекциями по этой теме и написал исторические сочинения о восстании. С целью подготовки вооруженной борьбы против русской армии он также изучал недавно завершившиеся Франко-прусскую, Англо-бурскую и Русско-японскую войны, а также события революции 1905–1907 гг. в Царстве Польском и Первую Балканскую войну, в которой симпатизировал Турции [18, t. III, s. 256-282].

В 1911 г. стали создаваться стрелковые дружины, позже Пилсудский стал во главе национальных вооруженных формирований в ранге Главного коменданта стрелковых союзов и дружин; подготовка к военным действиям велась во Львове при поддержке правительства Австро-Венгрии. В это время будущий военачальник отходит от идей социализма, в его речах и публицистических статьях исчезает социалистическая риторика, он перестает ратовать за права рабочего класса, а декларирует необходимость освобождения всех российских поляков из «плена оккупантов-москалей». Именно в это время окончательно определилась его приверженность военной силе как способу достижения независимости Польши и обеспечения безопасности будущего государства. Отход от приверженности классовой борьбе может означать его «возвращение к корням», к воспитанным матерью патриотическим идеям в романтико-повстанческом духе, к опоре на традиции польских восстаний в царской России. «... польский вопрос после поражения восстания 1863 г. был безжалостно вычеркнут с политического рынка Европы. Стало обыкновением не учитывать нас в международных расчетах и комбинациях. Военное движение возвращает польский вопрос на европейскую шахматную доску. Его важность кажется нам еще большей, поскольку, начиная с 1904 г. мы являемся свидетелями ряда потрясений и конфликтов, в которых военная сила становится решающим фактором», – заявил Пилсудский 21 февраля 1914 г. в Париже [18, t. III, s. 252-253].

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Летом 1914 г. власти Австро-Венгрии дали согласие на проведение мобилизации поляков в армию Пилсудского. С усилением интенсивности боевых действий начавшейся Первой мировой войны Австро-Венгрия объявила о формировании первых двух полков (бригад) польских легионов в Западной (со столицей в Кракове) и Восточной Галиции (со столицей во Львове). Пилсудский возглавил I бригаду.

Часть биографов Пилсудского считает, что в это время он, чувствуя благосклонность Габсбургов к польскому вопросу, также был сторонником идеи «триалистической монархии». Это он подтвердил в одном из писем известному в Галиции политику, представителю группы краковских консерваторов, одному из лидеров Главного национального комитета (ГНК) в Кракове, который был настроен австрофильски и продвигал идею создания триалистической монархии Австро-Венгро-Польши, Владиславу Леопольду Яворскому после занятия Варшавы и Царства Польского центральными державами летом 1915 г.: «Прежде всего я подчеркиваю, что политической целью войны, которую я с самого начала ставил перед собой, было и остается до сих пор слияние Галиции и Царства Польского в составе австро-венгерской монархии. Я не считал и не считаю, что можно было в этой войне добиться лучших условий для Польши» [Цит. по: 14, s. 116]. Большинство биографов Пилсудского критически относятся к высказанным в письме тезисам, отмечая, что его следует рассматривать в контексте актуальной политической ситуации. А. Гарлицкий отмечает, что Пилсудский стремился добиться максимально выгодных условий как для себя, так и для Царства Польского, поскольку в это время все более усиливался его конфликт, как с Австро-Венгрией, так и с краковским ГНК [13, s. 184].

Из-за разногласий с военными и гражданскими лидерами монархии Габсбургов и кайзеровской Германии Пилсудский в сентябре 1916 г. покинул руководство I бригады. 5 ноября 1916 г. Германия и Австро-Венгрия провозгласили создание самостоятельного, но не независимого польского государства из российских земель

бывшего Царства Польского, но под их протекторатом. Пилсудский с восторгом воспринял эту новость, и его сторонники также разделяли эти чувства.

Между тем Пилсудский перебрался в Варшаву и стал руководить работой военной комиссии в подконтрольном Германии Временном государственном совете, где занимался созданием национальной польской армии. В это время он все более углублялся в международную политику.

Февральскую революцию в России Пилсудский также встретил благосклонно. Леон Василевский вспоминал: «Начало революции в России Комендант (9) оценил сразу как факт исключительной важности и поворотный пункт во всей нашей политике. Россия как самая главная сила в наших политических расчетах, этот наш самый большой враг, на длительное время сходила с арены. В этот период можно было не принимать в расчет непосредственную опасность со стороны русских, и теперь необходимо было направить всю энергию против двух других оккупантов» [22, s. 148]. К этому его подталкивал и начавшийся в войне перелом, который означал неизбежное поражение австро-германского блока. Он решил, что наступило время для перехода к конфронтации с Германией и Австро-Венгрией, чтобы обеспечить независимость Польши. Пилсудский это подтвердил 31 мая 1917 г. на заседании Временного государственного совета: «Акт 16 августа (10) и основанная на нем польская политика являлись политикой собирания польских земель с Галицией в качестве центра с помощью Австрии. Предполагалось, особенно в народе, что Польша будет свободной, в то время как в политических сферах сходились во мнении, что излюбленная австрийская система будет распространена на всю Польшу. Эта политика провалилась. Она отвергнута прежде всего польской нацией. Польский народ не мог согласиться с австро-германским методом создания Польши без поляков. Эта политика обанкротилась...» [18, t. IV, s. 187-188].

22 июля 1917 г., после отказа принести присягу на верность кайзеровской Германии, немцы арестовали Пилсудского. Во время заключения в Магдебургской крепости на протяжении 15 месяцев сторонники Пилсудского в оккупированном Королевстве Польском работали над популяризацией личности «главного борца за независимость Польши», его выступление против центральных держав создало ему образ «героического борца против всех оккупантов Польши». Пилсудский был освобожден с началом Ноябрьской революции в Германии. 10 ноября 1918 г. он вернулся в Варшаву, 11 ноября польское государство фактически стало независимым и Регентский совет в Варшаве передал ему всю полноту власти, а 14 ноября объявил о самороспуске. Аналогичным образом поступило и Временное народное правительство в Люблине, созданное левыми силами после начала революции в Германии.

ПРИХОД К ВЛАСТИ, ЛИЧНОСТЬ-ЛЕГЕНДА

Юзеф Пилсудский был назначен временным начальником государства (11), его главными задачами стали формирование правительства и созыв Законодательного сейма. В это время он окончательно разорвал свои связи с ППС, за что социалисты даже на него позже обижались. Пилсудскому приписывают известную фразу об отходе от социализма, которую он предположительно произнес своим старым товарищам по ППС после приезда в Варшаву из Магдебургской крепости: «Я ехал красным трамваем социализма до остановки “Независимость”, но на ней я сошел. Вы же можете ехать до конечной остановки, если вам это удастся, но теперь давайте будем обращаться друг к другу “Пан”12!» [Цит. по: 21, s. 50].

За годы нелегальной революционной борьбы и Первой мировой войны фигура бывшего революционера, ссыльного, подпольщика, террориста, Коменданта стрелков и Бригадира легионов стала легендарной для поляков, он приобрел огромную массу сторонников, прежде всего из числа левых сил, военных и прямых своих подчиненных. Последние в будущем и составили основу польской армии, а Пилсудский позднее стал первым маршалом Польши. Ему с начала XX в. посвящали книги, статьи, печатали панегирики в прессе, а со времен вооруженной борьбы сочиняли в его честь песни и хвалебные оды. Шляхетское происхождение его семьи также использовалось в пропаганде для обоснования его притязаний на власть. Его личность обросла большим количеством мифов и легенд. Созданный в это время его идеализированный образ позволил ему стать над всеми политическими силами, после обретения независимости каждый польский гражданин мог относиться к нему как к национальному вождю [12].

Наряду с этой масштабной хвалебной акцией, Пилсудский подвергался критике, прежде всего со стороны правых политиков из партии национальных демократов («эндеков»), роль которых вместе с другими политическими силами в достижении независимости Польши сознательно преуменьшалась и замалчивалась сторонниками Пилсудского. Большое количество политических противников Пилсудского в польском обществе считало его «узурпатором, вынесенным на вершину государственной власти лишь благодаря стечению обстоятельств» [10, с. 220].

В условиях, когда «рушился старый мир», происходили революции и прогремела мировая война, Юзеф Пилсудский оказался тем человеком, который сумел воспользоваться ситуацией, грамотно выстроить свою политику, и это привело его к вершине славы. Исследователи жизни Юзефа Пилсудского отмечают, что он ставил максималистские цели, имел нереальные мечты, которые «жизнь облекала в реальные формы» [10, с. 20]. Несомненно, Пилсудский был выдающейся личностью, который внес весомый вклад в возрождение польского государства. Рождение мифа Пилсудского в большей степени было сознательным и творческим процессом, который стоил огромных усилий и средств, затраченных громадным пропагандистским аппаратом [10, с. 208]. Создание легенды Юзефа Пилсудского отвечало требованиям времени, когда возрождавшаяся Польша нуждалась в такой героической фигуре. Корни его легенды «таились действительно глубоко в польской традиции». Д. и Т. Наленч отмечают, что они «обильно черпали соки из безмерно популярного в течение десятилетий романтико-повстанческого мифа» [10, с. 253].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Юзеф Пилсудский, выросший на польской романтической поэзии, ведущие представители которой являлись авторами знаменитой идеи польского мессианства, всю жизнь боролся за реализацию этой идеи, заключавшейся в стремлении к обретению независимости и укреплению Польши. Всю свою жизнь он был прагматиком, подстраивал свои взгляды и концепции под меняющиеся со временем реалии международной и внутренней политики, что позволило ему внести весомый вклад в возрождение его родины на карте Европы. Он избрал социализм в качестве действенного средства для борьбы против царской власти в России, но позже отошел от него.

В период до образования независимого польского государства в 1918 г. сформировались его взгляды на Ягеллонскую идею, по которой независимая Польша должна включать в себя восточные кресы, а также укреплять свою силу и суверенитет посредством развития армии, а также заключения системы союзов с целью противостояния двум «главным врагам Польши» – Германии и России. Эти идеи Пилсудский, будучи во главе Второй Речи Посполитой после 1918 г., и реализовывал в своих масштабных проектах – создании крупной федерации на территории бывшей Речи Посполитой, поддержке подрывного движения прометеизма на территории СССР, а также реализации концепции Междуморья. Его легенда, несмотря на все противоречия и дискуссии, продолжала обростать новыми фактами и мифами и после его смерти, а споры вокруг его личности не утихают и по сей день.

Примечания

1. 1863 г.
2. **Бронислав Пилсудский** (1866–1918) – польский революционер и этнограф. В 1887 г. вместе со своим младшим братом Юзефом и Александром Ульяновым – старшим братом Владимира Ульянова (Ленина) был арестован за покушение на Александра III, организованное Народной волей. Для него смертная казнь была заменена каторгой. С 1896 г. занимался изучением айнов, нивхов и ороков на Сахалине, получив еще при жизни награды за этнографические исследования (См.: [18, t. I, s. 37-39]).
3. ППС имела свои отделы во всех трех частях разделенной Польши, а также в других странах.
4. Униатская церковь упразднена в России в 1839 г.
5. Русинами называли украинцев в составе Австро-Венгрии.
6. В Австро-Венгерской Галиции.
7. Под Русью поляки подразумевали Украину.
8. Во Второй Речи Посполитой (1918–1939) диверсионно-повстанческое движение на территории РСФСР, а позже СССР, поддерживаемое польской разведкой. Имело цель – поддержание сепаратистских настроений на национальных окраинах России с целью их последующего отделения от страны и

создания буферного образования в виде федерации, которое бы отделяло Польшу от России, а позже СССР.

9. Прозвище Пилсудского со времен руководства отрядами стрелков.
10. О создание ГКН в Кракове в 1914 г.
11. Звание «начальника» имел и другой польский национальный герой Тадеуш Костюшко в конце XVIII в.
12. В среде польских социалистов было принято обращение «вы» вместо вежливого «пан».

Список литературы

1. Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Туманин В. Е. Юзеф Пилсудский и его амбициозные планы о создании «Великой Польши» // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 4. С. 42-42. DOI: 10.24411/2311-1763-2020-10257. EDN: НМВАМJ
2. Ким И. К. Пилсудский-Дмовский: противостояние в период первой мировой войны и становления независимой Польши // Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах, в памяти и истории: материалы международной научной конференции. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. С. 173-178.
3. Ким И. К. Современная польская историография о Юзефе Пилсудском и санационном лагере // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2010. Т. 10. № 2. С. 83-87.
4. Корольов Г. О. Європейський федераліст, імперіаліст і політичний реаліст: польські історики про Ю. Пилсудського та його східну політику // Український історичний журнал. 2015. № 4. С. 148-160.
5. Крутиков А. А. Феномен Юзефа Пилсудского и столетие польской независимости // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 4 (16). С. 84-103. DOI: 10.32726/2411-3417-2018-4-84-103
6. Лыкошина Л. С. Братья Качиньские и десятилетняя «польско-польская война». Конец «великого противостояния»? // Россия и современный мир. 2015. № 4 (89). С. 73-89.
7. Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М.: Молодая гвардия, 2008. - 474 с.
8. Матвеев Г. Ф. Юзеф Пилсудский и Польская государственность (1892-1921) // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей / отв. ред. О.А. Яновский. Мн.: БГУ, 2010. Вып. 5. С. 131-158.
9. Морозов С. В. Н. А. Бердяев, мессианизм по-польски и «пакт четырех» // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. №72. С. 146-151. DOI: 10.17223/19988613/72/21
10. Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский — легенды и факты / пер. с польск. М.: Политиздат, 1990. - 399 с.
11. Травкина А. А. Специфика польского романтического мессианизма XIX века // Вестник славянских культур. 2008. № 3-4 (10). С. 56-64.
12. Цихорацкий П. Легенда Юзефа Пилсудского в польском обществе межвоенного периода (1918-1939 годы) // История и историческая память. 2010. № 2. С. 87-98.
13. Garlicki A. Józef Piłsudski. 1867 - 1935. Warszawa: Czytelnik, 1989. - 721 s.
14. Hupka J. Z czasów Wielkiej Wojny. Pamiętnik nie kombatanta. Niwiska: nakładem autora, 1936. - 464 s.
15. Jędrzejewicz W., Cisek J. Kalendarium życia Józefa Piłsudskiego 1867-1935. Kraków; Łomianki: Instytut Książki; LTW, 2006-2007. T. I-IV.
16. Nowak A. Józef Piłsudski: a federalist or an imperialist? // L'héritage de la Res Publica des Deux Nations / Eds. Jerzy Kłoczowski, Iwona Goral. Lublin-Paris: Société de l'Institut de l'Europe du Centre-Est, 2009. P. 123-144.
17. Nowak A. Polska i trzy Rosje: studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków: Arcana, 2008. - 646 s.
18. Piłsudski J. Pisma zbiorowe. Warszawa: Instytut J. Piłsudskiego, 1937. T. I-IV.
19. Pobóg-Malinowski W. Józef Piłsudski: 1867-1914. Łomianki: LTW, 2015. - 463 s.
20. Suleja W. Mundur na nim szary...: rzecz o Józefie Piłsudskim (1867-1935). Warszawa: IPN, Komisja ścigania zbrodni przeciwko narodowi polskiemu, 2018. - 408 s.
21. Szubarczyk P. Naczelnik. – Niepodległość. Pod redakcją Marka Gałęzowskiego i Jana M. Rumana, Warszawa: IPN, 2010. (seria „Biblioteka Biuletynu IPN”. T. 4) S. 45-62.
22. Wasilewski L. Józef Piłsudski jakim go znałem. Warszawa: Rój, 1935. - 235 s.

Информация об авторе

Курганский Анатолий Анатольевич, аспирант, младший научный сотрудник Центра исследований исторической памяти Института геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Курганский Анатолий Анатольевич, e-mail: anatkurg@yandex.ru

WORKS OF YOUNG SCIENTISTS

Personalities

Józef Piłsudski about the Polish state's rebirth

Anatolii A. Kurganskii ¹ ✉

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3145-6831>, e-mail: anatkurg@yandex.ru

Abstract:

Józef Piłsudski, the founder of the resurrected Polish state after World War I, continues to be one of the most revered political figures in Polish history. His views on the Polish statehood, ways of its restoration and strengthening were formed in the period before the declaration of Poland's independence and were realized during his tenure at the head of an independent Polish state. Based on documents written by Piłsudski and memoirs, the article attempts to identify the origins and content of these views, to analyze its evolution in changing geopolitical conditions. The paper concludes that Piłsudski proclaimed a socialist movement with special Polish specifics as an instrument of struggle for the "liberation" of Poland from Russia, thereby exploiting socialist ideas in order to achieve national goals. His views were formed under the influence of the Polish messianic idea, embodied in the works of the classics of romantic poetry. The bet on an uncompromising struggle against the autocracy first led him to an alliance with Japan, and later with Austria-Hungary and Germany. Toward the end of the World War I, the already established revolutionary commander, leader of the Polish legions, who renounced the alliance with the Germany and was imprisoned by them in the Magdeburg fortress, acquired the image of a martyr and the main fighter for the revival of independent Poland. This is how his legend finally takes shape, which allowed Piłsudski to become the head of an independent Polish state after the war, and later, as a result of the coup d'état of 1926, to establish his sole power at the head of the authoritarian "sanation" regime.

Keywords:

Józef Piłsudski, Poland, Polish Socialist Party, messianism, Jagiellonian idea, World War I, Russian-Polish relations

References

1. Cihorackij P. 2010. Legenda Juzefa Pilsudskogo v pol'skom obshhestve mezhhvoennogo perioda (1918-1939 gody) [The Legend of Józef Piłsudski in Polish Society in the Interwar Period (1918-1939)]. — *Istorija i istoricheskaja pamjat'*. 2010. No 2. P. 87-98. (In Russ.).
2. Garlicki A. 1989. *Józef Piłsudski. 1867 - 1935*. Warszawa: Czytelnik, 1989. 721 s. (In Polish).
3. Grishin Ja. Ja., Galiullin M. Z., Tumanin V. E. 2020. Juzef Pilsudskij i ego ambicioznye plany o sozdanii «Velikoj Pol'shi» [Józef Piłsudski and his ambitious plans for the creation of "Greater Poland"]. — *Nauka. Obshestvo. Oborona*. 2020. T. 8. No 4 (25). P. 42-42. DOI: 10.24411/2311-1763-2020-10257. (In Russ.)
4. Hupka J. 1936. *Z czasów Wielkiej Wojny. Pamiętnik nie kombatanta*. Niwiska: nakładem autora, 1936. 464 s. (In Polish).
5. Jędrzejewicz W., Cisek J. 2006-2007. *Kalendarium życia Józefa Piłsudskiego 1867-1935*. Kraków; Łomianki: Instytut Książki; LTW, 2006-2007. T. I-IV. (In Polish).
6. Kim I. K. 2015. Pilsudskij-Dmowski: protivostojanie v period pervoj mirovoj vojny i stanovlenija nezavisimoj Pol'shi [Piłsudski-Dmowski: confrontation during the World War I and the formation of independent Poland]. — IN: *Kul'turnoe izmerenie vojny: Pervaja mirovaja vojna v obrazah, v pamjati i istorii: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Stavropol': Severo-Kavkazskij federal'nyj universitet, 2015. S. 173-178. (In Russ.).
7. Kim I. K. 2010. Sovremennaja pol'skaja istoriografija o Juzefe Pilsudskom i sanacionnom lagere [Modern Polish historiography about Józef Piłsudski and the sanation regime camp]. — *Izvestija Saratovskogo universiteta. Ser. Istorija*. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2010. T. 10. No. 2. P. 83-87. (In Russ.).
8. Korol'ov G. O. 2015. Yevropejskiy federalist, imperialist i politychnyj realist: polski istoriky pro Yu. Pilsudskoho ta yoho skhidnu polityku [European federalist, imperialist and political realist: Polish historians about J. Piłsudski and his eastern policy]. — *Ukrainskiy istorichnyj zhurnal*. 2015. No 4. P. 148-160. (In Russ.).
9. Krutikov A. A. 2018. Fenomen Juzefa Pilsudskogo i stoletie pol'skoj nezavisimosti [The Phenomenon of Józef Piłsudski and the Centenary of Polish Independence]. — *Perspektivy. Jelektronnyj zhurnal*. 2018. No 4 (16). P. 84-103. DOI: 10.32726/2411-3417-2018-4-84-103 (In Russ.).

10. Lykoshina L. S. 2015. Brat'ja Kachin'skie i desjatiletnjaja «pol'sko-pol'skaja vojna». Konec «velikogo protivostojanija»? [Brothers Kaczynski and the ten-year "Polish-Polish war". The end of the "Great Confrontation"?]. — *Rossija i sovremennij mir*. 2015. No 4 (89). P. 73-89. (In Russ.).
11. Matveev G. F. 2008. *Pilsudskij* [Piłsudski]. M.: Molodaja gvardija, 2008. 474 p. (In Russ.).
12. Matveev G. F. 2010. Juzef Pilsudskij i Pol'skaja gosudarstvennost' (1892-1921) [Józef Piłsudski and Polish statehood (1892-1921)]. — IN: *Rossijskie i slavjanskie issledovanija*: Sb. nauch. statej / otv. red. O.A. Janovskij. Mn.: BGU, 2010. No. 5. P. 131-158. (In Russ.).
13. Morozov S. V. 2021. N. A. Berdjaev, messianizm po-pol'ski i «pakt chetyreh» [N.A. Berdyaev, messianism in Polish and the "pact of four"]. — *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. 2021. No 72. P. 146-151. DOI: 10.17223/19988613/72/21 (In Russ.).
14. Nalench D., Nalench T. 1990. *Juzef Pilsudskij — legendy i fakty* [Józef Piłsudski - legends and facts] / per. s pol'sk. M.: Politizdat, 1990. 399 p. (In Russ.).
15. Nowak A. 2008. *Polska i trzy Rosje: studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku)*. Kraków: Arcana, 2008. 646 s. (In Polish).
16. Nowak A. 2009. *Józef Piłsudski: a federalist or an imperialist? L'héritage de la Res Publica des Deux Nations* / Eds. Jerzy Kłoczowski, Iwona Goral. Lublin-Paris: Société de l'Institut de l'Europe du Centre-Est, 2009. P. 123-144. (In English).
17. Piłsudski J. 1937. *Pisma zbiorowe*. Warszawa: Instytut J. Piłsudskiego, 1937. T. I-IV. (In Polish).
18. Pobóg-Malinowski W. 2015. *Józef Piłsudski: 1867-1914*. Łomianki: LTW, 2015. 463 s. (In Polish).
19. Suleja W. 2018. *Mundur na nim szary...: rzecz o Józefie Piłsudskim (1867-1935)*. Warszawa: IPN, Komisja ścigania zbrodni przeciwko narodowi polskiemu, 2018. 408 s. (In Polish).
20. Szubarczyk P. 2010. *Naczelnik. Niepodległość*. Pod redakcją Marka Gałęzowskiego i Jana M. Rumana, Warszawa: IPN, 2010. (seria „Biblioteka Biuletynu IPN”. T. 4) S. 45-62. (In Polish).
21. Travkina A.A. 2008. Specyfika pol'skogo romanticheskogo messianizma XIX veka [The Specificity of Polish Romantic Messianism in the 19th Century]. — *Vestnik slavjanskih kul'tur*. 2008. No 3-4 (10). P. 56-64. (In Russ.).
22. Wasilewski L. 1935. *Józef Piłsudski jakim go znałem*. Warszawa: Rój, 1935. 235 s. (In Polish).

Information about the author

Anatolii A. Kurganskii, Doctoral Student, Junior Researcher of the Center for Historical Memory Studies of the Institute for Geopolitical and Regional Studies of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

Corresponding author

Anatolii A. Kurganskii, e-mail: anatkurg@yandex.ru

Наука. Общество. Оборона
2022. Т. 10. № 4

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2022. Vol. 10. № 4

УДК: 94(470)

DOI: 10.24412/2311-1763-2022-4-36-36

Поступила в редакцию: 21.10.2022 г.

Submitted: October 21, 2022

Опубликована: 26.10.2022 г.

Published online: October 26, 2022

Для цитирования: Кулаков И. А. Массовое убийство воспитанников Симферопольского дома-интерната в г. Ейск в 1942 году как факт геноцида советского народа // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, №4(33). С. 36-36. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-36-36>.

For citation: Kulakov I. A. The mass murder of pupils of the Simferopol boarding school in the city of Yeysk in 1942 as a fact of the genocide of the Soviet people. – *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2022;10(4):36-36. (In Russ.).
<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-36-36>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2022 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2022 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Обзорная статья

Массовое убийство воспитанников Симферопольского дома-интерната в г. Ейск в 1942 году как факт геноцида советского народа

Иван Александрович Кулаков ¹ ✉

¹ *Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6411-8513>, e-mail: vankulakov@yandex.ru

Аннотация:

В октябре 2022 года исполняется 80 лет с момента совершения одного из самых безжалостных и одиозных преступлений против человечества в истории – убийства немецко-фашистскими оккупантами и их пособниками 214 детей Ейского дома-интерната в октябре 1942 года. Ещё во время войны факт преступления был установлен и зафиксирован в соответствующем порядке. В 1944 году на месте массового убийства был установлен первый памятный знак, а сейчас – мемориал. За этот период было написано множество научных и

публицистических работ, сняты документальные фильмы, посвящённые теме ейской трагедии. Летом 2022 года Краснодарский краевой суд установил факт геноцида советского народа со стороны оккупантов в период Великой Отечественной войны. В процесс были присвокуплены материалы убийства воспитанников Симферопольского дома-интерната в г. Ейск. Ряд исследователей оспаривают тезис «геноцид советского народа», приводя доводы и аргументы о несистемном характере уничтожения граждан СССР. В контексте преступлений против детства приводятся аргументы о том, что детоубийство практиковалось нацистами не в рамках политики геноцида советского народа, а лишь применимо к отдельным категориям граждан на всех оккупированных территориях Рейха. В данной статье предпринята попытка проанализировать эволюцию политики нацистской Германии по уничтожению людей с физическими и умственными особенностями на территории III Рейха и оккупированных территориях и рассмотреть массовое убийство детей в г. Ейск на предмет изучения факта геноцида.

Ключевые слова:

дети и война, геноцид советского народа, преступления против детства, нацизм, фашизм, Ейск

ВВЕДЕНИЕ

После прихода в Германии в 1933 г. к власти Адольфа Гитлера, новопровозглашённое нацистское государство взяло курс на сегрегацию общества по принципу принадлежности к так называемой арийской расе. К неарийским расам относились евреи, цыгане, славяне, в том числе русские. Кроме того, к «неарийцам» нацистское государство отнесло и людей, имеющих психические и физические особенности развития, а также алко- и наркозависимых. Всё это было обосновано политикой, направленной на генерацию нового «сверхчеловека», стремлением упредить продолжение рода у «асоциального элемента» [4] во избежание передачи генетически врождённых заболеваний и мутаций.

Уже с 1933 года началась активная политика по изоляции и истреблению «неполноценных» элементов общества. Развязанная война и последующая оккупация территории СССР нацистской Германией и её союзниками сопровождалась для граждан СССР теми же идеями и принципами. Особенностью оккупационной политики на восточном фронте стали факторы населявшего СССР «неарийского» населения и активного сопротивления советских людей оккупантам.

Одним из самых страшных событий в годы оккупации стало массовое убийство воспитанников детского дома-интерната в г. Ейск, когда оккупационные власти посадили воспитанников дома-интерната в душегубки – крытые грузовики, внутрь которых подавался выхлопной газ, вырабатываемый за счёт сгорания топлива и движения машины [12], и повезли за черту города. От удушья дети умерли в грузовике, после чего были захоронены под Ейском.

Ейское убийство было расследовано сразу же после освобождения города и окрестностей от нацистов. 5 апреля 1943 года комиссией в составе двух врачей и офицера была произведена экспертиза братской могилы. 3 и 4 августа того же года были вскрыты еще два захоронения, в которых были обнаружены останки детей в возрасте от 6 до 14 лет.

Спустя почти 80 лет тема Ейского убийства не утихает в российском обществе. По архивным материалам Следственный комитет Российской Федерации возбудил уголовное дело о геноциде по факту убийства детдомовцев, так как уничтожение гражданского населения, являясь преступлением против человечности, не имеет срока давности. Вопрос о геноциде советского народа актуализировался в наше время как никогда. В том числе касательно убийства детей в Ейске – был ли это акт системного геноцида советского народа или лишь составляющая евгенической программы «Т4» по уничтожению людей с психическими расстройствами, умственно отсталых и наследственно отягощённых больных?

Тема ейского преступления достаточно изучена на федеральном и региональном уровнях. В первую очередь, стоит отметить исследования И.В. Ребровой [15; 17, с. 190-212], Н.В. Бельцева [3], А.А. Дорошенко [5]. Ейское

убийство рассматривается в работах В.Г. Кикнадзе [7, с. 16-41], [8, с. 160], [9, с. 580-582]. Основной массив материалов по убийству детей был опубликован в сборнике документов «Без срока давности» [2].

ЕВГЕНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТОВ ДО НАЧАЛА ВОЙНЫ

Основным документом, на который опирались нацисты при проведении политики уничтожения «неполноценных» граждан, является закон «О предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями» от 14 июля 1934 г. Законом регулировалась стерилизация следующих категорий граждан нацистской Германии: «Врожденная деменция, шизофрения, циркулярное (маниакально-депрессивное) помешательство, наследственная эпилепсия, наследственная пляска Витуса (хорея Гентингтона), наследственная слепота, наследственная глухота, тяжелые наследственные физические уродства. Кроме того, тот, кто страдает тяжелым алкоголизмом, может стать бесплодным» [18]. Решение о принудительной стерилизации принималось Высшим судом по делам наследственного здоровья. Суд был прикреплен к Высшему окружному суду. В его состав входили: член Высшего областного суда, государственный врач, врач, имеющий лицензию Рейха, специализирующийся на наследственном здоровье. Стерилизация проводилась немецкими врачами, имеющими лицензию на практику в Германском Рейхе. Они могли осуществлять вмешательство только тогда, когда решение суда о стерилизации являлось окончательным [18].

Стоит отметить исключительный порядок стерилизации, предусмотренный немецким законодательством: «Стерилизация, не проводимая в соответствии с положениями настоящего Закона, и удаление гонад допустимы только в том случае, если врач производит их в соответствии с правилами врачебного искусства для предотвращения серьезной опасности для жизни или здоровья лица, которому он их выполняет, и с его согласия» [18]. Закон предусматривал применение силы по отношению к осужденному на стерилизацию лицу: «Если суд окончательно решил сделать бесплодным, это также должно быть выполнено против воли лица, которое должно быть бесплодным, если только он не подал заявление. Официальный врач должен обратиться в полицию для принятия необходимых мер. Если других мер недостаточно, допускается применение прямой силы» [18]. Развитием этого законотворчества стала программа «Т4» – названная по адресу своего расположения – Тиргартенштрассе, 4. В рамках программы началась политика проведения массовых эвтаназий, в том числе детям.

ИСТРЕБЛЕНИЕ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР

На оккупированных территориях немцы продолжали политику истребления людей, имеющих умственные и физические особенности – первостепенной задачей для оккупационных властей было содержать солдат и офицеров вермахта, не растрачивая ресурсы на не имеющих практическую пригодность людей с ограниченными возможностями здоровья – догма о «чистой расе» нацистов не беспокоила хотя бы по той причине, что славяне не являлись частью «арийской расы», а, следовательно, подлежали переселению или уничтожению.

22 июня 1941 года стало переломным моментом в истории всех народов, населявших Советский Союз – в особенности, тех, кто проживал на территории европейской части государства. На оккупированных территориях захватчики создавали оккупационные органы власти различного уровня. Главным государственным органом III Рейха по управлению захваченной территорией являлось министерство по делам оккупированных областей на Востоке. Его возглавил один из старых сторонников Адольфа Гитлера – Альфред Розенберг. Немецкое командование планировало создать рейхскомиссариаты – «Украина», «Московия», «Остланд», «Кавказ». Территории Бессарабии и южной Украины были присоединены к Румынии, а Карелия была оккупирована финскими войсками на протяжении 3-х лет войны.

На оккупированных территориях создавались немецкие администрации – в прифронтовых зонах военные, а в тылу – гражданские. До начала войны немецкое руководство планировало в вопросах управления захваченными территориями опереться на лояльных нацистами белоэмигрантов. Однако, оторванность эмигрантов от реалий Советского союза, и, как следствие, перспектива возникновения непонимания между ними и местным населением, широкомасштабную подготовку белоэмигрантов отменили.

Одним из важнейших индикаторов планов немецкого командования по отношению к России была топонимика, которая применялась к создаваемым административно-территориальным единицам – слово Россия в планах нацистов не существовало. Абстрактная «Московия» должна была заменить понятие «Россия». А исторические земли России предполагалось разделить между новыми образованиями – Новгород и Псков присоединить к рейхскомиссариату «Остланд», а Курск, Воронеж, Брянск, Ставрополь, Астрахань и Краснодар присоединить к рейхскомиссариату «Украина».

Б.Н. Ковалёв отмечает несколько степеней отношения оккупационных властей к оставшемуся там мирному населению: «В [...] "эвакуированной зоне", глубиной в 30–50 км, непосредственно примыкавшей к району боевых действий, административный режим был наиболее строг и жесток. [...] Из второй зоны жители не выселялись, но появление вне своих домов им разрешалось только в светлое время суток. [...] Такие зоны оккупанты часто создавали в районах активных действий партизанских отрядов и соединений. В третьей зоне сохранялся общий режим, установленный нацистами на оккупированной территории» [10].

24 июня 1941 года постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР был создан Совет по эвакуации. Г.А. Куманёв так охарактеризовал его деятельность: «Перевозки населения были взяты под постоянный и строгий контроль. Начальники дорог ежедневно, не позднее 22 часов сообщали в НКПС о следовании людских эшелонов и отдельных вагонов с эвакуационным населением по состоянию на 18 часов. В свою очередь, Наркомат путей сообщения ежедневно представлял в ГКО подробную справку о находящихся на железных дорогах составах с эвакуированными» [11, с. 7-27]. Кроме стратегически важных предприятий эвакуации подлежали и детские дома. Из оккупированных территорий Молдавии, Украины, Белоруссии и Крыма в Краснодарский край было вывезено порядка 218 тыс. человек. По состоянию на 1 января 1942 г. на Кубань было эвакуировано 24 детских дома (3155 чел.) и 12 домов малютки (953 ребёнка). Более 20 000 детей школьного и дошкольного возраста были размещены в различных семьях и других детских домах [1].

Хронологию событий позволяют установить материалы, опубликованные ЦА ФСБ России, а также хранящиеся в РГАСПИ. 10 октября 1942 г. начальник Ейской районной управы издаёт приказ о ликвидации Ейского детского дома Краснодарского краевого отдела социального обеспечения (Крайсо) в связи с «переводом детей в другое место» и об организации на его месте подсобного хозяйства [2].

9 октября 1942 года к Ейскому детскому дому подъехало 10 представителей оккупационных властей на 3-х легковых машинах во главе с начальником СС №44-10 по городу Ейску Бередкером. Руководству детдома было заявлено, что все дети должны быть погружены и отправлены «на лечение» в г. Краснодар. Грузили детей в 4 большие машины – газенвагены. В русском языке эта машина более известна как душегубка. Душегубка представляла собой грузовик с крытым герметичным кузовом. Выделяемый двигателем углекислый газ направлялся внутрь кузова. Таким образом, машина представляла собой передвижную газовую камеру. Очевидец событий-ребёнок, спустя много лет, так характеризует увиденную им на месте убийства детей душегубку: «Пасем коров, вдруг приехала машина-будка, это не грузовик пришел, который имеет кабину и кузов, а это что-то накрыто – будка-машина, мы ее так и называли, а потом оказалось – это будка, это "душегубка", но мы такого слова не знали, мы ничего такого не знали» [15].

5 февраля 1943 г. Ейск был освобождён. Началось расследование злодеяний оккупантов. За чертой города были обнаружены рвы с останками детей-детдомовцев. В апреле комиссией Ейского городского совета был проведён осмотр мест захоронения и опрошены свидетели. 15 апреля 1943 года был произведен судебно-медицинский осмотр (без вскрытия) трупов детей врачами города Ейска – судебно-медицинским экспертом И.А. Керимовым, хирургом А.Ф. Генкиной и терапевтом Н.А. Макаренко в присутствии понятых. Трупы детей находились в яме у дороги, ведущий из г. Ейск на хутор Симоновка. Комиссией установлен факт умерщвления детей до прибытия на место захоронения и сделан вывод о том, что дети умерщвлены в душегубках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя характер совершенного злодеяния против детей и подростков в Ейском детском доме, с одной стороны, речь идёт о планомерном наднациональном истреблении физически и умственно неполноценных

детей в рамках реализации нацистской Германией кампании по генерации «сверхчеловека»-арийца. Убийства детей по признакам физической и умственной отсталости начали практиковаться на территории Германии в 1930-е годы [14]. В 1939 году был заключен контракт по производству газа между правительством Германии и компанией «И. Г. Фарбен индустри» [17]. Предполагалось «милосердное» умерщвление детей посредством угарного газа (окси углерода).

С другой стороны, немецкие законы на оккупированной территории выполнялись опосредованно, так как Ейск находился в прифронтовой зоне, на территории которой действовали законы военного времени. Так, в некоторых исследованиях отмечаются хаотичный порядок выполнения программы «Т4»: «С первых дней вторжения в Латвию немецкими захватчиками проводилось массовое уничтожение душевнобольных. Так, 22 августа 1941 года фашистами было расстреляно около 700 взрослых и 60 детей из Даугавпилсской психиатрической больницы. Среди расстрелянных детей было 20 психически здоровых, размещённых временно в помещениях больницы из детского дома» [6, с. 896]. Также в Воронежской области был зафиксирован случай убийства детей в хаотичном порядке: «После занятия немецкими войсками той части Воронежской области, на территории которой находились две психиатрические больницы – «Орловка» на 1200 мест и «Никольское», фашистские врачи и администрация требовали от оставшихся с больными этих лечебниц нескольких русских врачей писать заключения в историях болезни, из которых бы следовало, что в данном конкретном случае лечение пациента является бесперспективным. Подобные заключения нужны были для возможности последующего уничтожения душевнобольных, на чьих историях болезни имелось это заключение, подписанное советскими врачами» [13].

Беспрецедентная жестокость и массовость истребления детских домов, в том числе для детей с особенностями физического и психического развития, не может встать в один ряд с рядовой практикой «очищения» нацистами арийской расы от «неполноценных граждан» в рамках программы «Т4». Значение массового убийства детей для российского общества не должно быть преуменьшено – факт умышленного уничтожения детей и подростков ярче других преступлений нацизма характеризует политику, проводившуюся немецко-фашистскими оккупантами на территории СССР, как геноцид.

Список литературы

1. *Ачмиз К. Г.* Дети военной поры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Краснодарский край: Сборник архивных документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. ред. С. Г. Темиров; сост. Н. Г. Попова, С. Г. Темиров. М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. - 624 с.
3. *Бельцев Н. В., Иванов А. Ф.* Ейск и Ейский район в годы Великой Отечественной войны. Ейск: Издание МБУ «Ейский историко-краеведческий музей», 2013. - 148 с.
4. *Грахоцкий А. П.* Процесс против Вильгельма Дёринга: «Общественный интерес» и расстрел душевнобольных детей в Шумячах. // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1(122).
5. *Дорошенко А. А.* Родина с именем Ейск: история города и района. Ейск, 2018. - 256 с.
6. *Дрикутис В. И., Салтупс Х.* Нюрнбергский процесс. М., 1959. Т. 4. С. 896.
7. *Кикнадзе В. Г.* Без срока давности: преступления нацистской Германии, ее союзников и пособников против гражданского населения и военнопленных на оккупированной территории СССР // Вопросы истории. 2020. № 5. С. 16-41.
8. *Кикнадзе В. Г.* Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Историческая правда о ключевых событиях и явлениях в вопросах и ответах. Москва: Прометей, 2020. – 198 с.
9. *Кикнадзе В. Г.* Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма: Монография. Москва: Прометей, 2021. – 800 с.
10. *Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941—1944. [Электронный ресурс](#).
11. *Куманев Г. А.* Война и эвакуация в СССР. 1941 - 1942 годы // Новая и новейшая история. № 6. 2006. С. 7-27.
12. *Мулукаев Р. С.* Преступления немецко-фашистских захватчиков, совершенные на территории СССР, и их правовая оценка // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 2(22).
13. *Петрюк П. Т., Петрюк А. П.* Психиатрия при нацизме: последствия дегуманизации психиатрической практики на временно оккупированных территориях СССР. Сообщение 7 // Психічне здоров'я. 2012. № 2. С. 77–89.
14. *Петрюк П. Т., Петрюк А. П.* Психиатрия при нацизме: проведение «Акции Т-4» с активным участием психиатров. Сообщение 3 // Психічне здоров'я. 2011. № 2. С. 53-63.

15. Реброва И. В. Места памяти 214 детей с инвалидностью из Ейского детского дома Крайсо: публикация устного интервью с очевидцем событий 1942 года // Исторический курьер. 2022. № 1(21).
16. Реброва И. В. Убийство 214 воспитанников Ейского детского дома: история событий и память о них в (пост)советской России // Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века. М.: Российское военно-историческое общество, Яуза-каталог, 2021. С. 190–212.
17. Рёдер Т., Киллибус Ф., Бёрвелл Э. Секретная деятельность третьего рейха. Т-4: убийцы начинают действовать // Психиатры: люди за спиной Гитлера. М.: Анвик К, 2004. С. 57–86.
18. Gesetz zur Verhütung erbkranken Nachwuchses // [100\(0\) Schlüsseldokumente zur deutschen Geschichte im 20. Jahrhundert](#).

Информация об авторе

Кулаков Иван Александрович, аспирант Института российской истории РАН, координатор Молодёжного клуба Российского исторического общества, г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Кулаков Иван Александрович, e-mail: vankulakov@yandex.ru

WORKS OF YOUNG SCIENTISTS

Review

The mass murder of pupils of the Simferopol boarding school in the city of Yeysk in 1942 as a fact of the genocide of the Soviet people

Ivan A. Kulakov ¹ ✉

¹ *Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6411-8513>, e-mail: vankulakov@yandex.ru

Abstract:

In October 2022, it will be 80 years since the commission of one of the most ruthless and odious crimes against humanity in history - the murder of 214 children of the Yeysk boarding school by the Nazi occupiers and their accomplices in October 1942. Even during the war, the fact of the crime was established and recorded in the appropriate order. In 1944, the first memorial sign was installed at the site of the mass murder, and now there is a monument. During this period, many scientific and journalistic works were written, documentaries were made on the topic of the Yeysk tragedy. In summer of 2022, the Krasnodar Regional Court established the fact of genocide of the Soviet people by the occupiers during the Great Patriotic War. The materials of the murder of the pupils of the Simferopol boarding school in Yeysk were added to the process. A number of researchers dispute the thesis "genocide of the Soviet people", citing arguments about the non-systemic nature of the destruction of Soviet citizens. In the context of crimes against childhood, arguments are given that infanticide was practiced by the Nazis not within the framework of the policy of genocide of the Soviet people, but only applicable to certain categories of citizens in all occupied territories of the Reich. This article attempts to analyze the evolution of Nazi Germany's policy of exterminating people with physical and mental disabilities on the territory of the Third Reich and the occupied territories and to consider the mass murder of children in Yeysk for the study of the fact of genocide.

Keywords:

children and war, genocide of the Soviet people, crimes against childhood, nazism, fascism, Yeysk

References

1. Achmiz K. G. (2007). *Deti voennoj pory` [Children of wartime]. – Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul`turologiya. 2007. №1. (in Russ.)*
2. *Bez sroka davnosti: prestupleniya nacistsoj Germanii, ee soyuznikov i posobnikov protiv grazhdanskogo naseleniya i voennoplenny`x na okkupirovannoj territorii RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoj vojny. Krasnodarskiy kray: Sbornik arkhivnykh dokumentov [Without a statute of limitations: the crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Krasnodar Territory: Collection of archival documents]. Otv. red. serii Ye.P. Malysheva, Ye.M. Tsunayeva; otv. red. S. G. Temirov; sost. N. G. Popova, S. G. Temirov. M.: Fond «Svyaz' Epokh», 2020. – 624 s. (in Russ.)*
3. Bel`cev N. V., Ivanov A. F. (2013). *Ejsk i Ejskiy rajon v gody` Velikoy Otechestvennoj vojny` [Yeysk and the Yeysk region during the Great Patriotic War]. Ejsk: Izdanie MBU «Ejskiy istoriko-kraevedcheskiy muzej», 2013. – 148 s. (in Russ.)*
4. Graxoczkij A. P. (2021). *Process protiv Vil`gel`ma Dyoringa: «Obshestvenny`j interes» i rasstrel dushevnobol`ny`x detej v Shumyachax [Trial against Wilhelm Döring: "Public interest" and the execution of mentally ill children in Shumyachi]. – Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. №1 (122). (in Russ.)*
5. Doroshenko A. A. (2018). *Rodina s imenem Ejsk: istoriya goroda i rajona [Homeland with the name of Yeysk: the history of the city and region]. Ejsk, 2018. – 256 s. (in Russ.)*
6. Drikitis V. I., Saltups X. (1959). *Nyurnbergskij process [The Nuremberg Trials]. Moscow, 1959. T. 4. S. 896. (in Russ.)*
7. Kiknadze V. G. (2020). *Bez sroka davnosti: prestupleniya natsistskoy Germanii, yeye soyuznikov i posobnikov protiv grazhdanskogo naseleniya i voyennoplennykh na okkupirovannoy territorii SSSR [Without a statute of limitations: the crimes of Nazi Germany, its allies and accomplices against the civilian population and prisoners of war in the occupied territory of the USSR]. – Voprosy istorii. 2020. № 5. S. 16-41. (in Russ.)*
8. Kiknadze V. G. (2020). *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945 gg. Istoricheskaya pravda o klyuchevykh sobytiyakh i yavleniyakh v voprosakh i otvetakh [The Great Patriotic War of 1941-1945. Historical truth about key events and phenomena in questions and answers]. Moskva: Prometey, 2020. – 198 s. (in Russ.)*
9. Kiknadze V. G. (2021). *Rossiyskaya politika zashchity istoricheskoy pravdy i protivodeystviya propagande fashizma, ekstremizma i separatizma: Monografiya [Russian policy of protecting historical truth and counteracting the propaganda of fascism, extremism and separatism: Monograph]. Moskva: Prometey, 2021. – 800 s. (in Russ.)*
10. Kovalev B. N. *Nacistsoj okkupaciya i kollaboracionizm v Rossii, 1941—1944 [Nazi occupation and collaborationism in Russia, 1941-1944]. – E`lektronny`j resurs. (in Russ.)*
11. Kumanev G. A. (2006). *Vojna i e`vakuaciya v SSSR. 1941-1942 gody` [War and evacuation in the USSR. 1941-1942]. – Novaya i novejschaya istoriya. № 6. 2006. S. 7-27. (in Russ.)*
12. Mulukaev R. S. (2012). *Prestupleniya nemeckzo-fashistskix zavvatchikov, sovershenny`e na territorii SSSR, i ix pravovaya ocenka [Crimes of the Nazi invaders committed on the territory of the USSR, and their legal assessment]. – Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2012. № 2(22). (in Russ.)*
13. Petryuk P. T., Petryuk A. P. (2012). *Psixiatriya pri nacizme: posledstviya degumanizacii psixiatricheskoj praktiki na vremenno okkupirovanny`x territoriyax SSSR. Soobshhenie 7 [Psychiatry under Nazism: consequences of the dehumanization of psychiatric practice in the temporarily occupied territories of the USSR. Message 7]. – Psixichne zdorov`ya. 2012. №. 2. S. 77–89. (in Russ.)*
14. Petryuk P. T., Petryuk A. P. (2011). *Psixiatriya pri nacizme: provedenie «Akcii T-4» s aktivny`m uchastiem psixiatrov. Soobshhenie 3 [Psychiatry under Nazism: carrying out "Action T-4" with the active participation of psychiatrists. Message 3]. – Psixichne zdorov`ya. 2011. № 2. S. 53-63. (in Russ.)*
15. Rebrova I. V. (2022). *Mesta pamyati 214 detej s invalidnost`yu iz Ejskogo detskogo doma Krajsjo: publikaciya ustnogo interv`yu s ochevidcem soby`tij 1942 goda [Places of memory for 214 children with disabilities from the Yeysk Kraiso orphanage: publication of an oral interview with an eyewitness to the events of 1942]. – Istoricheskij kur`er. 2022. № 1(21). (in Russ.)*
16. Rebrova I. V. (2021). *Ubijstvo 214 vospitannikov Ejskogo detskogo doma: istoriya soby`tij i pamyat` o nix v (post)sovetskoj Rossii [The murder of 214 pupils of the Yeysk orphanage: the history of events and their memory in (post) Soviet Russia]. – In: Tragediya vojny`. Gumanitarnoe izmerenie vooruzhenny`x konfliktov XX veka. Moscow: Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshestvo, Yauza-katalog, 2021. S. 190–21. (in Russ.)*
17. Ryoder T., Killibus F., Byorvell E`. (2004). *Sekretnaya deyatel`nost` tret`ego rejxa. T-4: ubijcy nachinayut dejstvovat` [Secret activities of the Third Reich. T-4: killers take action]. – Psixiatriy`: lyudi za spinoj Gitlera. Moscow: Anvik K, 2004. S. 57–86. (in Russ.)*
18. *Gesetz zur Verhütung erbkranken Nachwuchses [Law for the Prevention of Hereditary Disease Offspring]. – In: 100(0) Schlüsseldokumente zur deutschen Geschichte im 20. Jahrhundert. (in German).*

Information about the author

Ivan A. Kulakov, post-graduate student of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, coordinator of the Youth Club of the Russian Historical Society, Moscow, Russian Federation.

Corresponding author

Ivan A. Kulakov, e-mail: vankulakov@yandex.ru

Наука. Общество. Оборона
2022. Т. 10. № 4

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2022. Vol. 10. № 4

Сетевое научное издание "Наука. Общество. Оборона"

*«Имей мужество
пользоваться своим умом»
Иммануил Кант*

«Наука. Общество. Оборона» – это рецензируемый научный журнал, в котором освещаются вопросы в области отечественной, всеобщей и военной истории, международных отношений и политики, состояния российской науки и российского общества, безопасности Российской Федерации и международной безопасности.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ([Перечень ВАК](#); исторические науки).

Миссия журнала – содействие развитию российского общества, его политической и исторической культуры. Журнал ориентирован на предоставление научной и информационно-аналитической помощи в решении проблем российской науки, в том числе военной науки и военно-исторической науки, обеспечении обороноспособности России, противодействию попыткам фальсификации и искажению истории в ущерб интересам России. Один из главных критериев отбора авторов и материалов для журнала – актуальность идей и позитивная направленность на разрешение проблем современной России.

В журнале публикуются работы по следующим темам: объективная история; российское общество; мировая политика: история, теория и практика; международные отношения; проблемы войны и мира; миграционные процессы в глобальном мире; армия, власть и общество; общественная, государственная и военная безопасность России; философия науки; научные кадры; информационные технологии; история в лицах; история Великой Победы; воинское обучение и воспитание; патриотическое воспитание; искусство, спецслужбы, вооружение и военная техника, казачество: история и современность; здоровье нации.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи; обзоры, включая историографические; публикации о персоналиях; переводы статей, опубликованные в зарубежных журналах (при согласии правообладателя на перевод и публикацию); публикации документов и материалов личного происхождения, как исторических источников; научные сообщения; научные рецензии; научные отчеты; другие информационные материалы.

Издание входит в систему Российский индекс научного цитирования (**РИНЦ**)

- пятилетний импакт-фактор РИНЦ **0,295**
- **SCIENCE INDEX** по Истории - **80** место, по Военному делу - **8** место

Журнал прошел многомерный процесс оценки и индексируется в базе **ICI Journals Master List**

- Index Copernicus Value (**ICV**) - **100,00**

Издание **рецензируемое**, рецензии передаются с выпуском журнала в базу **НЭБ** (eLIBRARY)

Все статьи журнала находятся на сайте сетевого издания в [ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ](#)

Все выпуски также в **открытом доступе**:

- КиберЛенинка ([CyberLeninka.ru](#))
- [Index Copernicus International World of Journals](#)

Статьи размещаются в Научной электронной библиотеке ([eLIBRARY](#))

Обязательный экземпляр издания (каждый номер) регистрируется в ФГУП Научно-технический центр "[Информрегистр](#)" (Роскомнадзор)

Журнал представлен в базе [East View Information Services](#)

ISSN [2311-1763](#) Префикс DOI 10.24412/2311-1763 ранее - 10.24411/2311-1763 (2013-2020 гг.)

[Этика научных публикаций](#)

[Порядок направления, рецензирования и опубликования статей](#)

[Рубрики](#)

Авторский коллектив журнала – более **250 ученых** из **13 государств** Европы и Азии: Россия, Норвегия, Франция, Италия, Польша, Сербия, Израиль, Малайзия, Вьетнам, Казахстан, Беларусь, Украина, Молдова.

В настоящее время 327 статей журнала **процитированы** 530+ раз **в работах 800+ авторов**, представляющих 200+ организаций из шести государств (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Украина), **в 150+ различных научных журналах**, издаваемых в шести государствах (РФ, Великобритания, Венгрия, Польша, Казахстан, Киргизия).

Через базу **East View Information Services** – лидера по поставкам русскоязычной литературы в научные и государственные организации США, Канады и Великобритании, статьи Журнала читаются по подписке корпоративными клиентами из **США** (4 организации), **Великобритании** (2 организации), **Китая, Нидерландов, Норвегии, Польши и Финляндии**.

ВНИМАНИЕ!

24 февраля 2021 г. приказом Минобрнауки России утверждена новая Номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. **Научные специальности, по которым журнал «Наука. Общество. Оборона» включен в Перечень ВАК** (Отечественная история; Всеобщая история), **НЕ претерпели изменений** (см. сравнительную [Таблицу](#)).

На основании письма ВАК при Минобрнауки России «О применении новой номенклатуры научных специальностей» (382-02 от 13 мая 2021 г.) редакция журнала «Наука. Общество. Оборона» **продолжает прием и публикацию научных статей по научным специальностям Отечественная история и Всеобщая история**, которые засчитываются как научные публикации соискателям ученых степеней в обычном порядке.

Network Journal Nauka. Obščestvo. Oborona

EDITOR-IN-CHIEF

[Vladimir G. Kiknadze](#)

«Have the courage
use your mind»
Immanuel Kant

Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense is a peer-reviewed scientific journal, which highlights issues in the field of domestic (Russian), world and military history, international relations and politics, the state of Russian science and Russian society, the security of the Russian Federation and international security.

ISSN [2311-1763](#) (Online) DOI 10.24412/2311-1763 *previous to (2013-2020)* - 10.24411/2311-1763

The Journal's mission is to support the promotion of Russian society, its political and historical culture. The Journal is focused on providing scientific and informational and analytical assistance in solving the problems of Russian science, including military science and military-historical science, ensuring Russia's defense capability, countering attempts to falsify and distorting history to the detriment of Russia's interests. One of the main criteria for the selection of authors and materials for the Journal is the relevance of ideas and a positive focus on resolving the problems of modern Russia.

The Journal publishes works on the following topics: objective history; Russian society; world politics: history, theory and practice; international relationships; problems of War and Peace; migration processes in the global world; army, power and society; public, state and military security of Russia; philosophy of science; scientific personnel; Information technology; story in faces; history of the Great Victory; military training and education; patriotic education; art, special services, weapons and military equipment, Cossacks: history and modernity; health of the Russian nation.

The Journal accepts for publication original articles; reviews, including historiographic; publications about personalities; translations of articles published in foreign journals (with the consent of the copyright holder for translation and publication); publication of documents and materials of personal origin as historical sources; scientific reports; scientific reviews; scientific reports; other informational materials.

The publication is included in the **Russian Index of Scientific Citation (RSCI)**

SCIENCE INDEX rating on "History. Historical sciences" - **80th place**, on "Military affairs" - **8th place**

Journal has passed the evaluation process positively and is indexed in the **ICI Journals Master List**

- Index Copernicus Value (ICV) - **100,00**

The Journal is **peer-reviewed**, reviews are submitted with the release of the Journal to the NEB database (eLIBRARY)

All articles of the Journal are on the website of the online publication in **OPEN ACCESS** under the [Creative Commons Attribution International License](#) (CC BY)

The full text of the articles in OPEN ACCESS :

- CyberLeninka (CyberLeninka.ru)
- [Index Copernicus International World of Journals](#)

Journal in library services and databases [East View Information Services](#)

Articles are placed in the Scientific Electronic Library ([eLIBRARY](#)).

Obligatory copy of the publication is registered in the Federal State Unitary Enterprise Scientific and Technical Center "[Informregister](#)".

The **authors of the Journal** are more than **250 scientists** from **13 countries** of Europe and Asia: Russia, Norway, France, Italy, Poland, Serbia, Israel, Malaysia, Vietnam, Kazakhstan, Belarus, Ukraine, Moldova.

Currently, 327 articles of the Journal are **cited 530+** times in the works of **800+ authors** representing 200+ organizations **from six countries** (Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Ukraine), **in 150+ different journals** published in six countries (Russia, Great Britain, Hungary, Poland, Kazakhstan, Kyrgyzstan).

Through the **East View Information Services** database, the leader in the supply of Russian-language literature to scientific and government organizations in the USA, Canada and the UK, the Journal's articles are read by subscription by corporate clients from the **USA** (4 organizations), **Great Britain** (2 organizations), **China, Netherlands, Norway, Poland** and **Finland**.

Редакционная коллегия

Кикнадзе Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, кандидат военных наук, доцент, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук ([РА РАН](#)), член Ассоциации научных редакторов и издателей ([АНРИ](#)), член Европейской Ассоциации научных редакторов ([EASE](#)), член Ассоциации Комитас Гентиум Франция Россия ([CGFR](#)), эксперт Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Минобрнауки России по истории (2016-2018), действительный член Европейской академии естественных наук (Ганновер, Германия), главный редактор сетевого издания "Наука. Общество. Оборона" (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-4574-4778](#); SCOPUS id: 38261777700; AuthorID: [496422](#)

Балтовский Леонид Васильевич – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0001-7154-787X](#); SCOPUS id: 55801946800; AuthorID: [268264](#)

Войтиков Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором выявления архивных документов и подготовки документальных публикаций Центрального государственного архива города Москвы (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-4226-7283](#); AuthorID: [513310](#)

Галас Марина Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0002-1523-8287](#); SCOPUS id: 57203781525; AuthorID: [293892](#)

Денисова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация), профессор Университета Малайя (г. Куала Лумпур, Малайзия); SCOPUS id: 55602183600; AuthorID: [310324](#)

Живанович Милана – доктор исторических наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (г. Белград, Республика Сербия); SCOPUS id: 57218949240, AuthorID: [1112801](#)

Золотарев Владимир Антонович – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Президент Ассоциации историков Второй мировой войны (Москва, Российская Федерация); SCOPUS id: 55789241600; AuthorID: [76751](#)

Клемешев Андрей Павлович – доктор политических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, президент Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (г. Калининград, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0002-6343-3263](#); SCOPUS id: 56322656400; AuthorID: [250687](#)

Комплеев Антон Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики, заместитель декана факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0002-4069-6845](#); AuthorID: [492026](#)

Кретинин Геннадий Викторович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Балтийского федерального университета им. И.Канта (г. Калининград, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-0730-0826](#); SCOPUS id: 6506945862; AuthorID: [162295](#)

Куманев Георгий Александрович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Центра военной истории Института Российской истории РАН (Москва, Российская Федерация, 2013-2018); ORCID id: [0000-0002-3399-3366](#); AuthorID: [73622](#)

Лапина Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и философии Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); AuthorID: [364829](#)

Лосев Денис Евгеньевич – кандидат военных наук, доцент, капитан 2 ранга, доцент кафедры тактики Балтийского военно-морского института им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Калининград, Российская Федерация)

Петросян Владимир Николаевич – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры истории войн и военного искусства ВУНЦ ВМФ "Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова" (Санкт-Петербург, Российская Федерация, 2013-2018)

Пляскин Владислав Петрович – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва, Российская Федерация); AuthorID: [410084](#)

Римашевский Адам Адамович – доктор педагогических наук, кандидат военных наук, профессор, Заслуженный военный специалист, Лауреат Премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор ВУНЦ ВМФ "Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова" (Санкт-Петербург, Российская Федерация, 2013-2018)

Романько Олег Валентинович – доктор исторических наук, профессор Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0001-9898-8560](#); SCOPUS id: 57205585692; AuthorID: [495163](#)

Рукавишников Евгений Николаевич – доктор военных наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Балтийского военно-морского института им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова (Калининград, Российская Федерация); AuthorID: [507573](#)

Селезнев Павел Сергеевич – доктор политических наук, доцент, заместитель директора по персоналу, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0001-5439-8630](#); SCOPUS id: 57205759930; AuthorID: [518938](#)

Сивков Константин Валентинович – доктор военных наук, действительный член Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0002-2842-5145](#); AuthorID: [564584](#)

Соклаков Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и общенаучных дисциплин Военного института (общевойсковой) ВУНЦ Сухопутных войск "Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации" (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-3194-3637](#); AuthorID: [439549](#)

Стрелец Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор Брестского государственного технического университета (Республика Беларусь, г. Брест); AuthorID: [508431](#)

Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0001-7373-592X](#); AuthorID: [447995](#)

Тороп Валерия Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского института открытого образования (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-4328-4915](#); AuthorID: [453303](#)

Форрест Алан (Alan Iain Forrest) – профессор Университета Йорка, директор Центра изучения XVIII века, президент Международной комиссии по Французской революции (Великобритания, г. Йорк)

Фретине Жан-Ив (Frétigné Jean-Ives) – PhD (история), доцент, Университет Руана, Президент Общества французских исследований Рисорджименто (Франция, Нормандия, г. Руан); SCOPUS id: 36711746700

Чумиков Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии Российской академии наук (Москва, Российская Федерация); AuthorID: [475501](#)

Шантеран Давид (David Chanteranne) – историк, журналист и общественный деятель, главный редактор журналов «Наполеоновская память» (Souvenir napoléonien), «Наполеон I», «Наполеон III», «Версаль и Париж, от Лютеции до сегодняшнего дня», главный редактор «Groupe de Presse Michel Hommel», преподаватель в Университете Париж-4 Сорбонна, вице-президент Гран-при «История Парижа» (Histoire de Paris) (Франция, г. Париж)

Шель Вячеслав Вячеславович – кандидат военных наук, полковник, начальник научно-исследовательского отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, заместитель главного редактора сетевого издания "Наука. Общество. Оборона" (Москва, Российская Федерация); AuthorID: [974023](#)

Editorial board

Journal Nauka. Obšestvo. Oborona

Vladimir G. Kiknadze - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences ([RAMAS](#)), Member The European Association of Science Editors ([EASE](#)), Academician of the European Academy of Natural Sciences (Germany), Member Association Comitas Gentium France Russie ([CGFR](#)), Member Association of science editors and publishers ([ASEP](#)), Member of the Society for the Study of the History of Russian Special Services, Professor at the Academy of Military Sciences, Editor-in-Chief of the Journal "Science. Society. Defense" (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0003-4574-4778](#); SCOPUS id: 38261777700; AuthorID: [496422](#)

Leonid V. Baltovsky - Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy of the St. Petersburg State University of Architecture and Construction (St. Petersburg, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0001-7154-787X](#); SCOPUS id: 55801946800; AuthorID: [268264](#)

Sergey S. Voitkov - Candidate of Historical Sciences, Chief Specialist of the Central State Archives of Moscow (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0003-4226-7283](#); AuthorID: [513310](#)

Marina L. Galas - Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0002-1523-8287](#); SCOPUS id: 57203781525; AuthorID: [293892](#)

Tatyana A. Denisova - Candidate of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor of the University of Malaya (Kuala Lumpur, Malaysia),
SCOPUS id: 55602183600; AuthorID: [310324](#)

Milana Živanović - PhD in History, Research Associate at the Institute for Recent History of Serbia (Belgrade, Republic of Serbia),
SCOPUS id: 57218949240; AuthorID: [1112801](#)

Vladimir A. Zolotarev - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, President of the Association of Historians of the Second World War (Moscow, Russian Federation),
SCOPUS id: 55789241600; AuthorID: [76751](#)

Andrey P. Klemeshev - Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of Russia, President of the Baltic Federal University Immanuel Kant (Kaliningrad, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0002-6343-3263](#); SCOPUS id: 56322656400; AuthorID: [250687](#)

Anton V. Complev - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Deputy Dean of the Department of Political Science, Moscow State University Lomonosov (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0002-4069-6845](#); AuthorID: [492026](#)

Gennadiy V. Kretinin - Doctor of History, Professor, Professor of the Department of History of the Baltic Federal University. I.Kanta (Kaliningrad, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0003-0730-0826](#); SCOPUS id: 6506945862; AuthorID: [162295](#)

Georgy A. Kumanev - Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Military History of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation, 2013-2018),

ORCID id: [0000-0002-3399-3366](https://orcid.org/0000-0002-3399-3366); AuthorID: [73622](#)

Irina Y. Lapina - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy of the St. Petersburg State University of Architecture and Construction (St. Petersburg, Russian Federation),

AuthorID: [364829](#)

Denis E. Losev - Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Captain 2nd Rank, Associate Professor, Department of Tactics, Baltic Naval Institute. Admiral F.F. Ushakova (Kaliningrad, Russian Federation)

Vladimir N. Petrosyan - Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Wars and Military Art of the Naval Forces of the Navy "Naval Academy named after the Admiral of the Fleet of the Soviet Union NG Kuznetsov" (St. Petersburg, Russian Federation, 2013-2018)

Vladislav P. Plyaskin - doctor of historical sciences, professor, senior researcher of the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces (Moscow, Russian Federation),

AuthorID: [410084](#)

Adam A. Rimashevsky - Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Military Sciences, Professor, Honored Military Specialist, Laureate of the RF Government Prize in Science and Technology, Professor of the Naval Academy of the Navy Admiral of the Fleet of the Soviet Union NG Kuznetsov (St. Petersburg, Russian Federation, 2013-2018)

Oleg V. Romanko - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Crimean Federal University V.I. Vernadsky (Simferopol, Russian Federation),

ORCID id: [0000-0001-9898-8560](https://orcid.org/0000-0001-9898-8560); SCOPUS id: 57205585692; AuthorID: [495163](#)

Evgeny N. Rukavishnikov - Doctor of Military Sciences, Professor, professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Baltic Naval Institute. Admiral F.F. Ushakova (Kaliningrad, Russian Federation),

AuthorID: [507573](#)

Pavel S. Seleznev - Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Personnel, Associate Professor Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation),

ORCID id: [0000-0001-5439-8630](https://orcid.org/0000-0001-5439-8630); SCOPUS id: 57205759930; AuthorID: [518938](#)

Konstantin V. Sivkov - Doctor of Military Sciences, Academician of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, a columnist for the newspaper Military-Industrial Courier (Moscow, Russian Federation),

ORCID id: [0000-0002-2842-5145](https://orcid.org/0000-0002-2842-5145); AuthorID: [564584](#)

Alexander Y. Soklakov - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Humanitarian and General Scientific Disciplines of the Military Institute (Combined Arms) VUNTS of the Ground Forces "Combined Arms Academy of the Armed Forces of the Russian Federation" (Moscow, Russian Federation),

ORCID id: [0000-0003-3194-3637](https://orcid.org/0000-0003-3194-3637); AuthorID: [439549](#)

Mikhail V. Strelets - Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Brest State Technical University (Republic of Belarus, Brest),

AuthorID: [508431](#)

Natalia P. Tanshina - Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General History of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Leading Researcher, Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies, Faculty of History, State Academic University of Humanities; Professor, Department of New and Newest History, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation),

ORCID id: [0000-0001-7373-592X](https://orcid.org/0000-0001-7373-592X); AuthorID: [447995](#)

Valeria V. Torop - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Moscow Institute of Open Education (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0003-4328-4915](https://orcid.org/0000-0003-4328-4915); AuthorID: [453303](#)

Alan Forrest (Alan Iain Forrest) - Professor at the University of York, Director of the Center for the Study of the XVIII century, President of the International Commission for the French Revolution (United Kingdom, York)

Jean-Ives Fretine (Frétigné Jean-Ives) - PhD (history), Assistant Professor, University of Rouen, President of the Society for French Studies Risorgimento (France, Normandy, Rouen),
SCOPUS id: 36711746700

Alexander N. Chumikov - Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher of the Center for Regional Sociology and Conflictology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation),
AuthorID: [475501](#)

David Chanteranne - historian, journalist and public figure, editor-in-chief of Napoleon's Memory magazine (Souvenir napoléonien), Napoleon I, Napoleon III, Versailles and Paris, from Lutetia to today, editor-in-chief Groupe de Presse Michel Hommel", lecturer at the University of Paris-4 Sorbonne, vice-president of the Grand Prix "History of Paris "(Histoire de Paris) (France, Paris)

Vyacheslav V. Shel - Candidate of Military Sciences, Colonel, Head of the Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Deputy Editor-in-Chief of the Internet publication Science and Society Defense (Moscow, Russian Federation),
AuthorID: [974023](#)

Современная Россия

Общество России: история и современность

Патриотическое воспитание

Общественная и государственная безопасность

Историческая политика

Армия, власть и общество

Здоровье нации

Международные отношения

Мировая политика: история, теория и практика

Миграционные процессы в глобальном мире

Проблемы войны и мира

Военная безопасность

Воинское обучение и воспитание

Вооружение и военная техника: история и современность

Спецслужбы: история и современность

Философия науки

Научные кадры

История экономической мысли

Информационные технологии: наука и практика

Объективная история

История в лицах

История Великой Победы

Историография

История верований, религий и церквей

История казачества

Искусство: история и современность

Работы молодых ученых

Thematic sections

Journal Nauka. Obščestvo. Oborona

International relationships

World politics: history, theory and practice

Migration processes in the global world

Problems of War and Peace

Modern Russia

Russian society: history and modernity.

Patriotic education

Public and State Security.

Historical Policy.

Army, Government and Society.

Health Nation

Military security.

Military training and education

Armament and military equipment: history and modernity.

Special services: history and modernity.

Philosophy of Science

Scientific personnel

History of Economic theories, doctrines, dogmas

Information Technology: Science and Practice

Objective History.

History in Faces

History of the Great Victory.

Historiography.

History of faith, religion, denomination or church

History of the Cossacks

Art: history and modernity.

Works of young scientists

Сетевое издание "Наука. Общество. Оборона"

Свидетельство о регистрации

Сайт является средством массовой информации

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-53538 от 04 апреля 2013 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта в ИТС Интернет: NOO-JOURNAL.RU

Договор с Научной электронной библиотекой (eLIBRARY)
№ 320-05/2013 от 27.05.2013 г.

ISSN [2311-1763](#)

Префикс DOI 10.24412/2311-1763 ранее - 10.24411/2311-1763 (2013-2020 гг.)

Примерная тематика и (или) специализация: образовательная, культурно-просветительская в области организации научной деятельности, публикации результатов исследований, развития российского общества, его политической культуры, проблем военной науки и обороноспособности России, отечественной истории, военной истории, противодействия попыткам фальсификации и искажению истории в ущерб интересам России, реклама в соответствии с законодательством Российской Федерации о рекламе

Учредитель: [Кикнадзе Владимир Георгиевич](#)

Главный редактор: Кикнадзе В.Г.

Адрес редакции: 125445, Москва, ул. Левобережная, д. 4, корп. 12, кв. 32

E-mail: kiknadzevg@mail.ru; kiknadzevg@gmail.com

Тел.: +7(926)336-72-58

Издатель: Сетевое издание "Наука. Общество. Оборона"

Адрес издательства: 125445, Москва, ул. Левобережная, д. 4, корп. 12, кв. 32

E-mail: kiknadzevg@mail.ru; kiknadzevg@gmail.com

Включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ([Перечень ВАК](#); исторические науки)

Издание входит в систему Российский индекс научного цитирования (**РИНЦ**)

- пятилетний импакт-фактор РИНЦ **0,253**
- **SCIENCE INDEX** по Истории - **37 место**, по Военному делу - **2 место**

Статьи размещаются в Научной электронной библиотеке ([eLIBRARY](#))

Обязательный экземпляр издания регистрируется в ФГУП ИТЦ "[Информрегистр](#)"

Все выпуски в **Открытом доступе** в [архиве](#) и базах:

- КиберЛенинка ([CyberLeninka.ru](#))
- [Index Copernicus International World of Journals](#)

В настоящее время предусмотрены следующие рубрики [Научного издания](#) :

- Объективная история
- Общество России: история и современность
- Современная Россия
- Мировая политика: история, теория и практика
- Международные отношения
- Проблемы войны и мира
- Армия, власть и общество
- Общественная и государственная безопасность
- Военная безопасность
- Миграционные процессы в глобальном мире
- Философия науки
- Научные кадры
- Информационные технологии: наука и практика
- История в лицах
- Историография
- История Великой Победы
- Воинское обучение и воспитание
- Патриотическое воспитание
- Искусство: история и современность
- Спецслужбы: история и современность
- Вооружение и военная техника: история и современность
- История верований, религий и церквей
- История казачества
- Здоровье нации
- Работы молодых ученых
- Научные сообщения

Ответственность за достоверность информации, точность цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы.

Электронное издание "Наука. Общество. Оборона" публикует лишь те материалы и документы, которые соответствуют требованиям [Порядка оформления, рецензирования и опубликования статей \(Инструкция авторам\)](#).

Авторы присылают свои рукописи на электронный адрес редакции.

В соответствии с действующим законодательством **редакция имеет право не вступать с авторами в переписку**, рукописи, присланные в редакцию материалы и электронные носители не возвращать.

Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.

При перепечатке материалов **ссылка на "Наука. Общество. Оборона" обязательна**.

Авторские **гонорары** не выплачиваются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редакции для переписки:

125445, г. Москва, ул. Левобережная, д. 4, корп. 12, кв. 32, Кикнадзе Владимиру Георгиевичу

E-mail: kiknadzeVG@mail.ru

kiknadzeVG@gmail.com

Наши награды: Победитель (2020 г., 2016 г., 2014 г.), Лауреат (третья премия 2019 г., третья премия 2018 г.; третья премия 2017 г.; вторая премия, 2013 г.) Всероссийского конкурса СМИ ["Патриот России"](#).

По результатам **2020** (2019; 2018; 2017) года:

- пятилетний импакт-фактор РИНЦ **0,253** (0, 179; 0,067; 0,024)
- двухлетний импакт-фактор РИНЦ **0,400** (0, 141; 0,081; 0,037)

По тематике **"История. Исторические науки"** (всего **726** журналов) журнал занимает по итогам экспертизы за 2020 (2019; 2018; 2017) год следующие места:

- **28** (46; 35; 192) **место** - Индекс Херфиндаля по организациям авторов
- **40** (72; 207; 291) **место** - Пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам
- **45** (139; 175; 180) **место** - Двухлетний ИФ РИНЦ с учетом цитирований из всех источников
- **48** (127; 166; 188) **место** - Двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования
- **69** (146; 161; 184) **место** - Двухлетний импакт-фактор РИНЦ
- **75** (88; 147; 154) **место** - Пятилетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования
- **180** (185; 372; 480) **место** по числу цитирований журнала за год без самоцитирования
- **186** (205; 228; 304) **место** - Десятилетний индекс Хирша
- **192** (199; 304; 291) **место** по числу цитирований журнала за год
- **201** (195; -; -) **место** - Пятилетний импакт-фактор по ядру РИНЦ

Network Journal "Nauka. Obshество. Oborona"

Registration certificate

The Site is a Mass Medium.

Certificate of **registration** of the mass media: EI No. FS77-53538 dated April 4, 2013 of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

The domain name of the site in the ITS **Internet**: NOO-JOURNAL.RU

Contract with the **Scientific Electronic Library** (eLIBRARY) No. 320-05 / 2013 of 27/05/2013.

ISSN 2311-1763 (Online)

DOI 10.24412/2311-1763 previous to (2013-2020) - 10.24411/2311-1763

Approximate subjects and (or) specialization: educational, cultural and educational in the field of organization of scientific activities, publication of research results, development of Russian society, its political culture, problems of military science and defense of Russia, domestic history, military history, countering attempts to falsify and distort history to the detriment of Russia's interests, advertising in accordance with the legislation of the Russian Federation on advertising.

Founder: [Vladimir G. Kiknadze](#)

Editor-in-Chief: Vladimir G. Kiknadze

Address of the editorial office:

125445, Moscow, st. Levoberezhnaya, 4, bldg. 12, apt. 32

E-mail: kiknadzevg@mail.ru; kiknadzevg@gmail.com

Тел.: +7(926)336-72-58

All articles of the Journal are on the [website](#) in **OPEN ACCESS**

The full text of the articles in **OPEN ACCESS**:

- CyberLeninka ([CyberLeninka.ru](#))
- [Index Copernicus International World of Journals](#)

[Publication Ethics](#)

The publication is included in the **Russian Index of Scientific Citation** (RSCI)

According to the results of **2020** (2019; 2018; 2017):

five-year impact factor **RSCI 0.253** (0.179; 0.067; 0.024)

two-year impact factor RSCI 0.400 (0.141; 0.081; 0.037)

On the topic "**History. Historical Sciences**" (a total of 726 journals) the Journal takes for **2020** (2019; 2018; 2017) the year:

- **28** (46; 35; 192) **place** in Herfindahl index by authors' organizations
- **40** (72; 207; 291) **place** on the indicator Five-year Herfindahl index on citing journals

- **45** (139; 175; 180) **place** on the indicator Two-year impact factor of RSCI taking into account citations from all sources
- **48** (127; 166; 188) **place** on the indicator Two-year impact factor RSCI without self-citation
- **69** (146; 161; 184) **place** on the indicator Two-year impact factor RSCI
- **75** (88; 147; 154) **place** on the indicator Five-year impact factor RSCI without self-citation
- **180** (185; 372; 480) **places** to the number of citations of the journal for the year without self-citation
- **186** (205; 228; 304) **place** on indicator Ten-year Hirsch Index
- **192** (199; 304; 291) **places** to the number of citations of the journal for the year
- **201** (195; -; -) **place** on the indicator Five-year impact factor for the RSCI core

Articles are placed in the

- Scientific Electronic Library ([eLIBRARY](#))
- [CyberLeninka.ru](#)
- Index Copernicus International World of Journals

Currently, the following sections of the [Scientific](#)

[Publication](#) are provided:

- [International relationships](#)
- [World politics: history, theory and practice](#)
- [Migration processes in the global world](#)
- [Problems of War and Peace](#)
- [Modern Russia](#)
- [Russian society: history and modernity](#)
- [Patriotic education](#)
- [Public and State Security](#)
- [Army, Government and Society](#)
- [Health Nation](#)
- [Military security](#)
- [Military training and education](#)
- [Armament and military equipment: history and modernity](#)
- [Special services: history and modernity](#)
- [Philosophy of Science](#)
- [Scientific personnel](#)
- [Information Technology: Science and Practice](#)
- [Objective History](#)
- [History in Faces](#)
- History of the Great Victory
- [Historiography](#)
- [History of faith, religion, denomination or church](#)
- [History of the Cossacks](#)
- [Art: history and modernity](#)
- Works of young scientists

Responsibility for the reliability of information, the accuracy of figures and citations, as well as for the fact that the materials do not have data not subject to public publication, are the authors.

The electronic edition of "Science, Society, Defense" publishes only those materials and documents in which there is an address of the author (postal or e-mail), academic degree, academic title, telephone number, his full position, job, surname, name, patronymic, the number, month and year of birth, ORCID id, SCOPUS id, AuthorID. [Authors should](#) provide a annotation (200-250 words) for their material and keywords (7-10) in Russian and English, as well as contact information for correspondence, which will be placed in the publication.

Authors can send their manuscripts to the e-mail address of the publication.

In accordance with the current legislation, the editors have the right not to enter into correspondence with authors, manuscripts, materials sent to the editorial office and electronic media do not return.

The editorial position does not necessarily coincide with the point of view of the authors.

When reprinting materials, a reference to "Science, Society, Defense" is mandatory.

The royalties are not paid.

Post-graduate fees are not charged for the publication of manuscripts.